

Игорь Шиповских

**ТРИДЦАТЬ ОДНА
СКАЗКА ОБО ВСЁМ
НА СВЕТЕ**

Новеллы-сказки

Игорь Шиповских

Тридцать одна сказка обо всём на свете. Новеллы-сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63830787

ISBN 9785005316851

Аннотация

Это сборник из тридцати одной ранее опубликованной сказки о стойкости и отваге, о дружбе и разладе, о радости и грусти, о щедрости и жадности, о драме и комедии, о тщеславии и скромности, о победе и поражении, о ненависти и притворстве, о милосердии и привязанности. А ещё о зверятах и ребятах, о доброте и воздаянии за неё, о магии и чести, о приличии и ненасытности, о счастье и, конечно, о негаданной любви. А действия этих волшебных историй происходят в разные времена, и даже в разных мирах...

Содержание

1. Сказка о юном кузнечике Кузьке и его невероятных приключениях	5
2. Сказка о пареньке Ефимке, его колдовской улыбке и их похождениях по белу свету	36
3. Сказка о странном путнике Августине и его противоречивом поведении	83
4. Сказка о ворчливом ёжике Пыхе и его нежданном знакомстве, повлекшем за собой добрые перемены	126
5. Сказка о жадном, сварливом хомяке, коему всё же пришлось измениться	149
6. Сказка о мистических событиях происшедших с неким Феофаном, ханжам и нервным лучше не читать	176
7. Сказка о середняке Филимоне и его внезапных злоключениях	233
8. Сказка о бенгальской тигрице, трёх её белых тигрятах и духе реки Брахмапутры	265
9. Сказка о жадном художнике Ареде-скареде, который любил деньги больше, чем своё искусство	299
Конец ознакомительного фрагмента.	307

**Тридцать одна сказка
обо всём на свете
Новеллы-сказки**

Игорь Шиповских

© Игорь Шиповских, 2021

ISBN 978-5-0053-1685-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Сказка о юном кузнечике Кузьке и его невероятных приключениях

1

Когда-то давно в одном чудесном лесу, возле широкой речки, под сенью раскидистых дубов находилась ни с чем не сравнимая по красоте и благодати зелёная поляна. Хотя скорее это была очаровательная лужайка или лужок. Но как бы ни называть это прелестное место, хуже от этого оно не стало бы, а потому различного рода обитателей на этой поляне водилось несметное множество. Всяких жучков, паучков, бабочек, червячков, стрекоз, гусениц и даже муравьёв имелось здесь в широком ассортименте, каких только видов и семейств тут не проживало.

Любой энтомолог, ученый, изучающий насекомых, был бы просто счастлив сюда попасть. Однако этому не суждено было осуществиться никогда, ведь это райское место располагалось далеко от человеческих глаз, уж так распорядилась матушка-природа. И такая оторванность от людей давала свои преимущества. На свежем воздухе и чистой воде природа беспрестанно творила свои опыты по выведению новых форм и видов здешних насекомых. Отчего на свет порой появлялись до сих пор невиданные создания с непредсказуемыми признаками.

Например, у бабочек менялась окраска крылышек, жучки отращивали дополнительные рожки, паучки иначе плели паутины, полевые цветы начинали бурно цвести и источать невероятные по соблазнительности ароматы, муравьи вдруг приобретали ещё более мощную силу, а стрекозы ухитрялись летать по особенным траекториям, выписывая в воздухе немислимые кульбиты; и так можно перечислять до бесконечности.

Впрочем, многие виды жили спокойно и размеренно, вроде вокруг ничего особенного и не происходило. В частности, такой размеренный образ жизни вело и небольшое, скромное семейство кузнечиков, состоящие всего-то из пары особей, папы и мамы. Они по-прежнему неспешно вели своё хозяйство, оберегали свои владения, разводили живность, охотились, работали, растили потомство, обучали его и выпускали в мир. В общем, всё как всегда, обычное явление, привычная жизнь.

2

И вот однажды папа этого семейства, старший кузнечик, как и каждый день, собрался пойти погулять по поляне. Попрыгать, поскакать, размять косточки, насобирать еды, одним словом исполнить повседневный моцион. Но не надо забывать, что поляна эта располагалась в чудесном лесу, иначе говоря, в сказочном, волшебном месте, а значит, здесь всё и было как в сказке. То есть, у кузнечиков имелся свой дом, своё жилище, свой район, своя улица, даже школа и магази-

ны. Разумеется, то же самое имелось и у всех прочих обитателей лужайки; и у бабочек, и у стрекоз, и у жучков, и у червячков. А что уж говорить про муравьёв, всякий знает, что их муравейники это вообще целые города, только в миниатюре.

Проще говоря, всё тут было, как и положено в волшебных историях. А потому нет ничего удивительного в том, что поляна представляла собой, по сути, огромный мегаполис, настоящий мир насекомых. Ну а папа-кузнечик как раз и любил гулять по этому миру, притом всегда с пользой. Не было такого дня, чтоб он не нашёл что-нибудь очень нужное в хозяйстве; то какую дощечку домой сыщет, то пыльцы с цветков для аромата соберёт, то питательные зёрнышки на обед принесёт, то свежей росинки напиться возьмёт. Вот и на этот раз, гуляет он, гуляет, да всё приговаривает.

– Эх, как же хорошо на нашей поляне жить,... всего-то у нас вдоволь: и цветков, и семян, и ягод, и грибов,... еды навалом, а если хочется, то можно и мошек наловить,... вон они, словно дичь повсюду кружат!... Ну а как же свежо дышится,... какой аромат кругом,... куда не пойдёшь, везде благодать,... хоть направо прыгай, хоть налево скачи, всюду хорошо... – идёт он и по сторонам поглядывает, район свой нахваливает. И тут видит в кустах зелёной травки сидит совсем крошечный кузнечик, прямо только-только вылупился, на свет появился. Глазами своими большими на мир смотрит и понять не может, что это с ним происходит. Откуда всё

взялось, ведь вроде только что в уютном коконе сидел, а тут раз, и снаружи оказался. Ну и конечно папа-кузнечик сразу к нему ринулся.

– Ты чей, малыш?... где твои родители?... как ты тут оказался?... – подскочил к крохе и спрашивает его, а тот ничего разобрать не может, но все же ответить пытается.

– Я пока ничего не знаю,... и вас плохо понимаю,... никого здесь не видел,... никаких родителей,... зато разговаривать умею... – удивлённо глядя на папу-кузнечика, пролепетал он.

– Ах ты, малютка,... горе-то, какое,... да ты никак сирота, брошенный!... Кто-то снёс яичко, да так и оставил, не позаботился,... один ты, без родителей!... Ох, бедняжка,... погибнешь ведь ты так,... замёрзнешь или с голоду поумрёшь,... что-то надо с тобой делать... – задумчиво произнёс папа-кузнечик, а малыш тем временем инстинктивно потянулся и прижался к нему всем своим крохотным тельцем. Естественно от такого прикосновения папа-кузнечик просто-таки растаял в нежных чувствах.

– Ах, ты маленькое создание,... ой, как прижался-то, словно родного признал!... Ну, тут уж ничего не поделаешь, ты сам свою судьбу выбрал,... возьму-ка я тебя к себе домой,... у нас с женой сейчас как раз никого нет,... наши-то дети уже подросли и разъехались, а ты на их место придёшь!... Уж мы тебя воспитаем,... не впервой нам с ребятами-то возится... – великодушно заключил папа-кузне-

чик и повёл малыша к себе. Разумеется, жена кузнечика приняла малыша душевно, по-матерински, с женской любовью, и сразу взялась хлопотать: устраивать ему комнатку, знакомить с домом и с порядками в нём заведёнными. Так в семье кузнечиков случился прибыток, у них поселился маленький найдёныш.

3

Не прошло и пары дней, как кроха кузнечик быстро обжился и стал называть приютивших его кузнечиков по-простому, по-семейному, папа и мама. А уж это им очень понравилось, они вновь почувствовали себя родителями и проявили к сиротке максимум доброты и участия, даже имя ему дали – Кузька, так им показалось милее. И жизнь у них сразу началась весёлая с шутками прибаутками и с ненавязчивыми нравоучениями, ведь именно так в непринуждённой форме легче всего воспитывать детей. Однако по-прошествии недели, когда Кузька уже достаточно подрос, мама решила к такому воспитанию добавить ещё и музыкальные навыки.

– Вот что, мой милый Кузенька,... у нас все детки получили начальное музыкальное образование,... и девочки, и мальчики в нашей семье умели весьма прилично играть на скрипке!... Так что мы и тебя этому обучим,... а ты уж постарайся, учись, и прими это, как должное... – настоятельно предложила она, и передала приёмному сыночку скрипку, оставшуюся от старших детей.

– Ой, мамочка, спасибо тебе!... я приложу всё своё стара-

ние, чтоб стать известным скрипачом и оправдать твои надежды!... Да и папе докажу, что он не зря меня нашёл и привёл домой,... он будет мной доволен!... – радостно заявил Кузька, и сходу принялся водить смычком по струнам. Так сказать, не теряя времени зря, взялся за учёбу. Ну а как же иначе, ведь он кузнечик, и уж так у них принято, что все дети умеют играть на скрипке. Впрочем, тут ничего удивительного нет, ведь об этом даже в сказках сказано и в песнях пропето, а стихи про кузнечиков вообще всякий знает. Стреко-чут они в травке, словно струнный симфонический оркестр.

Вот и маленький Кузька проявил недюжее усердие, чтоб освоить такой сложный и капризный инструмент, как скрипка. С утра и до ночи он всё пиликал и пиликал, стараясь освоить музыкальные азы. Меж тем время шло, день сменялся днём, неделя неделей. Кузька заметно подрос, возмужал, и у него стали проявляться абсолютно не характерные для простых кузнечиков черты. На лапках и ножках образовались колючие шипы очень похожие на бойцовые шпоры. А голова над глазами покрылась плотной коркой хитина, словно забрало рыцарского шлема. И всё это вместе сильно удивляло его приёмных родителей.

– Как-то ты странно изменился,... уж не степная ли ты дыбка,... мы-то простые кузнечики, мирные обитатели поляны, а ты вон какой особенный растёшь,... на наш взгляд чудной, и даже несуразный... – однажды подметил папа, а Кузька только отшутился.

– Да все эти шипы и шпоры у меня выросли лишь только для того, чтоб удобней было скрипку держать,... я ведь теперь могу и так её зажать, и этак,... мне даже так больше нравится... – усмехаясь, подметил он и продемонстрировал родителям, как это у него получается. Но надо признаться, что все его старания были тщетны, овладеть скрипкой у него плохо выходило. Ну, никак он не мог научиться играть на ней. Другие-то кузнечики уже всюю пиликали. Такие трели выводили, что стрёкот на всю поляну стоял. А Кузьке наоборот шипы только мешали играть. Притом с каждым днём их добавлялось только ещё больше.

И вскоре Кузька стал ходить на какого-то монстра. Скорей на колючего ниндзю или самурая, чем на кузнечика-скрипача. Да и характер у него тоже стал меняться, а вместо мягкого покладистого тона в разговорах у него вдруг начал превалировать грубый, горловой тембр. Хотя ростом он пока особо не вытянулся, даже отца не догнал. А потому папа-кузнечик всё ещё имел на него влияние и постоянно делал ему замечания.

– Кузька, ты бы уж хоть маме не грубил, а то она жалуется, что ты стал на неё покрикивать да перечить,... что это за манеры такие?... разве мы тебя так воспитывали?... – как-то вечером высказался он, и тут же получил ответ.

– Ну нет, это никуда не годится,... хватит делать мне замечания,... я уже совсем взрослый кузнечик, а ты меня всё воспитываешь и воспитываешь, поучаешь и поучаешь, пилишь

и пилишь, словно я какой-то сверчок недоделанный!... Да и мама тоже без умолку меня поучает,... и то ей не нравится, и это не подходит,... постоянно требует, чтоб я на скрипке играл,... а она мне уже надоела, ну не получается у меня с ней!... Да и вообще мне всё надоело,... не могу я больше с вами жить!... замучили вы меня своими поучениями!... хватит, конечно!... – вновь грубо вскричал Кузька, и, не раздумывая, выскочил прочь из дома, сиганул в траву, и нет его. Разумеется, папа и мама, сразу стали кричать ему вслед.

– Сыночек!... милый!... вернись!... прости нас!... мы погорячились!... – чуть ли не в голос взмолились они, и уже было хотели броситься за ним вдогонку, как из кустов показался их сосед, вполне себе степенный кузнечик-старичок с большим жизненным опытом.

– Вот что я вам скажу соседи,... я давно наблюдаю за вашим сыночком-найдёнышем,... с тех самых пор как вы его привели,... и он мне ещё тогда показался подозрительным,... голова слишком большая, лапки длинные, кривые, а сам приземистый!... По-моему это помесь стрекозы и богомола,... только пока не летает, потому что ещё крылья не сформировались,... ну а как полетит, так проявит себя в полной мере!... Так что вы за ним лучше не бегите, пусть себе идёт куда хочет,... прогуляется, остынет, может сам вернётся,... а коли нет, то и так не пропадёт,... вы его вырастили, дали навыки, уже и этому радуйтесь!... И, кстати, он прав, скрипач-то из него никудышный,... ему бы больше

пошло солдатом быть... – сделал он веское замечание, чем ввёл родителей Кузьки в ступор. Они действительно задумались: а кого же они вырастили? что за кузнечик у них получился? кто он вообще такой?

4

А тем временем сам Кузька безостановочно скакал и прыгал по поляне. Он, наверное, первый раз в жизни почувствовал себя таким свободным. Куда хотел туда и скакал, никто его не останавливал, не поучал. А, как известно, поляна это огромный мегаполис с различными обитателями, их нравами, и, конечно же, множествами всяких соблазнов и неприятностей. И вот, вдоволь напрыгавшись, Кузька вдруг почувствовал приятную истому и сильный голод, а куда же без него-то, прыжки прыжками, свобода свободой, а кушать хочется всегда.

И тут Кузьке на глаза, благо они у него были большие и зоркие, попался земляной запасник шмеля. Хотя вернее будет сказать не запасник, а этакий придорожный кабачок в траве, где каждый желающий или прохожий мог бы испить кружечку сладкого нектара и закусить приятной пылью. По человеческим меркам, то была скромная закусочная. И, несомненно, так оно и было, ведь все мы знаем, что шмели большие труженики, они постоянно собирают с цветков пыльцу, нектар и запасают их в своих погребах. Ну а в этом случае шмель выставлял излишки ещё и на продажу. Притом надо помнить, что это был не простой, а сказочный шмель.

И конечно Кузька кинулся к нему подкрепиться. Он был настолько голоден, что сходу без спросу набросился на один из бочонков с нектаром, который стоял недалеко от входа в углу кабачка. Отчего шмель пришёл в искреннее недоумение.

– Эй, юноша!... что это ты тут устроил!?!... Ворвался ко мне без стука, без повода и на мои запасы покушаешься!... На каком это основании ты пьёшь мой нектар!?!... – уже более возмущённо вскричал он, на что Кузька с набитым ртом парировал.

– Ха-ха,... а основание у меня одно,... просто я голоден и хочу пить!... Дома я всегда так делаю, когда мне приспичит поесть,... мама и папа кормят меня без лишних вопросов,... не то что ты, жадный шмель!... – резко ответил Кузька, и было продолжил утолять голод, но шмель не дал ему это сделать.

– А ну прекрати немедленно!... Здесь тебе не дом,... и ты правильно заметил, я тебе не папа с мамой,... и вовсе я не жадный, а просто справедливый, ведь у меня здесь закусочная, и каждый, кто пользуется моими услугами, должен заплатить,... уж так устроен мир!... Мне ведь тоже всё задаром не достаётся,... мне приходится много трудиться, прежде чем наполнить бочонки нектаром, а ларцы и сусеки пылью!... Попробуй-ка, пойди, полетай по поляне, да пособирай нектар с цветков,... тогда поймёшь, что любой труд достоин оплаты!... А ты накинулся на мои запасы, да-

же не спросив разрешения,... так что не обессудь, придётся мне тебя проучить за наглость!... – слегка обозлившись, отозвался шмель и, обнажив своё жало словно шпагу, с размаху шлёпнул Кузьку по спине, но не сильно, а лишь для острастки, да ещё и добавил.

– Вот, получил, шельмец!... сейчас я тебе ещё врежу!... Уж высеку тебя, так высеку!... будешь помнить мою науку!... – прикрикнул он, и уже было собрался вновь хлестнуть Кузьку, как тот воспрял и оказал отпор. Подставил свою большую лапку с острыми шипами под удар шмеля, дабы отразить атаку. Отчего, вполне естественно, завязалась схватка, разгорелся конфликт. Они с таким усердием замахали своим оружием, что чуть не перевернули всё верх дном. Однако вскоре сила, опыт и возраст, взяли верх над юной самоуверенностью, и Кузька был повержен. Могучий шмель зажал его в углу и приставил острие своего жала прямо к кузькиному горлу.

– Ещё одно движение и я просто проткну тебя!... И это засчитается, как самооборона!... Не хочешь, чтоб я высек тебя, как наглого вора, так отработай, что потратил!... Возмести ущерб, ведь вылакал-то ты немало... – резко потребовал шмель поверженному и пристыженному Кузьке.

– Ну, хорошо, шмель,... сразу видно ты бывалый воин,... вон как ты ловко меня смял,... теперь придётся отработать!... Говори, что делать,... можешь дать самую тяжёлую работу, я всё выполню... – запыхавшись, отозвался Кузька,

и приготовился к любому наказанию, даже самому страшному. Но старый шмель был мудр и не стал наказывать его слишком сурово, а лишь попросил помочь ему прибраться в закусочной, ведь они устроили в ней настоящий погром, пока выясняли кто прав.

Впрочем, Кузьке и уборки хватило, дабы понять, что за всё надо отвечать и просто так полакомиться больше не получится. Шмель был прав, здесь на свободе, вне домашнего очага, где нет ни папы, ни мамы, за все свои прихоти придётся платить. Ну а после того, как они прибрались, шмель подобрел, и попросил Кузьку, ещё и помочь принести из подвала бочонки с нектаром. А Кузька и не отказался, за что шмель угостил его вкусной пылью. Так они, в общем-то, и помирились. Затем Кузька, сытно перекусив, попрощался со шмелём, и отправился дальше, ему не терпелось изучить окружающий его мир.

5

Дальнейший путь Кузьки лежал в новую, непознанную часть поляны. Оказалось там и трава погуще растёт, да и обитателей побольше живёт. То тут, то там Кузьке навстречу попадались всё новые и незнакомые ему странники. Все они куда-то спешили, все что-то несли, катили. У Кузьки складывалось такое впечатление, что он попал на большую дорогу, которой пользовались абсолютно все представители сообщества поляны.

Кого здесь только не было: и жучки-бегунцы на длинных

лапках, и муравьишки с поклажей в клешнях, и какие-то паучки с выводком-мелюзгой на спине, и даже гусеницы всевозможных размеров и цветов выхаживали здесь, словно на прогулке. А что уж говорить о сороконожках, те семенили по дороге с такой скоростью, что пыль поднималась столбом. Движение шумело, будто в час пик на главной улице большого города. Впрочем, так и было на самом деле, ведь поляна это огромный мегаполис, а эта дорога являлась одной из его наикрупнейших артерий. Однако ближе к окраине темп несколько снизился, и Кузька смог спокойно вздохнуть.

– Ну, надо же, ... вот я попал в переплёт, ... столько всякого народа повидал, ... и что интересно нет никакой возможности остановиться, иначе просто затопчут. А так хочется показать им всем, какой я сильный и храбрый, ведь я не побоялся схватиться с матёрым шмелём! ... Но им всё равно, они несутся по своим делам и не замечают меня, ... хотя я тоже хорош, так же несусь непонятно куда, ... ладно ещё поток чуть утих, а то бы совсем запыхался. Нет, хватит этой гонки, надо бы где-нибудь остановиться и перевести дух... – на ходу подумал он, поглядывая по сторонам, ища место для отдыха.

И тут вдруг ему навстречу прямо из-за очередного поворота вываливает громадная гусеница вся в каких-то острых колючках. Утыкана иголками, словно ёжик. Притом колючки у неё ничуть не меньше, чем шипы и шпоры у самого Кузьки. Отчего он даже оторопел, встал как вкопанный, а гу-

сеница на него так и прёт, никакого внимания на него не обращает. Ну, тут Кузьку опять ретивое взяло: как это так, его замечать не хотят, будто он блоха безродная. А он-то хоть и юный, но кузнечик, притом с грозными шпорами и шипами. И теперь он уже с дороги уходить не собирается. Занял стойку и озлобился, а гусеница к нему подползает и с высоты своего роста говорит.

– Эй ты, кузнечик мелкотня, не видишь что ли, кто перед тобой!?!... А ну-ка прочь, уступи дорогу, не то смету вместе с потрохами!... – этак нагло заявляет, но и Кузька тоже дерзить умеет.

– Как это я не вижу, кто передо мной?... конечно, вижу,... шерстяной носок ползёт!... Да только я его пропустить не хочу, всю спесь с него спущу, а то уж больно он раздулся!... Так что это ты смотри, на кого ползёшь,... не видишь что ли, у меня тоже шипы есть!... берегись, разорву!... – не менее вызывающе откликнулся он, на что гусеница аж присела на своих коротких ножках, хотя и не хотела этого.

– Да ты что, не знаешь что ли, кто я!?!... Эх, молодость, вот чему вас только родители учат!?!... Да будет тебе известно, что я самая ядовитая гусеница в лесу!... мои-то шипы пострашней твоих будут!... Всего один укол, и ты уже на небесах!... Да меня тут все боятся,... ты только посмотри вокруг, все разбежались, едва заметив меня,... это лишь ты не знаешь, что со мной лучше не связываться,... а уж они-то знают!... Да из меня потом получится самый большой мотылёк

на свете, и самого высокого полёта!... Я буду наводить ужас на такую мелочь, как ты,... меня даже птицы станут избегать, мой яд страшен и для них,... а потому прочь с дороги!... – мигом насупившись, злобно заверещала гусеница.

Отчего Кузька напряг мышцы на своих задних лапках и резко скаканул на противника. Отступить он не собирался: подумаешь, какая-то гусеница воображает, да ещё и угрожает. Кузька тоже не из ваты сделан, на нём непробиваемое хитиновое покрытие, почти броня, и шлем на голове, к тому же крепкие шпоры на ногах. Налетев на гусеницу, он сходу переломал ей с десятков шерстяных шипов, и никакой яд его не взял. Кузька просто не коснулся его, зато вмиг изловчился и сильно царапнул гусеницу за бок. Отчего та взвыла, словно ошпаренная и взмолилась о пощаде.

– Ой-ё-ёй!... что ты делаешь!?!... ты так действительно порвёшь меня, и я вся вытеку, даже не успею окуклиться!... Всё-всё, хватит, перестань!... ты победил!... Уж вижу-вижу, ты необыкновенный кузнечик,... у тебя в роду наверняка были боевые стрекозы,... а они отъявленные разбойники и хищники!... Отпусти меня,... я сдаюсь и уползаю прочь!... – испуганно запросила гусеница, быстрее убираясь с дороги.

– Ага!... поняла, что со мной шутки плохи!... Думала, что раз когда-нибудь станешь большим мотыльком, то тебе всё позволено!?!... ан нет, шалишь,... и на тебя молодцы найдутся!... Ползи-ползи отсюда, шерстяной носок,... мне

твой яд нестрашен, я сам пострашней любого яда!... Так-то! ... – прокричал Кузька вслед поверженной гусенице, а она так быстро улепётывала, что через пару секунд от неё и следа не осталось. Зато Кузька, вдохновлённый своей такой победой, важно пошагал дальше уже по освобождённому пути. Все кто видел его схватку с ядовитой гусеницей, теперь учтиво уступали ему дорогу, а весть о нём моментально облетела всю округу.

6

Меж тем настал вечер, стемнело, и пришла ночь. Кузька впервые провёл её вне дома. Переночевав под кустом, завернувшись в какой-то опавший лист, совершенно попоходному, утром он снова отправился в дорогу. Теперь его путь лежал в сторону, где хозяйничали муравьи. Да-да, в этом большом мегаполисе нашлось место и муравейнику, а как же без него, ведь поляна огромна. Впрочем, Кузька пока ещё не знал, что направляется в район муравьёв, этих чёрно-красных воинов леса. Он ведь пока вообще мало что знал, и только знакомился со всем, что его окружало. Шел он себе так, шёл, да по сторонам поглядывал.

И тут вдруг ему навстречу опять выползает что-то незнакомое, а именно какой-то непонятный жук средних размеров со странной окраской; весь красный, а на хитиновых надкрыльях чёрные круглые пятна горошком. Да и сам-то жук тоже больше на круглый шар похож, вернее на полушарие, не такой как все прочие продолговатые жуки. Бежит прямо

на Кузьку и при этом в жвалах тлю несёт. А надо сказать, что тли в муравьином хозяйстве играют важную роль, они там что-то навроде коров. Муравьи их подкармливают, па-сут, а те им сладкие капельки молочка выдают.

Но Кузька-то этого тоже не знал, и опять встал как вкопанный, жуку дорогу уступать не собирается. Но жуку абсолютно всё равно, он прёт напролом, словно броневик и сходу на Кузьку несётся. И быть бы катастрофе, да только у Кузьки реакция хорошая, он в самый последний миг всё же успел отскочить, а жук мимо него пролетел. И в ту же секунду следом за жуком из кустов раздались нарастающие крики.

– Лови вора!... Хватай его, супостата!... – это кричали муравьи, устроившие за жуком погоню, ведь он у них тлю-коровку украл. А их там целая толпа бежит, и тут им на дороге Кузька попался. Разумеется, они на него с упрёками на-бросились.

– Ты что, не слышал что ли, мы кричали, лови вора!?... мог бы и задержать его!... Ах ты, ротозей!... – загалдели они, отчего Кузька поспешил оправдаться.

– Да вы чего так кричите-то?... упрекаете меня,... а ведь я пытался его остановить, но он меня чуть не снёс,... вот вы сами его упустили, теперь сами и ловите,... я здесь ни при чём!... – протараторил он, но муравьи только ещё больше загалдели.

– Ах ты, хитрец, да ты с ним заодно!... Ты специально ловить его не стал!... Тебе лишь бы нас задержать!...

А ну братцы хватайте его!... Потащим в муравейник!... Там с ним разберёмся,... будет знать, как нашим врагам помогать!... – вдруг вскричал их главный муравей, и цапнул Кузьку за лапу, остальные мураши, следуя его примеру, тоже накинулись на Кузьку.

– Стойте-стойте!... что вы делаете!?!... Я ни в чём не виноват!... Отпустите меня, я вам сейчас докажу, что тоже не терплю воров!... – завопил Кузька, пытаясь освободиться. И надо же такому быть, муравьи послушались его.

– И как же ты нам докажешь!?!... А ну говори, почему мы должны тебе верить?!... – отпрянув от Кузькиной лапы, потребовал главный муравей.

– Да я же кузнечик,... прыгаю высоко, вижу далеко, и если надо, то вмиг догоню вам этого жука,... опережу и задержу!... Но только уж и вы не зевайте, догоняйте и хватайте его, а не меня!... – тут же отозвался Кузька.

– Ах, так вот как,... ты нам его поймаешь!... Ну, это же хорошо,... лови, да только смотри, не пытайся сам сбежать, иначе мы тебя всё равно выследим и поймаем!... Вон ты, какой приметный, не ошибёмся, по всему лесу бегаем, найдём, и тогда уж не отпустим, отомстим за обман!... Ну, давай, лови нам жука!... – затребовал главный муравей, и жестом дал команду своим подчинённым отпустить Кузьку, а те так и поступили, слезли с бедняги.

– Вот это другое дело!... сейчас я его вам мигом поймаю!... – расправив плечи, отозвался Кузька и ринулся в по-

гоню за жуком. С его-то ногами-скороходами это ему быстро удалось, сначала в два прыжка выяснил с высоты своего полета, где сейчас бежит жук, а уже затем, третьим прыжком настиг его. Вновь очутился впереди его, но только теперь чуть сбоку и слёту поставил ему подножку, жук как раз пробежал мимо. Нога-то у Кузьки крепкая, мощная, жук об неё и споткнулся, не удержался на своих коротких лапках и полетел носом в пыль. А пока падал, выпустил тлю из жвал. А она голубушка от радости аж запрыгала, почуяла свободу-то. Меж тем Кузька тоже не сплеховал, и прижал упавшего жука всем телом к земле.

– А ну лежать, воришка!... Не уйти тебе от возмездия!... Чуть меня вместо себя не подставил!... Вот будет тебе расплата,... сейчас муравьи прибегут и покажут тебе, кто прав, кто виноват!... – вскричал Кузька, а в ответ услышал упрёк жука.

– Эх ты, глупец,... что же ты делаешь, ведь ты такой же хищник, как и я!... Тебе же тоже на роду написано, всех грабить и унижать,... ты же саранча-разбойник, неужели ты этого не видишь,... тебе же самим естественным велено таким быть, ... а ты своего собрата хочешь муравьям сдать!... Ну, я же не виноват, что меня таким природа создала,... мне ж судьбой назначено, тлей-коровок воровать,... на вид-то я вроде милое существо, красненький в чёрный горошек,... меня даже так мило и прозвали – божья коровка!... Хотя на самом деле мой удел быть разбойником,... но я в этом не виноват,

отпустил бы ты меня... – вдруг взмолился жук, на что Кузька и ответить-то ничего не успел, тут уж муравьи подбежали. Подскочили, да крепко схватили «божью коровку».

– Ага!... попался воришка!... Ну, всё, теперь мы тебя к себе в муравейник на суд отведём!... Ты у нас столько тлей стащил-своровал, что тебе вовек не расплатиться, не отработать!... Но мы найдём способ отомстить тебе, проучим тебя хорошенько,... впредь не станешь красть, мы тебе все лапки оборвём, готовься к расплате!... – торжествующе вскричал главный муравей. А Кузька как услышал, какая судьба ожидает жука, так сразу пожалел его, и решил просить муравьёв о помиловании, но опять не успел. Жук сам за себя просить начал.

– Ой, я несчастный,... природой проклятый, сделала она меня вором-грабителем и не спросила, хочу ли я этого,... не по своей воле я разбойник,... уж простите меня!... А коли так вышло, что пришёл теперь мне черёд платить за грехи, то дайте хоть возможность с белым светом попрощаться,... ведь не увижу я его больше!... Слезьте с меня, пожалуйста, позвольте последний раз свободу ощутить и помолиться,... а уж потом ведите куда хотите,... я вам полностью подчинюсь,... повинуюсь... – чуть ли не со слезами попросил жук о таком, казалось бы, простом пустяке, оставить его на мгновение наедине с собой. И ведь главный муравей, добрая душа, пошёл ему навстречу.

– Хм,... говоришь, попрощаться с белым светом тебе на-

до, ... помолиться хочешь?... ну что ж, ладно, молись!... Эй, братцы, отпустите его на минуточку, пусть попросается!... но потом хватайте, потащим его к себе!... – скомандовал он и муравьи быстро слезли с жука. А тому только того и надо, он мигом поднял свои хитиновые скорлупки, сделал вид, что разминается да со свободой прощается, а сам тут же крылышки расправил, взмахнул ими, зажужжал и вмиг улетел.

– Ха-ха-ха!... прощайте глупцы лопоухие!... Не выйдет у вас меня проучить!... ха-ха-ха!... – на лету прокричал он, да ещё и по-всякому обозвал муравьёв.

– Ах ты, обманщик!... а мы-то его пожалели!... Ну, погоди, будет тебе отмщение!... Найдём мы тебя, и всё равно покараем!... – возмущённо прокричал ему вслед главный муравей, и лапкой погрозил. Однако муравьи не стали долго унывать. Ну, подумашь, жук провёл их и улетел, ерунда, они тут же подобрали свою уцелевшую тлю-коровку, и довольные пошли обратно в муравейник. Главного они добились, нашли свою пропажу. Ну а Кузьке даже слово ни сказали, будто и нет его. А он и этому рад, хоть его в муравейник не потащили. И только мураши за поворотом скрылись, как он вдруг задумался о своём будущем.

– И что же мне дальше-то делать?... куда пойти, куда податься?... если вперёд, так там муравьи, ведь это их район, ... и здесь выживают только такие хитрецы, как жуки «божья коровка»! ... Но я-то не такой, ... хитрить и жулить, не приучен!... Да и что-то просто так бродить-ходить рас-

хотелось, ... чуть ни за что, ни про что пострадал! ... Сразу родители вспомнились, ... я ведь порой тоже на них не из-за чего кричал, обзывал! ... Ах, я не благодарный, они меня приняли к себе, лелеяли, воспитывали, а я так нехорошо с ними обошёлся, ... жалко мне их, ... теперь бы извиниться перед ними надо, ... да и соскучился я по ним! ... Эх, как-то они там? ... что подельывают? ... Нет, хватит бесцельно путешествовать, ... пора домой возвращаться! ... – категорично решил Кузька, развернулся и тут же обратно поскакал, благо у кузнечиков есть такое чувство, от которого они всегда знают, в какой стороне их дом.

7

Дорога назад заняла у Кузьки весь оставшийся день. Он уж и прыгал, и скакал, и углы срезал, но дома оказался лишь под вечер. Надо ли говорить, как были рады его появлению родители. Уж они и обнимали его, и целовали, и это невзирая на все его колючки и шипы. А потом накормили и напоили досыта. Но ближе к ночи все волнения улеглись. Всё успокоилось, все чувства были проявлены, а слова высказаны, так что спать легли вовремя и с большим удовлетворением.

Ну а с утра началась, а вернее сказать продолжилась, обыденная, прежняя жизнь. Впрочем, с тем исключением, что теперь Кузька стал более терпимей и уступчивей относиться к родителям. Сейчас он уже не так привередничал и бунтовал. Его недавние, внезапное путешествие на многое открыло ему глаза, многому научило и показало истинные ценно-

сти. В доме воцарился мир и благоденствие. Так прошла ещё одна неделя. Казалось бы, небольшой срок, однако Кузька и за это столь скромное время сильно изменился. У него усилилась броня, появилось больше шипов, подросли шпоры, да и сам он тоже заметно подрос, вытянулся.

Но что ещё интересно, Кузька начал летать, и притом на достаточно протяжённые расстояния. Одним словом запорхал, как птичка, в таких случаях говорят «встал на крыло». Теперь из него получился самый настоящий, взрослый кузнечик. Вот только какого он роду-племени, по-прежнему было непонятно. Не то он помесь богомола с кобылкой, не то стрекозы с дыбкой; страшная смесь, даже гремучая. И такое обстоятельство очень взволновало Кузьку. Ну не то чтобы уж так сильно озаботило, нет, но возбудило в нём интерес к своему происхождению. И тут Кузька вспомнил слова жука «божья коровка».

– А ведь он меня тогда саранчой назвал, ... сравнил с такими же, как он грабителями-разбойниками, ... дескать, и я такой же! ... Так может быть я и есть та самая саранча? ... – совершенно неожиданно предположил он, и аж подпрыгнул от такого озарения. Но в этот момент Кузька даже и представить себе не мог, насколько был близок к истине, ведь он действительно необычный кузнечик, и какая-то связь с саранчой в нём всё же скрывалась. И здесь будет уместно вспомнить народную поговорку; «помяни чёрта, и он тут как тут».

Вот и Кузька, вспомнив про саранчу, словно побудил её

к действию. Прямо мистика какая-то. Существует ли подсознательная связь между особями саранчи и их родственниками, пока неизвестно, но только то, что они одновременно сбиваются в огромные косяки, и летят уничтожать всё живое, это природный факт. Тут не поспоришь. Какой-то внутренний зов, инстинкт, у них всё-таки есть, и Кузьке пришлось быстро в этом убедиться. Уже на следующий день стало очевидно, что прекрасной поляне, этому цветущему мегаполису, не избежать налёта саранчи. Стрёкот её полчища был слышен ещё с утра.

Естественно всех обитателей поляны охватила паника, ведь только глухой никогда не слышал о губительных налётах саранчи. Все прекрасно знали, насколько она прожорлива и беспощадна. К тому же чуть ранее прошёл слух, что в семействе кузнечиков давно живёт некий Кузька, очень похожий на саранчу. Отчего сложилось мнение, что он-то и сможет отвести беду от поляны. И, разумеется, многие обитатели потянулись к дому кузнечиков с единственным намерением просить Кузьку о заступничестве.

Ещё до обеда у порога собралась целая толпа просящих; тут были и жуки, и червяки, и пауки, и бабочки, и гусеницы, и муравьи, и даже стрекозы прилетели, и все галдели в ожидании, когда к ним наконец-то выйдет сам Кузька, который пока ещё спал. Накануне он сильно перенервничал от плохих предчувствий и теперь отсыпался. Но гомон за дверью разбудил его. Кузька быстро соскочил с постели и поспешил

наружу.

– Чего вы здесь все собрались!?!... что вам нужно!?!... – сходу удивлённо воскликнул он, видя, сколько народу собралось.

– К нам летит саранча!... Мы уже слышим повсюду её стрёкот!... Она пожирает всё на своём пути!... Нашей поляне грозит верная гибель!... Нас надо спасать!... И это можешь сделать только ты, ведь ты их точная копия!... И если у тебя хватит смелости, то ты встанешь на защиту нашей поляны!... Ты прекрасно знаешь повадки саранчи!... У тебя такие же шипы и шпоры!... Ты сможешь ей сопротивляться!... А мы поможем тебе,... будем вместе драться за нашу поляну!... Ты только возглавь сопротивление, а уж мы тебя поддержим!... – зашумели в ответ обитатели поляны. Каждый выкрикивал собственное мнение, но, в общем, оно совпадало. Все хотели, чтоб Кузька стал их предводителем. Но у него на этот счёт было другое мнение.

– Да вы что, белены, что ли объелись?... вы хоть понимаете, о чём говорите?... Да я как посмотрю вы только того и хотите, что вступить в бой с саранчой!... Но это же опрометчиво,... ведь даже если мы все соберёмся и выступим против неё, то она нас просто не заметит, сомнёт, и всё, нет никакого сопротивления!... Так что весь ваш план здесь не годится,... я ещё вчера почувствовал приближение большой беды, и уже тогда задумался о нашем положении,... и тут выход только один,... не сопротивляться саранче, а влиться в её ряды и от-

вести её в сторону от нашей поляны!... Но вот куда отвести, я пока не придумал... – высказал он своё мнение, на что его родители сразу запротестовали.

– Но как же так?... ведь если ты вольёшься в ряды саранчи и отведёшь её не туда, куда ей надо, то они просто убьют тебя, и всё!... Да, мы понимаем твой план,... ты похож на них, и они могут принять тебя за своего, но это очень рискованно!... Поняв твой обман, они могут потом вернуться и всё равно напасть на нашу поляну!... И уж тогда мы точно обречены!... Так что может, всё же выберем открытый бой!?... будет хоть какой-то шанс!... – запросили они.

– О нет, мои дорогие!... В открытом бою мы и пикнуть не успеем, проиграем мгновенно!... А моя недавняя встреча с жуком «божья коровка» показала, что иной раз надо действовать хитростью!... А потому я предлагаю отвести саранчу от нас, а не воевать с ней!... Но вы правы, она потом может вернуться,... так что вопрос теперь стоит о том, куда отвести эту армаду,... притом так, чтоб она уже никогда оттуда не вернулась!... Вот именно об этом я и думал полночи,... еле уснул, оттого и проспал до обеда,... но у вас-то свежая голова, и вы тут дольше меня живёте,... ну-ка, подумайте хорошенько о месте, откуда нет возврата!... – пламенно обратился к обитателям поляны Кузька. И тут из толпы вылетел один очень маленький комарик. Ростиком он был чуть выше шпоры на кузькиной лапе, но зато с раздутым самомнением.

– Эй вы!... а ну слушайте меня!... я знаю такое ме-

сто!... – хвастливо пропищал комарик и уселся прямо на голову Кузьке, – вон за тем распадком, ближе к речке, есть заводь, а от неё начинается огромное болото!... Оно в десятки раз больше вашей поляны, но то место глухое и гиблое,... там лишь сверху тонкий слой почвы, зыбкая поверхность, а под ней чёрная топь!... Зато травы там растёт немерено, хотя и таких цветочков, как у вас здесь, нет,... вода там для них ядовитая, травит всё!... Потому я к вам сюда и прилетел, ароматом насладится, но постоянно я живу там,... уж так вышло, что, то болото моя родина, и кроме нас комаров там больше никто не уживается,... но как приманка для саранчи оно годится!... Я хотел бы уберечь вашу поляну от саранчи, чтоб и впредь прилетать сюда,... так что ведите их на болото,... оно и есть то место, которое вам нужно!... – настойчиво пропищал комарик, и все единогласно его поддержали.

– Да он прав!... Болото, это точно, то место, что нам надо!... Туда и надо вести саранчу!... – загомонила толпа, и Кузька конечно тоже с ней согласился.

– Ну, хорошо-хорошо!... выбор сделан!... Я постараюсь убедить саранчу лететь за мной!... Надеюсь, она мне поверит!... Ну а если нет, то не поминайте меня лихом!... Прощайте мои дорогие!... Всё, я полетел!... Время не терпит!... – на прощанье вскрикнул Кузька, тут же поклонился родителям, расправил свои крылья и помчался навстречу саранче.

А меж тем саранча была уже на подлёте, так что Кузьке пришлось торопиться. Но вскоре он достиг её передовых рядов, в которых летели самые опытные разведчики, ведущие за собой уже всё остальное полчище. Кузька сделал ловкий пируэт перед разведчиками, и как ни в чём не бывало, пристроившись к ним, полетел рядом, при этом постепенно меняя их направление. Разведчики восприняли его манёвр как нечто привычное, они даже и не поняли, что Кузька не их рода-племени, до того сильно он был похож на бойцовую саранчу, а этим особям следовало подчиняться.

Вот и разведчики, видя, что к ним подлетел боец, подчинились ему и стали уходить в сторону большого распадка, куда их собственно и направлял Кузька. С этого момента уже он вёл за собой всё огромное полчище саранчи. Его хитрый план сработал. И буквально через полчаса саранча оказалась над болотом, которое сверху напоминало вроде бы обширную зелёную поляну свежей аппетитной травы, хотя в действительности под ней скрывалась чёрная жижа, верная смерть. Но Кузька, ни секунды не сомневаясь, тут же спикировал вниз, увлекая за собой разведчиков. А уже за ними на посадку последовала и вся остальная армада саранчи.

Едва Кузька приземлился, как сразу впился зубами в первую попавшуюся травинку и с остервенением стал её жевать, тем самым показывая пример прочим приземлившимся. Каждый, кто совершал посадку, тут же с жадностью набрасывался на траву. Начался страшный, разнузданный

жор. Всё болото в считанные секунды покрылось несметным полчищем саранчи. И оно всё прибывало и прибывало. Казалось, ей нет конца и края. Особи уже садились друг на друга. И всё ели и ели, грызли и грызли безразмерный травяной ковер. Скрежет челюстей разносился по всей округе, привлекая всё новых и новых особей.

Вскоре Кузька оказался под десятками тел налетевшей саранчи. Ему было очень трудно выбираться из-под них, но он всё карабкался и карабкался наверх. Лез уже по головам, хотя о том, чтоб взлететь и убежать, пока не было и речи. Это не представлялось возможным, ведь прибывающие особи сразу сбили бы его. Оставалось только ждать, когда поток саранчи иссякнет, и постоянно карабкаться вверх, чтоб быть над телами прочих. А тем временем дома на поляне, в стороне от этой вакханалии, воцарилось напряжённое волнение. Все уже поняли, что полчище саранчи сменило направление, теперь её стрёкот стал слышен вдали.

– Значит, Кузьке удалось отвести их на болото, ... и это хорошая новость, ... можно порадоваться... – сделал заключение папа-кузнечик, но порадоваться не пришлось, до развязки было ещё далеко. Тем более никто не мог быть уверенным в том, что вернётся Кузька невредимым или погибнет, все лишь надеялись на счастливый исход, и покорно ждали конца. История знает немало примеров, когда отважный проводник заводил отряды врага в болото, а сам там погибал. Стоит только вспомнить Ивана Сусанина, все знают его при-

мер.

Впрочем, сейчас всё ещё оставалась надежда на лучший финал. Всем известно, что болото субстанция непредсказуемая, и запросто может самостоятельно решить исход любого, даже самого сложного дела. То же случилось и теперь. Когда вся поверхность топи была напрочь усеяна налётчиками, корка не выдержала тяжести их веса и разверзлась, словно морская пучина, поглотив в одно мгновение тысячи прожорливых вредителей. Буквально за секунды всё полчище саранчи пошло на дно, засасываемое чёрной жижей.

И лишь Кузька благодаря своей проворности успел вовремя вспорхнуть ввысь. К этой минуте поток саранчи уже иссяк, и Кузька взлетел без помех. Притом он ничего не ел и был лёгок будто пушинка, тогда как прочие особи набили свои животы и под собственной тяжестью просто утонули. Ну а, взлетев, Кузька, стремглав ринулся домой. С саранчой было покончено, враг был повержен, точно таким образом, как германские рыцари на Чудском озере. А дома Кузьку ждали счастливые родители и все остальные обитатели поляны. При его появлении началось настоящее ликование.

– Всё, саранчи больше нет!... Мы победили!... – приземлившись, только и успел крикнуть Кузька, как его тут же стали обнимать, поздравлять, и даже его колючие шипы не помешали этому. Да и как они могут помешать, когда у Кузьки проявилась такая мягкая, добрая и чуткая душа. Правда она не сразу стала такой, а под влиянием всего того, что с ним

случилось. И это правильно, ведь только настоящие испытания могут доподлинно показать нам, кем мы являемся на самом деле. И тут уж неважно, как мы выглядим внешне, главное, какие мы внутри, в душе.

А Кузька на поверку оказался преданным и любящим сыном, притом очень ценящим свой родной край, и это несмотря на то, что в нём обитают всякие разные личности: и ядовитая, вздорная гусеница, и хитрый жук, и дерзкие муравьи, и ещё много кто особенный. Но главное то, что все они перед лицом опасности проявили великую храбрость, отвагу, и готовность встать как один на защиту своего общего дома, а это очень ценно. Вот и нам следует так же беречь свой дом, и неважно, что все мы разные, основное, любить и уважать друг друга, тогда и жизнь наполнится счастьем...

Конец

2. Сказка о пареньке Ефимке, его колдовской улыбке и их похождениях по белу свету

1

Произошла эта история в стародавние времена, когда на Руси-матушке правил Царь-батюшка. Впрочем, народ в ту пору был уже достаточно дерзок и сметлив, чтоб уметь писать, читать и даже считать. Иначе говоря, случилась эта сказка в эпоху просвещения и наук продвижения. А именно, где-то в середине XIX века. Знатных поэтов, писателей и учёных мужей, творило тогда немало. Некоторых почитали и ценили ничуть не меньше чем античных богов. Возводили их на пьедестал и называли «Светочем русской культуры», или как ещё витиеватей. В общем и целом, жизнь была светлая и многообещающая.

Также следует отметить, что в городах на ярмарках, прилавки ломались от всякого товару. Всего было в изобилии; и еды, и одежды, и разного бытового скарба, вплоть до керосинки. Всего хватало, живи, да только радуйся. А люди и радовались, пели песни, гуляли, посещали ярмарки, дивились балаганам, ходили в театры-варьете, одним словом – веселились. И вот среди всего этого задорного кутежа нашёлся один весьма грустноватый паренек, а вернее сказать юноша,

с броским именем Ефимка, или просто Фимка, это уж кому как угодно.

Роста он был чуть выше среднего, волосы кучерявые, светлые. Глаза зелёные, слегка плутовского вида, сам строен, опрятен, но вот только родом незнатен. Из простых, может из крестьян или ремесленников. Да он и сам толком не знал из каких он, а только сколько себя помнил, всё по дорогам из города в город ходил да хлебushка на пропитание просил. По-младости своей, попрошайкой был. Конечно, со временем ума-разума набрался; грамоту изучил, счёт познал, ведь в эпоху просвещения жил, приделся, приобулся, но бродить не перестал. К тому же хитрости и ловкости у него прибавилось. Если раньше он с протянутой рукой на паперти стоял, то теперь взялся плутовать, жулить, и даже воровать. И ведь с каждым разом всё изощрённей способы находил.

Бывало, возьмёт да на ярмарке нарочно переполох устроит. Уж это он научился делать. Увидит приличная барыня по рядам идёт да к товару присматривается, ну он и шашь за ней. Выберет момент, когда рядом с ней какой-нибудь прохожий мужичок окажется. Ну, Фимка возьмёт, охальник, да украдкой сзади барыню слегка прихлопнет ладошкой по бедру иль по ягодице. А получалось так, что это вроде как её тот прохожий мужичок шлёпнул. Сам-то Фимка уж успевал отскочить, его никто и не замечал. Зато барыня после такого шлепка обычно оборачивалась и такой хай устраивала, что у всех присутствующих уши в трубочку сворачивались.

– Да ты что, ошалел что ли, глаза твои бесстыжие!... Меня, приличную даму по N-ому месту шлёпать!... Ах ты, ирод рода человеческого, бес тебя разбери, к лешему унеси!... Да я тебя в суд потяну за оскорбление моей чести!... – как начнёт блажить. А мужичок-то стоит, и не знает, как ему быть, не то куда спрятаться, не то со стыда сквозь землю провалиться, ведь не делал ничего, а всю вину на него свалили. Он вроде и хочет оправдаться, но поздно, вокруг уже народ собрался, и люди на него тоже с укором смотрят, вечным пятном позора заклеить бедолагу желают. В общем, скандал, переполох, ругань.

А Ефимки-то только этого и надо. Он тут же под шумок-то свои делишки быстро и обстряпает. У кого с прилавка калач сопрёт, у кого кусок ветчины стащит, или ещё чего вкусненького украдёт. И всё себе за пазуху пихает. А если повезет, то не погнушается и где какую монетку умыкнёт. Одним словом, шустёр был Фимка до всяких проделок. И что ещё интересно, ему такая жизнь нравилась. Не хотел он её менять. Однако жизнь берёт своё, и меняет всё независимо от чьих-либо желаний.

Во-первых, Фимка изрядно повзрослел, и в толпе ему уже просто так не затеряться, не нырнуть и не затаиться, как ранее бывало. Да и еды ему требовалось уже больше, всё за пазуху, как прежде, уже не спрячешь, одним калачом не обойдёшься. А во-вторых, одежда тоже уже другая требовалась. В одной рубашонке да портках много не набегашься. Это

простым мальчонкой носиться будешь, никто и внимания не обратит. А тут почти взрослый юноша, и как босоногий шкет одет, а это уже подозрительно, из толпы выделяется, не слиться со всеми. А потому и требовалось меняться. Носить другую более подходящую возрасту одежду. Да и образ жизнь тоже стоило подправить.

2

Вот и решил тогда Фимка всё поменять. Ну а коли так, то взялся он уже по серьёзному плутовать и жулить. Справил себе новые портки, рубаху, френч, картуз и даже хромовые сапоги приобрёл. И стал похож на приказчика из торговой лавки, иль даже на купеческого сынка-переростка. К тому же недавно перебрался в другой городок, где его никто и никогда не видел. Вышел он на ярмарку, да с деловым видом начал по торговым рядам прохаживаться. Идёт, на купцов поглядывает да всё хмыкает, важным себя показывает.

– Хм, это что тут у тебя!?!... никак сало с хренком!... Такого я бы взял с пуд,... да только видать, у тебя столько нет!... – этак небрежно заявляет он торговцу свининой, а тот ему в ответ.

– Это как же нет!?!... зачем так говоришь!?!... Есть у меня и пуд, и два, садовая твоя голова,... ты только плати,... да бери, сколько хочешь!... – слегка обиженно и раздражённо отозвался торговец.

– Ишь как ты встрепенулся-то!... сразу ему платить!... нет, погоди!... Я твой товар пока не пробовал, не знаю его

на вкус,... а может мне лучше у другого мясника взять?... притом много,... ведь мне не для себя надо, а для трактира!... Мы с отцом новый трактир на въезде в город у восточных ворот открывать собираемся,... уже и помещение сняли!... Сейчас отец там порядок наводит,... а меня отправил на ярмарку, к товару присмотреться,... пока для почину первую большую закупку продуктов сделать!... Вот я и хожу, приглядываюсь,... смотрю с кем договор на поставку заключать,... а с тобой, как погляжу, каши не сварить... – этак небрежно, но погромче, чтоб все слышали, отвечает Фимка, и дальше неспешно шествует.

Через полчаса уже вся ярмарка гудела. Слухи пошли, дескать, сын нового трактирщика поставщиков выбирает. А уж всякий торговец знает, что быть у трактирщика поставщиком продуктов, это дело выгодное. Тут можно хороший прибыток иметь. А кто-то даже успел сбегать к восточным воротам узнать, правда ли там трактир открывается. И ведь это оказалось правдой, действительно, там кто-то собирается трактир открывать, и уже даже вывеску повесили, огромными буквами написано «Трактир». Вот только все текущие дела на данный момент решает сын трактирщика, а он, мол, сейчас на ярмарке.

Ну, полное подтверждение слов Ефимки. А он меж тем среди рядов так и продолжает нахаживать. Ничего не покупает, ничего не пробует, ничего не трогает, лишь ходит, смотрит, да хмыкает. Ну, тут торговцы, народ ушлый, смекну-

ли, что его «подмазать» надо. Иначе говоря, «на лапу дать», или по-простому взятку сунуть, чтоб первым в поставщики попасть. И вот тут-то началось. Торговец рыбой перехватил Ефимку и эдак ненароком в карман ему купюру пихает да приговаривает.

– Позвольте заметить, что я здесь самой свежей рыбой торгую, ... у меня-с завсегда судачок, щучка, осетринка, стерлядка, ... да всё есть! ... А зовут меня Игнат Пафнутич, ... обращайтесь, ... всегда к вашим услугам. ... – коротко отрекомендовался он, и с поклоном удалился. А Фимка только головой в ответ кивнул, дескать, сие непременно, рыбу только у вас и будем брать. И дальше идёт. Здесь уж и мясник засуетился. Подбежал и тоже ассигнацию в карман Фимке отправил. Несколько слов сказал и вмиг в толпе растворился. Затем ещё кто-то подбежал, и ещё, и ещё. И так пока Фимка по рядам ходил, ему торговцы полный карман денег насовали. А он в ответ лишь молчал да приветливо кивал, словно уже договор заключал. И только у выхода с ярмарки чуть небрежно, но громко заявил.

– Ну что ж, пожалуй, всех поставщиков нашёл, ... теперь пойду-ка, отца порадую! ... – сказанул и тут же к восточным воротам бравою походкой направился. Ну, прям Чичиков какой, или Хлестаков из комедий Гоголя. Впрочем, в этом городке наверняка Гоголя ещё не читали, иначе бы знали, как жулики-самозванцы выглядят. А Ефимка тем временем уже до ворот дошёл, да не останавливаясь, дальше пошёл. А что

ему тут ещё делать-то, он своё плутовство уже провернул; сначала нашёл помещенице под трактир, слух пустил, даже вывеску пригвоздил, затем на ярмарку пошёл. Ну а что дальше было, уже известно, сплошное жульство и обман.

И ведь при этом Фимка никаким подельникам и копейки не заплатил, только всех обещаниями накормил, с три короба прохиндей наврал, да так с этого городка и умотал. А у самого полный карман ассигнациями набит. Хотя по меркам того же Чичикова конечно небольшой куш, но с другой стороны, оно всё так было и задумано. Ведь если человека облапошить на большую сумму, то он тебя, пожалуй, на всю жизнь запомнит да проклинать будет, ещё и полицмейстеру заявит, а коль найдёт, так зашибёт, иль отомстит сурово. Ну а когда сумма не особо велика, всего-то червонная купюра, то и расстройство с неё такое же малое, пошумел, покричал, погоревал что обманули, да и забыл. Вроде как за науку заплатил, дабы впредь не обмишурили. Тут Фимка всё верно рассчитал, за малую деньгу никто долго обижаться не станет, да и в суд не потянет.

3

И вот у Ефимки на пути уже следующий городок оказался, и очередная ярмарка предстала, чтоб ему свой талант плута проявить. И тут он тоже всё по прежней, отработанной схеме проделал. Промаха не дал, всех местных торговцев и торговок ловко обобрал. Ну что уж здесь поделывать, жулик он и есть жулик, и плутовство его ремесло. Так что некогда ему

подолгу на одном месте задерживаться. И суток не минуло, а он уже дальше спешит, в следующий городок, благо их на Руси-матушке тьма несчётная. Так и ходит он, кормится, где переночует, где только день проведёт. И везде ему везёт, свою деньгу берёт.

И всё бы хорошо, да только вдруг везенье ему изменять стало. Придёт он в новый городок, подготовит всё для плутовства, отправится на ярмарку, торговцев на мзду подбивать, а у него ничего не получается. Ходит Фимка среди рядов с деловым видом, хмыкает как обычно, про открытие трактира рассказывает, а никто на его посулы не откликается. Ну, не ведутся торговцы на его придумки. Он аж чуть в отчаяние не впал. Уж давай их насильно убеждать.

– Да мы такой трактир откроем, что от посетителей отбоя не будет!... всех накормим, напоим!... Так что нам надёжные поставщики провианта нужны!... Ну, кто первый!?!... давайте, записывайтесь, не робейте!... а то ведь мест не останется!... Потом мы с отцом никого себе в напарники не возьмём!... Ну, давайте, смелей!... – шумно предлагает он, а торговцы в ответ.

– Э, нет,... чёй-то ты парень на сына трактирщика не похож,... какой-то ты уж больно подозрительный,... слишком деловой, сразу быка за рога берёшь,... сомнения у нас в тебе... – усмехаясь, говорят. А Фимка аж вспотел от такого ответа.

– Да как же так?... какие ещё сомнения!?!... Да вы идите

на выезд, посмотрите, там, на дому, уже и вывеска висит!... Прямо завтра же и откроемся!... Поставщики позарез нужны!... Ну, давайте, братцы, начинайте предлагать свои услуги, иначе меня отец заругает, ... скажет, не справился... – уже начиная паниковать, залезбил он перед торговцами.

– Нет, не верим мы тебе, ... какой-то ты склизкий, ... такой взрослый детина, а пустяшным делом занимаешься, провиант ищешь, ... отца одного бросил, ... а ведь ты должен был вместо себя приказчика отправить, ... иль у трактирщика слуг нет!?!... Да и вывеску ту, мы тоже видели, ... но не её хозяина, ... нет его там!... Вот и выходит, что не сын ты трактирщика, ... нет в тебе для этого особого куражу, ... шибко ты хамоват!... Шёл бы ты лучше отсюда, пока мы тебе бока не намяли!... – явно подозревая неладное, резко ополчились на Фимку торговцы. Так что ему пришлось отступить. Мигом он ретировался с ярмарки, да прямо как был, так с городка-то и сбежал. Идёт по дороге и думает.

– Что же это такое случилось, что моё самое надёжное, проверенное плутовство не действует!?!... Уж который год хожу всегда мзду брал, а тут вона что творится!... Сомневаться во мне стали, ... детиной меня называют, куражу во мне нет, на сына трактирщика я не похож, ... вот же напасть... – идёт, рассуждает, ответ придумать желает. Да так и не заметил, как день прошёл. Завечерело. Устроился он в придорожных кустах, и уснул с устатку да расстройству.

Ночь пролетела быстро. Проснулся Фимка утром, и как

ни в чём не бывало, дальше направился. И в этом нет ничего удивительного, ведь не впервой ему в кустах спать. Не раз уж бывало, его ночь в пути заставляла. Вот он и спал, где придётся. Дело привычное. Так что уже к обеду, он, свежим и отдохнувшим, пришагал в другой городок. Мигом нашёл, где ему перекусить, привести себя в порядок, услышать последние городские новости, и снова за своё плутовство взяться. Но вот ведь досада, опять у него ничего не получается.

Перестал народ ему верить, не выходит у Фимки жульство, все его уговоры напрасны. Торговцы на ярмарке вновь его гонят и бока намять обещают. Разумеется, он этого ждать не стал и быстренько ретировался. Сбежал восвояси и снова у него голова томительных мыслей полна. Понять он не может, отчего люди по-другому его воспринимать стали. Не видят они теперь в нём милого подростка, сына кабацкого хозяина, а только верзилу-переростка зрят. И что больше всего обидно, такое отношение к нему в каждом новом городке повторяется.

Фимка уж который день ходит, и всё одно и то же. Неделя прошла, за ней вторая потянулась, третья началась, а ему всё не везёт. Никто не клюёт на его прежние ужимки. Все его старания тщетны. Поистаскался он, поизносился, и даже финансовые запасы поиссякли. Совсем опустился, осунулся, похудел, поплохел, оголодал. И уж не идёт, как раньше с гордо поднятой головой, а еле-еле тащиться, чуть ноги перебирает, почти волочится. А впереди мосток через речку.

А уж мостки, дело известное, в провинциальных уездах все хлипкие, ненадёжные, поношенные, сто лет им в обед, ремонта требуют. А местные чинуши на них экономят, чинить их не желают, только плату за них собирают.

4

И тут вдруг как раз подобный чинуша-барчук на бричке катит. На всём ходу кричит «поберегись», да к мостку направляется. А ему навстречу, откуда ни возьмись, с другой стороны на мосток какая-то бабка выходит, старушка прохожая. А барчук ей дорогу уступать не собирается, шибко рьяный, а может и не видит её. Хотя может и бабка глухая, не слышит ничего, кто знает. Но только прёт та старушка вперёд, и всё тут. И здесь бричка на мосток влетает, да на всём ходу бабку-то и сшибает. Узкий мосток, не разойтись им, вот старушка в реку-то и полетела, свалилась бедная.

А бричка с чинушей-барчуком так и умчалась не останавливаясь, он, похоже, старушку-то даже и не углядел. Зато Фимка стал свидетелем сего происшествия. И ведь не остался безучастным. Сходу в реку как кинется и давай там старушку вылавливать. Благо речушка в этом месте не слишком широкая и глубокая. Мигом бабку обнаружил и на берег тянет. На песочек её вытащил, а она уж и глаза прикрыла, почти не дышит, чуть не померла. Тут Фимка давай ей искусственное дыхание рот в рот делать.

Жалко ему старушку стало. Может он о своей ни разу не познанной матушке вспомнил, а может, и сердце ёкнуло,

но только после нескольких попыток задышала старушка, да вдруг преобразаться начала. Морщины на её лице разгладись, кожа залоснилась, порозовела, посвежела, седина с волос сошла, будто и не было её, а бабка вмиг помолодела. Обернулась девицей юной. Ефимка от изумления аж подскокил, столбом встал, и рот раскрыл. Тут и девица на ноги поднялась, заулыбалась, и молвит ему.

– Что ж ты так испугался-то, добрый молодец?... иль недоволен, что я юной девицей оказалась?... Поцеловал ты меня в уста, когда спасал, дыхание мне возвращал, вот я перед тобой и раскрылась!... Вернул ты меня к жизни, а я тебе теперь отплачу,... любое твоё желание исполню, ты только попроси... – ласково так говорит и всё улыбается. Здесь и Ефимка в себя приходиться стал.

– Ах ты, мать честная!... да кто же ты есть такая!?... Понять не могу, то ли ведьма?... иль колдунья?... Ты хоть скажи, кого я спас-то, а то ведь ужас аж до костей пробирает!... Поведай, не томи?... – дрожащими губами спросил он, и тут же получил ответ.

– Да ты успокойся,... меня не бойся,... не дрожи!... Ну, подумаешь ведьма,... а может и колдунья,... какая сейчас разница?... Главное, ты спас меня, и на мне теперь должок висит,... отплатить мне тебе надобно!... Так что быстрее загадывай своё желание, не то я сердиться начну... – вновь потребовала она от него.

– Ну, хорошо,... есть тут у меня одна дума,... я её никак

разрешить не могу,... вот не знаю, почему это моё жульство со временем потеряло силу,... отчего я сейчас не в состоянии людей обхитрить, как в прежние времена!?!... Почему от меня везенье отвернулось?... раньше я по ярмаркам ходил да за сына трактирщика себя выдавал, за счёт чего мзду собирал,... а теперь не могу!... Люди от меня отворачиваются,... вот и скажи-ка мне, почему!?!... – не найдя ничего лучшего, спросил Фимка.

– Ха-ха-ха,... да ты давно ли на себя в зеркало-то смотрел?... Вон, какая у тебя физиономия,... ты уже скорее сам на трактирщика похож, чем на его сына,... повзрослел ты, ... потерял своё подростковое обаяние!... Заматерел, мужик мужиком, вот люди и перестали верить твоим речам,... тем более ты улыбаться разучился, если конечно до этого вообще умел!... Вон сколько мы с тобой уже говорим, а ты ещё ни разу не улыбнулся!... А на меня посмотри,... я улыбаться ни на секунду не переставала,... оттого ты и успокоился, бояться перестал, доверился мне,... а ведь я ведьма!... Вот и получается, что не хватает тебе молодого лица, а главное, белоснежной доверительной улыбки,... а уж она-то, ох как располагает к общению, и меняет собеседнику настроение, с плохого, на хорошее!... Теперь понял, почему от тебя люди шарахаются?... – опять спрашивает колдунья, и по-прежнему ласково улыбается.

– Это ты верно говоришь, красавица,... я от твоего молодого лица да светлой улыбки совсем тебя бояться пере-

стал!... Тут и никаких чар не требуется, я сам готов тебе всё отдать,... хотя и отдавать-то нечего,... обнищал я совсем,... вот кабы мне былую молодость лица вернуть, да к ней бы ещё роскошную улыбку, тогда б может я и зажил хорошо!... Ведь ты права,... раньше я улыбке как-то значения не предавал,... всё больше хитростью брал,... редко улыбался,... а вот сейчас понимаю, зря!... Так может ты мне в этом и поспособствуешь?... вернёшь мне былую юность?... – суксившись, словно куриная гузка, заискивающе запросил Фимка.

– Хм,... можно и поспособствовать, почему бы и нет,... ведь ты-то мне поспособствовал, помог смерти избежать!... Вот и я тебе помогу красивую улыбку занять!... Но только ты уж потом от моего колдовства не отрекайся, береги его,... никому о нём не рассказывай, иначе беда с тобой и твоей улыбкой случится,... мою улыбку потеряешь, чужую возьмёшь, так уж в заклинании говориться!... Ну а теперь встань передо мной, да слушай внимательно,... но помни, помалкивай о нашем секрете... – строго предупредила колдунья и начала читать своё заклинание.

В ту же секунду Фимка меняться стал, миг молодым сделался. И вдруг у него такая свежая улыбка открылась, что от её лучезарности даже птицы на соседнем кусточке защебетали. Зато колдунья опять в старушку обратилась, скукожилась вся, скрючилась, да закончив своё действие, вновь Фимку предупредила, «помалкивай», грозно так прошептала, палец к губам приложила, мигом развернулась и скорей по до-

рожке через мосток засеменила. Мгновение, другое, а её уже и след простыл. Ефимка головой покачал, к реке подошёл, заводь нашёл, да в воду заглядывать стал, своё отражение ищет, всматривается. А как увидел, так и заахал.

– Ах, какой я теперь красавчик получился,... словно несколько лет сбросил!... Ах, что за улыбка у меня,... такой отродясь не было,... зубы все белоснежные, ровные!... Ах, загляденье... – залюбовался он собой, а сам видит, на дне рыбки собрались, да оттуда снизу на него глядят, тоже им любуются. И ведь есть чем любоваться. У Фимки действительно вид теперь сногшибательный стал, от такого никто устоять не сможет. Обрадовался он, топнул ножкой, рыб распугал, тут же на дорогу выбрался да дальше пошёл. Впрочем, шёл он недолго, вскоре вновь смеркаться начало. И опять Фимка стал ко сну готовиться. Нашёл удобный кусток, прилёг под него, и сразу задремал.

5

Утром Ефимка поднялся рано. Не терпелось ему своё новое лицо в жульстве испробовать. Тем более в нескольких верстах находился очередной провинциальный городок. Всего-то пару часов пешего ходу. И Ефимка припустил. Чуть ли не бегом помчался. А вскоре уже и до городка добрался, да сходу на ярмарку подался. А денёк-то между прочим хороший задался, солнышко светит, на небе ни облачка, ясно. Народу много на ярмарке собралось. Настроение у Фимки отличное. Идёт он по рядам, да на продукты загля-

дывается. А у самого аппетит разыгрался, ведь почти сутки ничего не ел, проголодался зверски. Тут ему и мысль в голову пришла.

– А что если мне здесь для начала попробовать задарма поесть?... Накормят ли меня эти торговки сердобольные с моим-то новым лицом?... Ведь давеча-то, в другом городке, мне отказали,... и даже гнали, побить обещались!... Ну-кась тут попробую,... сие непременно!... – дерзко решил он, и сходу обратился к торговке ветчиной.

– Здравствуй, хозяйюшка,... здравствуй, дорогая,... а скажи-ка мне милая, хорош ли у тебя тот окорок?... – подбостранно улыбаясь, ласково спросил Ефимка, отчего торговка аж вся пунцом залилась, до того засмушалась бедная от неслыханной лести.

– Ах, ну что вы сударь,... скажете тоже, милая,... да я простая селянка, вот кабанчиком торговать приехала,... а окорок у нас отменный,... с чесночком и перчиком копчён!... Да вы попробуйте,... берите,... вот кусочек побольше, да ешьте не стесняйтесь!... А коли понравится, так я вам ещё отрежу, и бесплатно,... уж за такие-то приятные слова и улыбку светлую, мне ничего не жалко... – тут же залепетала она и подала Фимке самый смачный кусок окорока. Тот принял кусок, поклонился, ещё разок улыбнулся своей белозубой улыбкой, поблагодарил, да дальше подался, на ходу пробуя окорок. А хозяйка кабанчика вся зарделась да за-воздыхала.

– Ах, какой учтивый юноша,... а как улыбается,... какие слова говорит,... аж всю душу встрепенул... – прошептала она, провожая Фимку томным, уже почти влюблённым взглядом. А меж тем Фимке хлебца захотелось, окорок закусить, ну он и в булочный ряд направился. Присмотрел там калач да спрашивает.

– А что, хозяин, хороши ли у вас калачи!?!... уж больно румяны и красны!... – коротко вскрикнул он и на булочника смотрит, улыбается.

– А как же иначе, конечно хороши!... Мы-с плохим качеством не торгуем, свиньям отдаём,... да ты паренёк на-ка возьми калач-то, да попробуй!... Даром бери, раз красивым и румяным мой товар назвал,... отчего же доброго человека не угостить!... По тебе сразу видно, ладный ты молодец,... бери, не откажи,... светлая у тебя улыбка, сердце радуется... – отвечает булочник и Фимке прямо в руки самый большой калач суёт. Ну, Фимка калач взял, поблагодарил, головой кивнул и дальше пошёл. Несколько шагов сделал, и пить захотел. Ну не всухомятку же ему окорок с калачом потреблять, направился он в квасные ряды. А там разных напитков видимо-невидимо.

Идёт Фимка улыбается, а торговцы, даже не дожидаясь от него вопросов, выпить ему предлагают. Кружки полные наперебой протягивают. Ну, Ефимка, конечно, отведал; и кваску, и морсику, и клюквенной наливочки попробовал. Захорошело ему, приятно стало, и он с устатку-то по домаш-

нему тепло заскучал, хотя никогда его и не знал.

– Эх... – говорит он, – вот бы сейчас на пуховую перинку прилечь,... покуражиться бы вдоволь,... да чтоб рядом красна девица хлопотала,... песню милую спевала,... и чтоб голосочек у неё малиновый был!... А уж я бы лежал да слушал,... пением наслаждался... – вдруг размечтался Фимка и тут же получил ответ.

– Эй, паренёк,... что ж тебя так разморило-то?... никак с тобой солнечный удар случился!... Так ты иди в тенёчек-то, приляг, пусть тебя ветерком обдует,... пойдём-ка, я тебя провожу... – вмиг шуткой отозвалась милая девица средней комплекции обладательница пленительных голубых глаз. Она как раз последняя угостила Фимку кружкой сладкой медовухи. Ей-то она и торговала. На что Фимка лихо отозвался.

– О нет,... спасибо тебе красавица, но провожать меня никуда не надо,... я здесь ещё не всё доделал,... поесть, я поел,... выпить, выпил,... теперь как следует осмотреться надо!... Нравится мне тут у вас,... люди добрые, щедрые, отзывчивые,... так что я ещё немножко похожу!... – задорно откликнулся он и дальше пошагал, однако девицу запомнил, симпатичная она, пригожая. Теперь Фимка в суконные ряды направился, ведь поизносился, приодеться ему захотелось. И опять идёт, улыбается. Но просить, ничего не просит, просто прохаживается. И тут суконщики сами с ним заговорили.

– Эй, парень,... да ты посмотри-ка на себя, как поизносил-

ся!... И френч не той кондиции, и портки потрёпаны, рубаха ненова,... да и картуз менять пора!... – кричат ему со всех сторон, а он нехотя так им и отвечает.

– Эх, кабы мне бы денег, так я бы уж ткани накупил, да приоделся не хуже вашего,... а так приходится старое донашивать... – сказал и эдак виновато улыбается, мол, простите, что в ваши торговые ряды таким неопрятным явился. А торговцы как увидели эту его улыбку, так сходу загомонили.

– Ну что ты, мил человек,... да разве ж в деньгах дело-то!... Ну их, к лешему,... мы тебя и так приоденем, без денег, задаром, сами заплатим!... А то где же это видано, чтоб такой-то ладный человек да в обносках ходил!... – заголосили они, да как кинуться к нему мерки снимать. И пяти минут не прошло, а торговцы ему уже и новые портки, и картуз, и френч с рубахой, и даже яловые сапоги справили. В один миг переодели его и на выход с рядов проводили, ни копейки не попросили, а только умоляли, чтоб он к ним ещё не раз заходил, да своей улыбкой доброе настроение наводил.

6

И вот идёт теперь Ефимка по ярмарке весь в обнове, сытый, напитый, и всё-то у него как прежде получается; ничего ему просить не приходится, торговцы опять всё сами ему дают, и даже упрашивают, чтоб брал. Прямо наваждение какое-то от его улыбки, всё по его выходит. Хочет он сытости, на тебе еды, пожалуйста. Желает лоску да обновы, и тоже на возьми, пожалуйста, носи на здоровье, всё ему дают

за просто так. У Фимки аж дух захватило от такого.

– Это же надо что творится-то,... все мои желания сбываются,... права была ведьма, моя улыбка любую душу, как дверь с сокровищами открывает,... это ж какие перспективы... да я, если захочу, озолочусь!... Тут ни какие-то подачки ассигнациями на открытие трактира собирать, здесь куш повыше можно взять!... На дворец с прислугой не грех загрести!... – вновь размечтался он, но голос разума оказался сильнее, и ему опять лишь тёплой постельки захотелось. Тут-то он и вспомнил про ту голубоглазую девицу, торговку медовухой.

– Ха!... а почему бы мне к ней и не обратиться?... ведь она меня сама проводить в тенёк обещала,... вот пусть и выполняет своё обещание,... тем более скоро уже вечер, отдохнуть пора... – решил Фимка и вновь в питейные ряды подался. А там, в рядах, действительно уже к вечерней зорьке готовились; товар поковали, убирались. Ефимка мигом нашёл ту голубоглазую красавицу и сразу к ней с улыбкой обратился.

– Ну что скажешь, милая девица?... как я тебе теперь глянусь?... Смотри, как меня мои новые дружки приодели!... Вон, даже сапожки яловые справили... – хвалится он перед ней, куражится, а она ему в ответ.

– Вот так свет!... А ты и вправду совсем другой стал,... теперь ещё пригожей выглядишь!... да и улыбка твоя краше стала, будто обновилась!... Вон, какой сударь получился!... И что же тебя опять ко мне привело?... может, медовуха

моя понравилась?... ещё желаешь?... – посмеиваясь, спрашивает девица, а сама Фимкой любит, вроде он и вправду от обновок краше стал, но голосок у неё по-прежнему угодливый.

– О нет, что ты,... медовухи мне хватит, а вот переночевать негде!... Помнится, ты давеча предлагала меня в тенёк проводить,... вот я и вернулся!... Может, отведёшь меня туда, где постель стелена, и уют с теплом имеются?... – не без намёка на ночёвку, спрашивает Фимка, и задорно улыбается.

– Ух, какой,... да ты мечтатель, как я на тебя погляжу,... никак в гости ко мне напрашиваешься?... Ну и правильно делаешь,... разве ж я могу отказать такому-то молодцу, да ещё с такой улыбкой,... конечно, пойдём ко мне!... Я живу здесь недалеко,... вон, за речкой, на пасеке,... сейчас, только товар до завтра приберу, припрячу, и сразу пойдём... – тоже разулыбавшись согласилась девица и принялась свой товар за прилавок прятать, на ночь сторожам оставлять. А до Фимки только теперь дошло, что у такой-то красавицы может и муж есть, а то и ещё хуже, целая семья, а он к ней в гости напросился.

– Ой, послушай-ка девица,... я только щас смекнул, что ты можешь быть за мужем,... иль вообще с семьёй живёшь. А я к тебе на постоя иду,... уместно ли это!?... – вдруг засмущавшись, спросил Фимка, при этом сильно надеясь услышать отрицательный ответ, и услышал его.

– О нет, ты не беспокойся,... ни мужа, ни семьи у меня

нет, ... я одна на пасеке управляюсь, ... хотя вот брат, есть, ... иногда приходит помогать! ... Он егерем-лесничим в соседнем угодье служит, ... на заимке в сторожке живёт; охотой, рыбалкой, сбором ягод и грибов промышляет, ... так что не зря я тебя в тенёк приглашала, может, как-нибудь навестим его! ... Одной-то мне скучно дни коротать, ... а ты вон, какой красавчик, развеселишь одинокую девицу, ... ха-ха-ха... – весело посмеиваясь, ответила девушка, быстро закончила прибираться, и, поманив Фимку за собой, тут же пошла с ярмарки прочь. Фимка конечно за ней увязался.

И четверти часа не прошло, как они да пасеки добрались. А пока шли, познакомились, представились друг другу. Оказалось девицу зовут Миланьей, вроде как от слова «миловаться» происходит, этакое имечко с хитрецей, непростое. Впрочем, как и сама девица, не только хохотушка, но и с умом. Привела Фимку в дом и сходу велела ему воды с реки натаскать, да не маленько, а целую бадью, чтоб хватило в бане помыться. Ну, Фимка и пошёл, а куда ж ему деваться, натаскал воды. Сама же Миланья тем временем ту самую баньку-то и затопила. Нагрела, прокалила, пару напустила, да Фимку туда и загнала. Хотя он и не сопротивлялся, сам с удовольствием намылся, напарился, и стал чистый аж до скрипу.

Тут-то Миланья его в постельку и поселила; уложила, укутала, да ещё и чаем напоила. И опять-таки чаем не простым, а с травами, притом сонными. Оттого-то Фимка недолго пе-

риной наслаждался, а тут же засопел, запыхтел и уснул богатырским сном. Попался, голубчик, в руки хитрой девице. Хотя с другой стороны она его пока ни в чём не обманула; да, она живёт на пасеке, которая ей от старых родителей досталась, готовит медовые напитки и торгует ими на ярмарке. Всё так и есть, всё правда, нет обмана.

И даже про брата Миланья не солгала, он тоже есть, и верно, в лесу живёт, вот только вовсе он не егерь-лесничий, а разбойник. Да-да, брат у Миланьи был самым что ни на есть настоящим бандитом, но не с большой дороги, а специализировался он по доходным домам, богатым имениям да банкам. Впрочем, логово его точно находилось в лесу, на заимке. И ходу туда никто не знал, кроме конечно его сестры Миланьи. А она, кстати, тоже не просто так на ярмарку ходила, не только для торговли и веселья, она там ещё всякие слухи да молву собирала. Иначе говоря, добывала нужные для брата сведения.

Примечала, кто, о чём судачит, какие интересные вести обсуждают; может, кто о каких неожиданных капиталах говорил, а может, какой новый человек в город приехал или пришёл. В общем, обо всём, о чём народ разговор вёл, она потом это всё брату передавала, доносила ему, а уж тот выводы делал. Вот и теперь она Фимку с его неотразимой улыбкой тоже заметила да поскорей приветила, сонным чаем опоила да спать уложила. Ей мысль в голову пришла, что Фимка может пригодиться её брату в его разбойничьем деле. Хотя

у того уже имелось двое поделльников-помощников, два громилы-облома, неотёсанные детины. Вместе банки да имения грабили.

Правда, грабили всё больше силой, с оружием; с кистенями да пистолетами. А тут у Фимки такая обезоруживающая улыбка, что и бить-то никого не придётся, попросит, сами всё отдадут. И вот о ней-то, об этой необыкновенной улыбке, Миланья и собралась срочно рассказать своему брату разбойнику. Быстренько оделась, да в лес подалась, пока Фимка спокойно почивал. Ещё до полуночи она уже у брата была в его лесной избушке, и прямо с порога разговор завела.

– Ох, кого я сегодня на ярмарке встретила, ни за что не догадаетесь!... даже не пытайтесь!... О, это необыкновенный человек,... с виду парень, как парень,... немного смазливый, даже симпатичный,... и он только одной своей улыбкой заставляет людей раскошелиться!... Стоит ему у них чего-нибудь попросить, как они тут же и с удовольствием дарят ему всё,... да ещё и спасибо говорят, что взял!... Вот такой парень!... – восторженно доложила она, после чего её брат и его поделники-обломы, отдыхающие рядом на полатах, вмиг повскакивали.

– Ну, ничего себе красавчик!... Это ты его удачно заметила,... если такого взять с собой на ограбление, допустим, банка или богатого имения, то нам даже револьверы доставать не надо!... Хозяева нам сами все денежки отдадут!... Стоит лишь тому красавчику улыбнуться, и дело сде-

лано!... ха-ха!... – тоже с восторгом, заключил брат.

– Да-да!... точно!... Вот и я об этом же подумала, едва его заметила!... Ну а дальше в ход уже пошло моё обаяние,... я заманила его к себе на пасеку, опоила сонным зельем, и теперь он спит как убитый!... Давайте-ка мы его, пока он не очнулся, перетащим сюда,... а уже здесь вы его хорошенько работаете,... думаю, вам его даже бить не придётся,... просто запугайте хорошенько, и он сразу согласится на любые условия... – мигом предложила Миланья, и братец опять её поддержал.

– О да, ты у меня настоящая умница,... так мы и поступим!... Тут как раз в соседней губернии наметилось одно дельце,... есть там богатое именьеце,... слишком уж там зажиточный барин живёт, жирный гусь,... пощипать его требуется,... ха-ха!... Вот и будет для твоего красавчика первое крещение,... если он без выстрелов и мордобоя вытрясет из барина всё что нам нужно, то мы его оставим себе,... а уж коли не справится, так пустим в расход,... на дно реки, рыбок кормить!... А сейчас давайте-ка, его скорей сюда перенесём, да устроим ему весёлое пробужденьице!... ха-ха!... – криво посмеиваясь, заключил братец, и твёрдой походкой направился на выход. Подельники и Миланья тут же двинулись за ним.

7

Перенос Ефимки с пасеки в лес, в логово разбойников, занял у них всего-то пару часов. И всё это время Фимка спал,

словно суслик в норке, и даже иногда посвистывал, как они это и делают. Миланья осталась у себя на пасеке, она своё дело сделала, и ей завтра опять на ярмарку идти, мёдом торговать. А вот её брат Понкрат, а его звали именно так, вместе с подельниками свою миссию только начинали. Принесли Фимку в избушку, уложили его на широкую лавку и стали будить. Облили холодной водой, и давай за грудки тормозить.

Понкрат даже дал ему затрещину, но не по лицу, бить физиономию не решился, ведь понимал, это весьма важный инструмент в плутовском ремесле, а что если от битья синяки появятся, или ещё хуже из Фимкиной улыбки зуб вылетит, как тогда деньги с богачей требовать, ведь не дадут. Так что хоть брат Понкрат и разбойник, но сообразительный, фасад портить не стал. Кстати, он помимо всех своих способностей успел ещё и в армии послужить. Отсюда у него и воинская выправка, и дисциплина, и умение обращаться с оружием, а не только кистенём махать.

Правда долго послужить ему не пришлось, хоть и дослужился до денщика штабного офицера. Заодно и всяких знаний набрался, да умных книжек начитался. А как случилась с родителями беда, он в отставку подал, их бедняг местный богатей на карете сбил, когда они на ярмарку мёд с пасеки несли. Так они болезные вместе и померли. А тому богачу ничего не было, с него как с гуся вода, откупился и дальше на карете с шиком разъезжать продолжил, честных горо-

жан пугать. Вот Понкрат с армейской службой-то и расстался, озлобился от несправедливости, вернулся домой правосудие творить.

А как он в городке-то объявился, так после этого, того лихого богача больше никто и не видывал, пропал он, вместе со своей роскошной каретой. Так Понкрат в разбойниках-то и оказался. С той поры и началась его грабительская деятельность. Он и сестричку к этому делу приобщил. Затем и подельники появились, нашёл пару здоровяков обломов. В общем, создал банду, и пошли они по всем соседским губерниям да волостям грабежи и бесчинства творить, богатеев трясти да морить. И что интересно, лошадей с собой не брали, шибко хлопотно с ними, всё делали только пешком. К тому же у себя в округе Понкрат никого не трогал, придерживался неписаного правила «где живёшь, там не шкоди», вёл себе очень хитро, руководствовался воинской тактикой и даже стратегией.

А тут как раз сестрица такого ценного паренька присмотрела. Ну как же таким шансом не воспользоваться, ведь если тот парень будет просто выпрашивать деньги, без угроз и стрельбы, то это уже вроде и не ограбление вовсе, а скорей попрошайничество, а за него и уголовного наказания нет, ну может и есть какое, но совсем пустяшное. Вот и получается, что человек лишь чуток попросил об одолжении каких-нибудь горожан, а уж они сами всё добровольно ему отдали. Вот и всё, и взятки гладки, и нет никакого преступления.

Одним словом затея хорошая.

Так что Понкрат с подельниками, будили Ефимку относительно деликатно. И надо же такому быть почти под утро он наконец-то проснулся, очнулся-таки от сон-травы. Продрал глаза, зевнул во весь рот, пофыркал, покрутил носом, и видит, что находится не на постели с красавицей Миланьей, а в окружении трёх мужиков, да ещё и в тесной избе.

– Ой, а где это я?... как здесь оказался?... иль снится мне всё?... кто вы такие, братцы?... – залезил он и сразу попытался улыбнуться. Отчего Понкрат тут же нож достал и прямо к его губам подставил.

– А ну-ка брось мне тут улыбаться!... только попробуй,... враз рот располосую!... Наслышан я о твоих способностях своей улыбкой людей с ума сводить да всё тебе дарить!... Со мной такой фокус не пройдёт,... даже не пытайся!... Зато у меня к тебе дело есть,... вместе с нами разбойничать пойдёшь, но только без кистеня и револьверов,... вместо них ты улыбаться будешь,... своей улыбочивой физиономией нам ларцы, да сейфы с золотом, открывать станешь!... Ну а коли откажешься, так ты нам тогда без надобности,... тут недалеко болото есть, в нём мы тебя и утопим!... Ну, так как?... согласен ты нам помогать?... – вода острием ножа по Фимкиной щеке, ухмыляясь, спросил Понкрат.

– Ого!... как всё у вас здесь сурово,... чую, иного выбора у меня нет,... согласен я конечно!... Но всё же хотелось бы знать, где я?... и кто вы?... Впрочем, начинаю догадывать-

ся,... вы, наверное, брат Миланьи,... а я сейчас у вас в избушке в лесу,... она говорила вы егерь-лесничий,... это так, да?... – робко переспросил Фимка, чем вызвал дикий шквал хохота у разбойников.

– Ха-ха-ха!... ага!... Точно егерь!... сидим тут и егерничаем!... Притом так, что ни одна мышь сюда живьём не проскочит!... Ха-ха-ха,... вижу, ты парень-то сообразительный,... потому нечего тебе больше объяснять не буду,... сам всё поймёшь,... просто выполняй мои приказания и останешься живой!... Но это пока, а дальше посмотрим,... может, и подружимся,... вдруг тебе понравится богачей грабить!... ха-ха-ха!... – ещё сильнее рассмеялся Понкрат, и его подельники вместе с ним.

8

Однако смех смехом, а дело делом. И тем же вечером разбойники взяли Фимку на первое дело. Правда днём ему дали хорошенько отдохнуть, прейти в себя и даже покормили, всё чин-чинарём. Хотя улыбаться так и не позволяли, а перед тем как на дело отправиться плотно завязали ему глаза, чтоб дорогу не запомнил, не узнал. Вышли когда уже смеркалось. Один из обломов-пособников посадил себе на горбушку Фимку и понёс его, словно тот какая-то простая кукла или рюкзак.

Впрочем, чему тут удивляться, ведь пособник здоровенный детина, а Фимка по сравнению с ним будто тростинка, шуплый паренёк. Так они и шли несколько вёрст. Правда

по пути, этот облом и другой здоровяк пару раз перекидывали Фимку меж собой, несли его по очереди. Понкрат же показывал дорогу. Но вот вдруг лес расступился и впереди показался богатый дом, целая усадьба. К тому времени уже совсем стемнело, началась ночь. Понкрат взял слово.

– Ну что ж, ... теперь дело за тобой, ... снимай повязку с глаз... – обратился он к Фимке и тут же добавил, – вон, видишь дом?... В окне ночник светит, ... пошли, постучишь в это окошко, ... а как хозяин выглянет, так поулыбайся и попроси его впустить тебя, ... тут уж и мы подоспеем!... Ты не бойсь, хозяйева дома одни, прислуга во флигельке спит, ... я узнавал, всё рассчитано, ... ты скажи им, мол, заблудились мы, в потёмках-то, ... а дальше всё делай, как я тебя днём учил!... И не вздумай шутить или бежать, ... враз догоним, ... а если не мы, так пуля достанет, ... понял!?... – чуть с издёвкой пояснил Понкрат, и легонько так подтолкнул Фимку к окошку. И тот выполнил всё, как ему было велено. Тихонечко постучал в окошко, а когда выглянул хозяин с оборотительным пистолетом в руках, сразу начал улыбаться и жалобно просить.

– Ой, простите, пожалуйста, за неожиданный визит, ... мы с приятелями гуляли по лесу да заблудились, глупые, ... ах, вы бы пистолетик-то убрали, да указали нам, как к деревне выйти, иль хотя бы пустили на сеновал в сарай переночевать. И вы уж простите, мы пить очень хотим, ... давно ходим, маковой росинки во рту не было, ... хоть бы глоток водицы... –

мирно и даже немного печально попросил Фимка, при это постоянно заискивающе улыбаясь, что, несомненно, произвело должный эффект.

– Ах, молодой человек, ... да что же вы такое говорите?... какой ещё сеновал?... Ну, я же вижу, вы в высшей степени порядочный человек, ... извольте с вашими приятелями пожаловать в дом!... Что мы, варвары, что ли какие, добрых людей на сеновал отправлять!... Входите, ... входите немедленно, я вам сейчас открою... – вмиг попав под обаяние Фимкиной улыбки, залепетал хозяин, и тут же убрав пистолет, кинулся открывать входную дверь. Ну а дальше всё пошло, как и планировали разбойники.

Одурманенный хозяин безропотно впустил всю компанию в дом. Он абсолютно не смотрел на трёх разбойников, они ему были совершенно безразличны, зато он определённо любовался Фимкой. Вдруг на шум из спальни вышла жена хозяина, и, разумеется, она тоже моментально попала под обаяние Фимкиной улыбки. Женщина средних лет и такой же комплекции, жена в ту же секунда почти влюбилась в юного ночного гостя. И опять-таки, как и её муж, не обратила никакого внимания на Фимкиных сопровождающих, ей они были не интересны. Меж тем сам Фимка продолжил свою речь.

– Ох, простите нас за вторжение, ... мы люди бедные, и к таким роскошествам непривычные, ... в барских домах мало бываем, ... скромно ходим по деревням, обездоленным помогаем, ... нам больше по сердцу духовная жизнь. Мы по-

слушники с дальней обители,... и наша служба заключается в сборе средств на восстановление господней справедливости,... ибо завещано: процветающему, нести в мир свет, и благостью помогать ближнему своему!... Уж такова воля Божья,... тем и промышляем... – несколько молитвенно растягивая слова, почти пропел Фимка, отчего хозяева пришли в раболепный трепет.

– Ах, слава Богу!... Мы-то словно вас только и ждали,... сегодня вечером все свои накопления пересчитали,... ещё и поразились, как их у нас много,... но зачем нам они, когда на свете ещё столько неимущих терзается!... Так что забирайте наши накопления!... Ах, как хорошо, что вы здесь, ... нам вас сам Господь послал!... – крестясь и радуясь, прошебетали они и тут же по комнатам разбежались. И секунды не прошло, а они уже несут из закровов золотые червонцы, четвертные ассигнации, драгоценные камни, жемчужные ожерелья, и прочие свои богатства. Враз всё собрали в холщёвый мешочек, и Фимке прямо в руки отдали. И только он хотел идти, как хозяин остановил его.

– Ой, погодите,... куда же вы сейчас такие-то пойдёте?... ведь там же наверняка разбойники рыщут!... Вдруг нападут на вас, на божьих-то людей,... вы вот что, не прогневайтесь, возьмите-ка мой револьвер,... я, конечно, понимаю, вам в человека стрелять не положено,... ну так вы хоть в воздух для острастки пальнёте,... напугаете их, окаянных!... А вот теперь идите,... и храни вас Господь... – всунув в ла-

донь Фимки ещё и револьвер, напутствовал он, да на прощанье перекрестил.

А хозяйка, так та вообще благоговейными слезами залилась. Плачет милая, будто какая великая радость свершилась, вроде Иисус её посетил. Ну а Фимка под такой шумок развернулся и на выход подался, разбойнички за ним. Тут хозяйева на колени упали, и давай молиться, словно на них божья благодать сошла. Тем временем разбойнички успели уже в лес забежать. Идут по кустам, и диву даются, Фимкой восхищаются.

– Это как же у тебя так всё получается!?!... ничего у них не попросил, просто с улыбкой несколько фраз проговорил, и они тебе всё сами отдали!... Прямо чудеса какие-то!... Ну, всякое со мной бывало,... и стрелять, и угрожать приходилось,... и деньги, и брильянты, и золото отбирал,... но чтоб так легко куш взять, да ещё, чтобы тебе же и револьвер от разбойников оборонятся на дорожку присовокупляли, такого не было!... – изумлённо пробасил Понкрат.

– Да-да,... такого с нами ещё не было,... чтоб от нас же самих, нам же и оружие давали!... Ну, ты мастак на уговоры, парень!... – тоже изумились обломы-подельники, однако всё равно Фимке на глаза снова повязку надели. Мешок с добычей и револьвер у него забрали, да опять домой в лесную избушку понесли. Так закончилось первое Фимкино ограбление.

И вот с этой первой удачной ночи началась у Ефимки другая жизнь. Теперь он тоже стал разбойником, хотя и со своей собственной спецификой. С его участием все ограбления проходили без выстрелов и истязаний жертв. Всё проходило гладко, спокойно и чётко, без сучка и задоринки. Сначала не спеша обобрали одну близлежащую волость, затем другую, потом ещё одну, и ещё, и везде им сопутствовала удача. Денег, золота и других ценностей у разбойников набралось немало. В избушке ими были забиты все углы и полки. Уж девать всё это богатство некуда, а потому решили сделать из него клад.

Проще говоря, намерились зарыть все сокровища в лесу, в укромном месте, как впрочем, до них это делали все остальные разбойники и пираты. Естественно к этому делу Фимку привлекать не стали. А зачем он им нужен, лишний свидетель-то. Понкрат со своими здоровяками-подельниками собрали все ценности; золото, камни в один крепко-сбитый дубовый бочонок и отнесли его в чашу леса, в самое укромное место, да там его и закопали. Фимку с собой не брали, а чтоб он за ними не покрался подсматривать (недоверие к нему, так и сохранялось), с пасеки для пригляда за ним пригласили Миланью. Так они вдвоём и просидели пока другие клад прятали.

Кстати, надо заметить, что такой пригляд за Фимкой устанавливали уже не впервой. Не раз приглашали Миланью с ним посидеть. Хотя она и сама с охоткой приходила, при-

носила провиант для подкормки в будние дни, когда брат с подельниками на разбой не ходили. Вообще-то они почти всегда чего-нибудь вкусенького в имениях прихватывали, но это всё быстро съедалось. Так что Миланья была у них нередкой гостьей, и даже с Фимкой подружилась. Они подолгу беседовали о разных вещах; о погоде, о мёде, о лесном зверье, и даже о ярмарочных делах. Павда, брат Понкрат не велел Фимке при этом улыбаться.

– Ты болтать-то болтай, но лыбиться Миланье не смей,... ещё чего доброго влюбится в тебя, а я этого не желаю,... потому как человек ты ненадёжный, жулик и плут!... Вот мы, люди простые, прямые, разбойники, и всё тут!... А ты выюн, проходимец, и оттого проку от тебя в любви нет,... покуражишься и бросишь сестру, а мне потом с ней горе мыкать!... Так что не вздумай кадрить,... лучше просто языками чешите!... – строго настрого упредил он, сам того не понимая насколько он близок к истине, ведь Миланья действительно полюбила Фимку, притом и без его обвораживающей улыбки, улыбка ему даже и не понадобилась. Однако виду Миланья не показывала, боялась разозлить брата.

Вообще-то Миланья Фимке тоже глянулась, с её-то большими голубыми глазами, русой косой да стройной фигурой, как не глянутся, на меду да молоке вскормленная, ох, ладная девица-краса. Одним словом случился у них амур. Хотя ребята сами пока ещё плохо соображали, что с ними творится, ведь до сих пор никогда не любили. А первая влюб-

лённость всегда так протекает. Впрочем, с другой стороны у Фимки уже созрел план, как сделать так, чтоб их чувствам никто не мешал, ему очень хотелось избавиться от назойливого надзора Понкрата. И его хитроумный мозг породил весьма рискованную мысль. А заключалась она во всё том же жульстве.

Решил Фимка обмануть Понкрата с его поделщиками, обворовать их, да с богатством-то сбежать прочь, прихватив с собой Миланью. Конечно слишком рискованный план, можно сказать безрассудный, сумасшедший. Тут ни в коем случае нельзя ошибиться, иначе всё насмарку пойдёт. Фимка долго думал, рассчитывал, прикидывал, размышлял, и надо же такому быть, всё одно совершил роковую и непростижительную ошибку. А вот как всё было: как раз в один из дней, когда разбойники ходили проверять свой клад, а проверяли они его регулярно, Фимка не удержался и открылся перед Миланьей.

– Не могу я больше молчать!... и пока тут нет твоего брата скажу тебе смело, нравишься ты мне очень!... Хочу связать с тобой всю свою жизнь без остатка!... И даже более того, хочу вытащить тебя из-под строгой братской опеки,... давай, вместе убежим от Понкрата,... я найду способ, как избавится от него и его приспешников,... даже сделаю так, чтоб они нам ещё и денег дали,... стоит мне только им поулыбаться, как они вмиг расскажут мне, где зарыт их клад!... Мы его заберём и сбежим!... нам его на всю жизнь хватит,... ещё

и внукам останется!... Там денег немерено,... заживём с тобой счастливо, всем на зависть, себе на радость!... Я тебе серьёзно говорю, не шучу,... вон, видишь, даже не улыбаюсь, а значит, не вру!... – искренне признался Фимка, без тени улыбки на лице, на что тут же получил ответ.

– Да ты и вправду не улыбаешься,... верно говоришь!... А я ведь тоже тебя люблю,... хотя ты это уже наверняка понял,... и бежать я с тобой тоже согласна!... Но вот только не трогал бы ты разбойничьего клада, не надо, не к добру это,... ну их, эти деньги,... несправедные они,... так проживём, работать станем!... С твоими-то способностями можно на ярмарках такие потешные аттракционы устраивать,... дивные представления давать,... но уж только по-честному, без обмана,... а люди и заплатят за них с охоткой!... Надоело мне так-то жить, хочется по совести,... а ты вон что предлагаешь, нехорошо это Фимушка,... мы и без разбойничьего богатства проживём,... не бери клада... – залепетала Миланья готовая хоть прямо сейчас бежать с Фимкой. Но он, услышав такую речь, решил погодить, и начал хитрить.

– Ну, ладно милая,... как скажешь, не стану я клад брать,... проживём и на мою улыбку,... видать неспроста она мне досталась!... Будем добрым людям весёлые представления давать,... вот и получается, хорошо, что я тогда колдунью спас,... она меня этой улыбкой и одарила!... Теперь она нам пригодится!... – чуть хвастливо воскликнул Фимка, да тут же и осёкся, вдруг вспомнил ведьмино предупреждение нико-

му об их договорённости не рассказывать, иначе быть беде. Впрочем, зря он вострепнулся, Миланья как-то не особо обратила внимание на его признание. Для неё главное, что Фимка отказался от мысли обокрасть её брата с подельниками, она очень этого боялась, знала, на что способен Понкрат.

А Фимка испугавшись своего хвастовства, уже было хотел перевести разговор в другое русло, но запоздал, ведь ошибку-то он уже совершил, обмолвился о сделке с колдуньей, как говорится «слово не воробей, вылетит, не поймаешь». И ведьмино предупреждение сразу проявило себя. Над Фимкой тут же начали сгущаться тучи, неумолимо надвигалась беда. И первым её признаком стало внезапное возвращение Понкрата и его подельников. Они отчего-то раньше времени закончили проверять свой клад и резко поспешили обратно, словно чувствовали, здесь об их богатстве говорят. Но Фимка наивно думал, что всё идёт своим чередом, и даже обрадовался их появлению, ведь они как раз прервали нависшую в беседе паузу, и первым делом запросили ужин.

– Мы сильно устали и проголодались, пока по лесу плу-тали,... подай-ка нам на стол Миланья,... да потом ступай домой, на пасеку, а то вечер недалече... – сходу заявил Понкрат, чуть подозрительно взглянув на Фимку. Но Фимка, как ни в чём не бывало, бросился помогать Миланье. А уже вскоре они вместе накрыли стол, и Миланья недолго думая откланялась, попрощалась, и подалась домой, за дверь вышла да по тропинке в чащу унеслась. Фимка только успел ей

вслед рукой помахать.

10

А меж тем брат Понкрат с подельниками налегли на ужин. Ели быстро и жадно, а оттого на всю трапезу ушло у них лишь полчаса. Набили разбойники животы да отдыхать прилегли. Понкрат первым прикорнул, он был намного старше своих молодых напарников-обломов, а потому и сильнее их уставал. Так что через минуту он уже всю храпел, сон вмиг его одолел. Зато его молодые подельники, чуть отдохнув, взялись в карты играть, они это дело очень-но любили. Фимка мигом к ним подсел. Обломы, не почуяв никакого подвоха, ведь такое уже не раз случалось, тоже раздали ему карты. Началась игра.

И тут Фимка применил свою улыбчивую хитрость. Самое время выбрал, ведь Понкрат-то спит, и ему улыбаться не запретит. Так что Фимка в темпе игры, азарта и разговоров, незаметно для обломов взял да у них же самих и выведал, куда они клад закопали. Все подробности у них узнал: и сколько шагов до клада, и под каким деревом, и на какой глубине, они субчики-голубчики всё ему рассказали. При этом даже не поняли, о чём говорили. Больше на игру отвлекались, и не заметили, что проболтались.

А Фимка, как только всё прознал, так сразу потягиваться да позёвывать стал, дескать, спать ему захотелось. Ну и прилёг на лавке, сделал вид, что задремал. Подельнички-обломы ещё один кон отыграли да тоже зазевали, скучно им вдво-

ём-то играть, не та компания. Карты отложили да тоже спать пристроились. И минуты не прошло, а они уже в обе ноздри захрапели. Фимка тут же с лавки слез. Тихонечко прибрал лопату да за дверь из избы выскользнул, в ночной лес подался. Как раз уже и луна взошла, звёздочки замерцали, всё как полагается.

Но для Фимки это не особо важно, ведь он дорогу к кладу на счёт знает, все приметы у него в голове; сколько шагов туда ступить, сколько сюда, направо иль налево идти. Вот и стал Фимка от дерева к дереву себе путь прокладывать. И надо отдать ему должное, с этой задачей он справился просто великолепно. И часа не прошло, а он уже вычислил местонахождение клада; и нужное дерево нашёл, и свежий дёрн определил. Вмиг разобрался, что к чему, да бочонок-то с драгоценностями лихо и вырыл, благо тот не сильно глубоко был закопан. Ну и, разумеется, покати́л его через лес подалее отсюда.

Катит бочонок, и ругается-чертыхается, вспомнить пытается в какую сторону ближе к городу идти. Ему к пасеке нужно, к Миланье. Он до этого, хоть и с завязанными глазами на дело с разбойниками ходил, но шаги тоже отсчитывал, и свое теперешнее местоположение неплохо предполагает. Общая картина леса у него в голове сложилась, и куда ему теперь примерно двигаться, он представление имел. Одним словом катит Фимка бочонок по лесу и радуется, довольный, усмехается.

– Ха-ха,... вот сейчас откачу его подальше, припрячу в кустах, схожу за Миланьей, покажу ей наше сокровище, осчастливорю милую!... Да сбежим мы с ней вместе, пока Понкрат спит!... Ха-ха-ха,... не найти ему нас, успеем далеко уйти... – думает он, а сам ещё того не знает, что ведьмино проклятье уже всюду действует. Едва он бочонок подальше от ямы откатил, как в избе Понкрат проснулся, словно кто его в бок ткнул. Вроде ему попить захотелось, ужин-то почти всухомятку прошёл. Светильник он зажег, уже было хотел ковшом воды из бадейки зачерпнуть, как видит, Фимкина лавка пуста, нет его, всегда на ней спал, а тут пусто. Глядь, а у двери и лопаты нет. Тут-то Понкрат и смекнул в чём дело.

– Эй, бездельники!... а ну вставайте!... чего дрыхните, Фимки нет!... Сбежал он, проглядели балбесы!... О чём с ним говорили, когда я уснул!?... что он у вас выспрашивал!?... про клад упоминал!?... – как гаркнет на подельников, а те ему в ответ.

– Да вроде нет,... ни о чём таком не говорили,... просто в картишки перекинулись,... потом он уснул,... ну и мы вслед спать легли... – вскочив, залепетали обломы, а Понкрат не понимает.

– Эх, вы олухи!... облапошил он вас!... Ведь я предупреждал, держите с ним ухо остро!... Наверняка, пока вы с ним в карты играли, он у вас выведал, где мы клад зарыли!... Вон лопаты нет, видать пошёл откапывать!... А ну бегом за мной!... споймаем его пока не поздно!... Ну, я ему устрою!... –

дикое взревел он и, словно волк за добычей рывком выско-
чил из избы. Подельники-обломы конечно за ним помчали.
Правда, погоня у них заняла совсем немного времени. На-
гнали они Фимку одним махом. Им его особо и искать-то
не пришлось, чего его выгладывать, когда после него через
весь лес шлейф от бочонка тянулся, по нему и выследили.
Да сходу и схватили бедолагу.

– Что плут, пройдоха,... захотел честных разбойников
обобратить!?... Ну, нет, не выйдет!... Говорил я тебе, что ты
проходимец и нет тебе доверия?... говорил!... А теперь ты
мои слова подтвердил,... как бы тебе хорошо среди нас ни
жило, ты всё одно жулить взялся!... А ещё помнишь, я
тебя предупреждал, как я с тобой обойдусь, коли ты супро-
тив нас свою подлую улыбку применишь!?... – вновь взревел
Понкрат, держа испуганного Фимку за грудки.

– Да, что-то такое припоминаю,... вроде навсегда мне эту
улыбку на лице запечатлеешь,... но ты прости меня,... бес-
попутал,... это всё золото проклятое, будь оно неладно... –
пытаясь оправдаться, залепетал Фимка, но Понкрат его даже
слушать не стал.

– Заткнись, плут!... тут не золото виновато,... оно-то
в земле лежало,... а это жадность твоя неуёмная подвела!...
Всего тебе хватало, но алчность на жульство толкала!... Чи-
тал я в своё время про такие пороки,... тогда я в армии слу-
жил,... у моего офицера много книг имелось, он их с со-
бой возил, просвещённый был,... и вот в одной такой книж-

ке было написано про мальчика Гуимплена с вечной улыбкой на лице!... Только он её по несчастью получил,... уж так у него судьба сложилась,... а ты такую улыбку от меня за жадность заимеешь,... я же тебе обещал рот располосовать, если ты грань дозволенного перейдёшь,... и ты перешёл! Так что ходить тебе отныне с твоей подлой улыбкой вечно,... но только теперь уж без обаяния и хитростной магии!... Располосую я тебя, не помилую!... – опять дико взревел Панкрат, выхватил из ножен свой тесак и в одно мгновение раскромсал Фимке рот, разрезал ему щёки чуть ли не до самых ушей. Сбылось ведьмино проклятье, пришла беда, потерял Фимка даренную ему колдовскую улыбку, зато обрёл чужую, нарезную, вечную.

– Вот тебе от меня обещанное,... ха-ха-ха!... Я своих слов на ветер не бросаю,... с этой минуты ты своей улыбкой никого не обманешь, лишь напугаешь или рассмешишь!... Быть тебе теперь балаганным шутом!... ха-ха-ха!... Ненадобный ты мне больше,... пошёл прочь!... Беги, пока совсем не прибил,... да смотри, чтоб тебя волки в лесу не загрызли,... они сейчас на запах твоей крови мигом сбегутся!... ха-ха-ха!... – злобно рассмеялся Панкрат и отшвырнул от себя Фимку, будто тот пустой, отработанный, рваный мешок. Подельники тут же подхватили бочонок с сокровищами и понесли его обратно в избу. Панкрат тоже не задержался, следом за ними подался.

Фимка остался лежать один. Дальше для него всё пошло будто во сне. Он как мог, перемотал себе лицо обрывками рубахи, которую тут же и разорвал на себе. Еле-еле поднялся на ноги, и на силу сохраняя здравость ума стал пробираться через лес к городу. Внутри сознания он по-прежнему вёл отсчёт пройденного расстояния. Упорно шёл, и всё считал, и считал, стараясь определить правильное направление до пасеки. И вскоре ему повезло, удалось выйти на чуть заметную тропку, по которой Миланья из города в лес ходила.

Это открытие предало Фимке бодрости. Он даже прибавил шагу и почти побегал. А потому не мудрено, что спустя всего полчаса он оказался уже на месте. Как стучался в дверь и просил Миланью открыть, он уже плохо осознавал, настолько много потерял крови пока бежал. Но зато когда очнулся, первое что он увидел, это было заплаканное лицо Миланьи, хотя уже и это сильно обрадовало его. Он попытался что-то сказать, однако Миланья опередила его.

– Уж лежи, молчи!... Ах, ну что же ты натворил-то, бедняга!... Я же тебе говорила, чтоб ты не трогал их клад,... не нужен он нам,... не праведно нажит и счастья не принесёт,... вон, что он с тобой сделал!... Ах, ты мой бедный касатик,... но ты не думай ни о чём,... я тебя всё равно не брошу,... не оставлю в беде,... не такая я!... Ох, надо было нам тогда сразу бежать, не дожидаться такого итога!... Ну, теперь-то уж точно всё, решено,... сегодня же уйдём из этого проклятого городка,... ты только потерпи чуток,... ты как созна-

ние-то потерял, я тебя сразу к себе втащила и взялась рот тебе зашивать,... сильно его располосовал-то, братец мой окаянный!... Ведь как обещал, так и сделал,... ты кровью чуть не изошёл,... одну-то щёку я уже зашила,... а вторую ещё не успела,... немного осталось,... ты уж потерпи, любимый... – умоляюще глядя Фимке прямо в глаза, попросила его Миланья и вновь приступила к своему делу, латать щёку.

Кстати, латать подобные раны ей не привыкать. Когда у тебя брат разбойник, то всему научишься. Братца-то не раз в переделках ранили; и стреляли в него, и резали, вот она и зашивала его. Но тут уж другое дело, здесь сам брат рану нанёс, и ведь кому – её возлюбленному. Однако у Миланьи рука не дрогнула, справилась и с этой раной, зашила, залатала её на совесть. Ну а как закончила, так сразу начала в дорогу собираться. Тем временем Фимка стал в себя приходить, кровь уже не бежала, рана зашита, хотя говорить он пока не мог, зато за него Миланья слово взяла.

– У меня достаточно денег припасено,... я хорошо на меду наторговала,... нам на первое время с лихвой хватит,... уедем далеко-далеко,... начнём жизнь заново!... Ты своё прошлое забудь, будто и не было его,... да тебя теперь никто и не узнает,... без прежней улыбки ты совсем другой человек!... Никто нас не найдёт, ни чёрт, ни брат Понкрат!... Ничего, на первых порах, будешь кушать и пить, через трубочку,... потом я тебя ещё лучше подлечу,... всё у нас будет хорошо... – собираясь, на ходу всё говорила и говорила она.

Но вот пожитки были уложены, Фимка окончательно пришёл в себя, осознал своё положение, и ребята поспешили покинуть пасеку. Вышли на главную улицу и направились вон из города. Правда уже за околицей зашли в местную церквушку. Там Миланья наказала приходскому батюшке следить за пасекой и пчёлами. К тому же успела отписать дарственную на родительский дом. А батюшка в свою очередь обещал ей за это, неустанно молиться за их с Фимкой счастье, и даже благословил. Одним словом путешествие в новую жизнь у ребят началось с церковного благословения, это ли не признак добрых перемен.

Впрочем, у них и дальше всё пошло также благополучно. Единственное, что напоминало им о прошлом, так это новая разрезная улыбка на Фимкином лице. Хотя с другой стороны внешность не такая уж и важная вещь, ведь главное, чтоб любовь была. А уж у ребят она была, и на удивление крепкая. Теперь они вместе стали ходить по небольшим городкам и давать представления на ярмарках. Миланья, как и обещала, чуть подкорректировала Фимкину улыбку, и она стала соответствовать их задорному репертуару. А через некоторое время им повстречался разъездной цирк-шапито, там они нашли себе место, и вскоре уехали с большими гастроллями за границу, в Европу.

Брат Миланьи, Понкрат, узнав, что сестра покинула отчий дом и сбежала с Фимкой, сначала пришёл в бешенство, но после долгих размышлений всё же принял выбор Мила-

нии, и решил покончить с разбойничьим ремеслом, ведь счастья оно ему не принесло. Разделил клад с подельниками, свою долю отдал в детский приют и ушёл ещё дальше в лес, жить стал только охотой и рыбалкой. Впоследствии его подельники также раскаялись, тоже пожертвовали свою долю приюту и присоединились к бывшему главарю.

Таким образом, единственным печальным итогом всей этой истории стала лишь та немного корявая улыбка на лице Фимки, и она же послужила ему упреждающей памяткой о том злополучном договоре с колдуньей. А отсюда и вывод: никогда нельзя связываться с нечистой силой, это всегда приводит лишь к печальным результатам; и будь то, чарующая улыбка, или несметные богатства, последствия обязательно окажутся плохими. А потому лучше уж жить честно и по совести, и при этом всегда помнить простую истину – сказка ложь да в ней намёк, добрым молодцам урок...

Конец

3. Сказка о странном путнике Августине и его противоречивом поведении

1

Когда-то давно во времена вальяжных синьоров и благородных мушкетёров существовало на просторах юго-западной Европы некое королевство, о котором теперь уже и говорить-то забыли, а не то, чтоб помнить его заслуги. Однако в старинных исторических хрониках до сих пор сохранились сведения о нём, и потому учёные мужи постоянно извлекают из них всё новые и новые для себя данные, в которых много мудрости и даже прозорливости, о коих стоит немедленно рассказать.

И сразу надо отметить, что королевство то, было настолько мало, что иные исследователи прошлого сравнивают его с заурядным маркизатом, или же, к примеру, скромным княжеством. Но они неправы, ведь в том королевстве правил настоящий король, а не какой-нибудь там маркиз или князь. Притом король тот, был весьма образован, и имел громкое имя – Гарольд, что означает «великолепный». В своё время в его учителях ходили бакалавры разных наук и магистры точных знаний. Но вот незадача, оказывается, быть образованным, и быть умным, это не одно и то же, даже наоборот,

большая разница.

Нет, ну конечно, можно выучить наизусть все законы мироздания, попросту зазубрить их, однако потом не знать, как их правильно применять на практике. А это-то как раз и говорит о недостатке ума. И не в обиду будь сказано, но среди многих правителей, притом как бывших, так и действующих, встречалось и встречается немало подобных людей. Образование-то они получили, а вот как его лучше применить, не поймут, ибо особо умом не блещут. Вот и король Гарольд был точно таким же правителем, а оттого в его королевстве творилось что-то непотребное, иначе говоря, хорошего было мало.

Простой народ жил не ахти как, перебивался с каши на воду, а с воды на воздух. В общем, бедно жили трудовые люди. Зато приближённые короля, вельможи, блистали богатством и роскошью. А уж питались они не кашей с водой, а рябчиками, олениной, дорогой лососиной, да заморскими вкусностями. Ну и, разумеется, поглощали горы деликатесов, которые соответственно производили простые люди, такие как кулины, пекари, повара, кондитеры. Да и одевались вельможи тоже во всё производимое простыми ремесленниками: швеями, ткачами, портными. Но вот только плату за всё это трудовые люди получали мизерную, скупались богачи, и призирали простых ремесленников.

– Будьте довольны, что хоть это-то вам платим, ... а то ведь не посмотрим, что вы нас кормите да одеваете, возьмём

и вообще в цепи закуём!... Будете в кандалах работать!... ха-ха-ха... – не раз издевательски покрикивали да посмеивались над трудовым народом богачи, при этом ещё и грозили кулаками. И ведь угрозы эти были не пустыми знаками. Случалось хозяева, и поколачивали своих работников. А иногда бывало, и нанимали королевских стражников, чтоб те умирjali слишком недовольных. У богачей деньги водились, и немалые, так что им ничего не стоило заплатить громиле-стражнику. Дал ему звонкую монету, а уж он любого ремесленника поколотит.

Выходило, даже и кузнецу доставалось. Пристыдит он какого-нибудь богатея-выскачку за его бахвальство да чрезмерное желание, ну богач сразу к королю жаловаться бежит, стражников просит. А король, конечно, даст ему за особую плату громил, чтоб кузнеца усмирить. Придут они в кузню, перевернут там всё; горн водой зальют, пламя потушат, молот с наковальней в реку забросят, и обратно возвращаются к королю с докладом, мол, осекли бунтовщика. А бедолага кузнец потом мучается, наковальню с молотом из реки достаёт, в кузне порядок наводит. Ну а богатея-выскачка и рад, насолил обидчику.

– Ха-ха!... Вот будешь знать кузнечишка, как со мной спорить,... в другой раз, всё сделаешь, по-моему!... Коли скажу мне меч за грош ковать, значит, и будешь ковать,... и никаких пререканий!... Попробуй только отказать!... Впредь стыдить меня за скупость станешь, накажу!... ха-ха-ха,...

а если всё же осмелишься, так вообще твою кузню снесу!... ха-ха-ха!... – кричит, надсмехается, вновь над кузнецом издевается. А всё лишь потому, что в цене не сошлись. Богачи-то всё хотят на дармовщинку, а кузнец не согласен. Теперь ему снова надо горн разжигать, меха отлаживать, да наковальню на место прилаживать.

И такое творилось повсеместно, много честных тружеников от эгоизма вельмож страдали. Вот и выходило, что никакой справедливости в королевстве не было и в помине, правы были только те, у кого деньги водились. А у кого имелись лишь рабочие руки да умение трудиться, вынуждены были в подчинение ходить. В нормальных-то королевствах король был для всех, словно отец родной, защитник и опора. Мудрый руководитель. Всегда всё правильно рассудит, разберётся, кто прав, кто виноват. Честного человека наградит, а виновного накажет. И неважно, богат тот человек, или беден, всё равно по заслугам получит. Но это в нормальных королевствах, а здесь всё так и продолжалось. Из года в год, одно и то же, никакой справедливости.

Нет, ну внешне конечно всё вроде прилично: и дома богатые есть, и замки имеются, и народ на вид одет неплохо, и в питании недостатка нет, и даже ярмарка на главной площади королевства устроена, но всё это есть лишь благодаря усердному труду простых ремесленников и крестьян. А богачи с аристократами только тем и занимаются, что покраше наряжаются, дворцы себе отделывают, да беспрестанно по-

глощают дорогие яства. Для них это просто рай на Земле, отчего ж им за чужой счёт-то не жить. Прямо вечный праздник, сплошное торжество. А потому они чуть ли не каждый день фейерверки да салюты затевали, одним словом шикавали.

2

И вот как-то однажды на этом празднике шика и роскоши появился совсем никому не известный человек. А вернее сказать, просто одним ясным утром в королевство с восточной стороны зашёл весьма скромно, но опрятно одетый путник. Не сказать, чтоб он вызвал у кого-нибудь особое любопытство, или хотя бы лёгкий интерес. Нет, не вызвал. Просто шёл себе по дороге, и шёл. Роста среднего, внешностью обычен, сложением привычен, даже походкой не выделялся, ни хромой, ни косой, но с небритой бородой. Заметно, что он бородкой недавно оброс, а потому и возраста он был предположительно не пожилого, однако и не юного, где-то среднего.

Одним словом, ничем непримечательный, средненький путник. И может быть ещё поэтому, он через кордон караульных, что на границе королевства стояли, тоже никем не примеченный прошёл. Как шёл, так и ушёл. Никто его не задержал, ни о чём не спросил, хотя на заставе только тем и занимаются, что путников опрашивают, в этом вся служба и заключается. Но тут караульные лишь как-то вяло на него взглянули, да дальше за свои дела принялись. А путник так

и проследовал, не зная препон.

Это-то и удивительно, сразу возникает вопрос, что же это за человек такой, который на взгляд абсолютно видимый, даже осязаемый, а мимо караула практически незамеченный прошагал? Впрочем, объяснение здесь может быть самое простое, скорей всего сей путник есть какой-нибудь чародей или же волшебник. На злобного колдуна он не похож, те обычно любят во всё чёрное наряжаться и страшно выглядеть, потому как у них нрав такой, колдовской, а будь иначе, так ходили бы они в обычных магах и людей не пугали.

Ну а этот путник, сразу видно, хоть и черноок и странен, но исключительно добрый. Кордон прошёл, и как ни в чём не бывало, тут же в небольшой крестьянский удел пошёл. Тот как раз за следующим поворотом по пути находился. Там и было-то всего пару небогатых домов, хлев с лошадьё, пахотное поле, мелкая живность во дворе, да коровка на лугу, и всё это на виду. Вот путник сходу к хозяевам и направился. А они между тем на подворье хлопочут; хозяйка кур с утками кормит, поросёнку воды даёт, а сам хозяин недалече стоит и жерди перебирает, к забору их примеряет, решил ограду починить. Тут путник к нему и поспешил.

– Будьте здоровы хозяева, ... иду я к вам издалека, ... из-за гор высоких, из-за лесов широких, из-за рек глубоких, ... и есть у меня цель, помочь вам в вашем трудном деле! ... Я для вас всё, что пожелаете, сделаю, ... я всё сумею, вы только скажите что, а уж я расстарюсь... – сходу говорит он

и улыбается, да так приветливо, что и крестьянин ему в ответ улыбнулся.

– Ну, будь здоров, добрый человек,... это как же получается,... ты нас не знаешь, чем мы живём, не ведаешь, а уже и помощь свою предлагаешь!?!... Что-то это как-то удивительно,... ты бы хоть для начала сказал, как тебя зовут?... – слегка изумлённо, переспросил он.

– Ах, да,... я так обрадовался нашей встрече, что и представиться забыл,... а зовут меня Августин!... И нет ничего удивительного в том, что я к вам обратился, ведь я же вижу, люди вы трудовые, все в работе,... а таким всегда хоть в чём-то да помощь нужна!... Ну а коли я вам помогу, то и вы мне не откажите,... миску каши поднесёте, или корку хлеба подадите,... тут расчёт простой, за добро добром оплатите,... ведь так всегда было, ничего особенного,... вот и всё... – как бы оправдываясь, но совершенно верно, ответил путник.

– Ха,... и то правда, это же так просто,... и как я сразу не догадался!... Ты шёл издалека, и естественно проголодался,... а мы крестьяне народ отзывчивый,... нам лишь чуток помощи, и мы, конечно, накормим,... всё логично... – мигом поддержал его крестьянин.

– Да-да,... точно, всё так и есть,... я на то и рассчитывал!... Хотя я по дороге и караул солдат встретил, но у них ничего не попросил,... там мне делать было нечего, голода у них не утолить, ведь у них работы нет,... а сидеть да на дорогу смотреть, это не работа,... так я мимо и прошёл!...

А вот ваш домик с хозяйством я ещё с горы приметил,... тогда и решил, помогу вам, и вы меня покормите,... ну как?... я правильно решил?... – весело откликнулся Августин.

– Ну, конечно, правильно!... А я как раз надумал ограду починить,... вот накануне жердей наготовил,... теперь их надо все по окружности привязать, забор усилить!... А то поговаривают, в округе лоси расшалились, из леса приходят на поля, травку пощипать,... словно наши коровы,... ха-ха-ха,... так ведь и сена нас лишат, ишь разбойники,... ха-ха... – вновь усмехнулся хозяин.

– Ну, вот и хорошо,... я вам тут и сгожусь,... вмиг ограду починю, жердей накручу!... – тут же отозвался Августин, и ни слова более не говоря, за работу принялся. Схватил первую попавшуюся жердь и сходу давай её к ограде прикручивать, да так ловко, что можно подумать он этим всю жизнь занимался. Первую прикрепил и сразу за вторую принялся. Так у него дело и пошло. Работящий мужичок оказался. А крестьянину ничего не оставалось, как только смотреть на лихую работу новоявленного помощника.

И часа не прошло, а Августин уже чуть ли не все жерди приладил. С виду на него посмотришь, вроде и в плечах неширок, и ростом не богатырь, а силушки-то у него немерено. Он эти жерди, словно соломинки таскает. Раз-раз и уже приделал орясину. Прямо до обеда и управился, всю ограду укрепил, уплотнил. Хозяин лишь руками развёл от удивления.

– Ну, надо же!... всю работу за меня сделал!... Да как быстро управился-то,... я-то полагал, что только до вечера половину сделаю, а он хлоп, и до обеда всё успел!... Ай да молодец!... Ай да работник!... Ну, такого не грех и вкусным обедом накормить,... что там каша да вода,... давай-ка супа и жаркого отведай... – нахвалил он Августина, да за собой в дом повёл. А там уже хозяйка на стол накрыла, крестьянской едой гостя порадовать. Сели они за стол, едят, обо всём беседу ведут, и вдруг хозяин как-то невзначай на лицо Августина взгляд бросил, да тут же чуть и не поперхнулся.

– Что такое!?!... что это с тобой случилось!?!... Как так-то?... Ты ведь был мужик мужиком, а поработал и вроде как даже помолодел!... Теперь вон совсем, будто юноша сделался, лицо гладкое, без морщин,... да и борода твоя реже стала, пушком пошла, словно у мальчугана малого,... да возможно ли такое!?!... – удивлённо зататорил он. И ведь не зря удивился, было почему. Августин действительно пока работал, изменился. Сильно помолодел, весь подтянулся, построинел, похорошел.

– Ох, хозяин,... да ты не удивляйся,... это же у меня такая особенность организма,... я от хорошей работы и доброго отношения к себе, всегда на вид моложе становлюсь,... у меня от этого душа поёт и сердце радуется!... Но что ещё интересно, так это то, что вам от моей радости такая же радость будет!... Уж так постоянно выходит,... те, кто ко мне с добротой относится, её же в ответ и получают!... Вот вы,

сделали мне хорошо, значит и к вам удача придёт, ... и это уж обязательно будет! ... – тут же посулил Августин.

– О, это было бы хорошо, нам удачу увидеть, ... уж она бы нам пригодилась! ... А то последнее время всё что-то не везёт: то волки на нашу коровушку позарились, насилу отбились от них, ... то лошадка захромала, еле подковали, ... то лосями запугали, мол, придут потраву сделают! ... А тут ещё в придачу король Гарольд новый налог выдумал, ... ввёл закон, с нас, с бедноты, с небогатых крестьян да ремесленников, за нищету подать взимать, ... дескать, мы работать не хотим, ленимся, оттого и бедные! ... Вот он и надумал, подстегнуть нас, таким образом, ещё больше работать! ... Зато своим дружкам аристократам-вельможам, графьям да маркизам с баронами, позволил бесплатно и безнаказанно у нас хлеб забирать! ... Совсем трудно нам стало, ... так что удача нам не помешала бы ... – вдруг посетовал хозяин, но что Августин немало возмутился и даже опять в лице переменялся, сразу стал года на три старше, расстроился.

– Да как же это так-то, ... с вас последние три шкуры дерёт, а богатеям вольную даёт! ... Нет, это несправедливый король! ... Я, конечно, слышал, что в вашем королевстве не всё так хорошо, ... собственно, поэтому к вам и пришёл, но чтобы до такой степени худо было, не ожидал! ... Другие-то короли стараются, чтоб в их владениях все достойно жили; и ремесленники, и аристократы, и крестьяне, и дельцы, и вельможи, и простаки! ... Чтоб все имели приличные

доходы, чтоб никого не забижали, не обделяли, чтоб всем всего хватало,... а здесь у вас такое творится, что хочется громом разразиться!... – нахмурившись, сердито отозвался Августин.

– Вот-вот, правильно ты говоришь,... справедливый-то король для всех старается, а не только для своего двора, ведь на то он и король!... А у нас всё не так!... Ты вот пойдись, пройди по нашему королевству, да сам посмотри, что к чему,... работаем, стараемся, а толку мало, богачи с нас всё для своих нужд снимают, забирают... – горестно покачал головой крестьянин, предложив Августину самому во всём убедиться.

И в этом он был прав, Августину действительно стоило проявить любознательность и самому вникнуть во внутренние дела королевства, узнать, так сказать, закулисную правду, ведь внешне-то всё выглядело вроде благопристойно. И Августин медлить не стал, тут же попрощался с хозяевами, откланялся, поблагодарил их за гостеприимство и дальше отправился.

3

Дорога Августину показалась лёгкой и даже приятной, ведь он сытно перекусил, набрался сил, и к тому же ещё помолодел на десяток лет, хотя и расстроился, узнав, насколько всё несправедливо и печально в здешнем королевстве. Шёл бодро, шагал широко, а оттого уже к вечеру добрался до столицы. Впрочем, чему тут удивляться, ведь королев-

ство-то небольшое, почти по-домашнему крохотное, практически все жители знают друг друга. Так что, войдя в город, Августин сразу направился на главную площадь, где как раз центральная ярмарка находилась. Правда, народ уже расходиться начал, ведь как-никак близился вечер.

Однако Августин особо не торопился, и успел перекинуться парой фраз с местными торговцами. Те ему быстро пояснили, где у них тут и постоянный двор расположен, и богатые дома знатных горожан высятся, и особняки вельмож находятся. Также не забыли указать и на королевский дворец. И конечно показали, в какой стороне бедняцкое предместье ютится. В общем, Августин успел многое разузнать. А только он всё узнал, как сразу стемнело, и все мигом по домам разошлись.

Но Августин и тут опять спокойным не остался, отдохнуть с дороги не собрался, а пошёл по городу гулять, не спится ему. Почти за час весь город обошёл. А чего там особо ходить-то, всё, что ему надо было, он увидел, рассмотрел, разобрался, где кто живёт, и теперь уже стал целенаправленно в двери домов стучаться. Первому постучал пекарю. Стучал недолго. Пекарь почти сразу открыл.

– Ну, чего ломишься!?!... ночь уже на дворе, а ты долбишься!... Говори скорей, что хотел? а то у нас времени нет болтать,... нам тесто на завтра замешивать надо,... утром булочки да хлеб печь!... – коротко и даже недовольно отозвался пекарь.

– А я как раз к вам затем и стучусь, чтоб помочь тесто мешать, ... меня к вам добрые люди отправили, ... сказали, вам в эту пору постоянно помощь нужна! ... Тем более у меня есть старинный рецепт секретного замеса теста, ... после него и булочки, и калачи всегда получаются удивительно вкусные и питательные, ... их у вас вмиг разберут, да и ещё закажут! ... Они вам удачу и достаток принесут, ... уж вы мне поверьте, моё слово вещее ... – улыбаясь, словно он давний друг, заверил Августин пекаря. И тут опять случилось нечто удивительное, пекарь тоже улыбнулся в ответ, притом больше ни о чём спрашивать не стал, и сразу в дом пригласил.

– О, это хорошо, ... правильно тебе добрые люди сказали, что мне в эту пору помощь нужна! ... Да ты ещё и с новым рецептом, ... ну, заходи-заходи ... – приветливо позвал он Августина. И это действительно удивительно, ведь другой бы взялся спрашивать, что там за люди такие его послали, да и что за рецепт такой, а тут нет. Пекарь только в лучистые глаза Августина взглянул, и тут же ему во всём доверие оказал. Вот такое действие на людей Августин производил, верили они ему. А он оправдывал их доверие. И пяти минут не прошло, как Августин уже весь секретный рецепт пекарю рассказал, и даже тесто замешал. Притом как-то по своему, по-особенному, пекарь лишь подивился его сноровке.

– Это ж надо, как ты ловко всё так сделал, ... я, сколько лет этим занимаюсь, а такого не видел! ... С детства булочки пеку, а этакой заправки теста не знал, ... ох, и интересный же

у тебя рецепт!... Ну и молодец ты парень!... – похвалил он Августина, который в этот момент действительно выглядел, словно юный паренёк, будто лет семнадцать ему. Это на него так доброе дело подействовало, от своей помощи пекарю он ещё больше омолодился. Однако надолго у пекаря он не задержался; выполнил работу, тесто замесил, секрет рассказал, откланялся и дальше пошагал. А пекарь довольный остался утра дожидаться, булочки печь.

4

Следующий дом Августин выбрал уже богатый; не крестьянский, не ремесленничай, а аристократический, казначейский. В этом доме, а уместней будет назвать его усадьбой, жил виконт Дисконт, родня короля Гарольда, и по совместительству главный финансист королевства. Иначе говоря, король доверил ему свою казну, ведь виконт был достаточно образован в денежных делах, к тому же обладал хитрой натурой и буйным темпераментом. С младенчества его знали как жадного и склочного пройдоху. Он даже у местных ребятшек отбирал любимые игрушки, а потом им же их и продавал. В общем, алчный был человек, притом надменен, излишне напыщен и груб.

Разумеется, Августин всё это про него уже выяснил, и ясно понимал с каким отрицательным и злобным субъектом ему предстоит столкнуться, недаром же прежде он зашёл к простому доброму пекарю, дабы поработать у него и омолодиться. Теперь он выглядел поразительно юно, свежо, под-

тянуто и даже вызывающе изыскано, можно было смело принять его за аристократического красавца. Единственно, что выдавало в нём простолоудина, так это его одежда, хотя и в ней он смотрелся весьма элегантно. Итак, невзирая на свой слегка провинциальный вид, Августин постучался в покои виконта. Ответ последовал не сразу, пришлось усилить стук, и лишь с третьей попытки за дверью раздалось.

– Ну, кто там!?!... – прозвучал вопрос, заданный явно заспаным слугой. На что Августин тут же ответил.

– Немедленно сообщите хозяину, что прибыл его дальний родственник, богатый маркиз, из соседней державы!... и требует срочной аудиенции!... – громко объявил он, при этом тембр его голоса был настолько величествен и зычен, что его можно было принять за королевский приказ. Естественно слуга моментально умчался с докладом к виконту, а уже через пять минут, несмотря на поздний час, дверь отворилась, и на пороге объявился сам виконт, собственной персоной, одетый во всё парадное.

– Ах, ну где же мой дальний родственник, маркиз!?!... где же он!?!... – сходу слащаво воскликнул виконт, чуть удивлённо взирая на Августина.

– Как это где!?!... да вот же я!... Я ваш родной племянник по линии вдовой тётушки маркизы, двоюродной сестры кузена брата французского короля!... Вы сударь просто никогда меня не видели,... я прежде был слишком молод для посещения других стран,... но вот вырос, проявил ин-

терес и отправился в вояж,... притом решил начать как раз с вас!... Но, к сожалению, попал впросак!... По дороге меня в вашем королевстве ограбили разбойники, даже одежду сняли, остался вот, в одних портках,... хорошо ещё сохранили жизнь,... я еле добрался до вас,... сейчас ночь, и мне некуда деваться!... Однако завтра же утром я с гонцом отправлю депешу домой, чтоб мне незамедлительно выслали полк охраны, ну и достаточно денег для продолжения вояжа!... Иначе получается какой-то скандал, ведь меня ограбили не где-нибудь, а именно у вас,... а это недопустимо,... стыд и позор вашему королю... – заняв вполне правдоподобную аристократическую позу, весьма выразительно пожаловался Августин.

Отчего виконт, конечно, был сбит с толку; ну, во-первых, потому, что у каждого аристократа всегда где-то да есть какие-нибудь дальние родственники. Разумеется, были они и у виконта, но он их мало знал, оттого так и стушевался. А во-вторых, если сейчас перед ним его богатый родственник из соседней державы, а его ограбили здесь, в гостях, то это действительно большой скандал, и быть может даже политический предлог к войне. А виконт никак не хотел войны с могущественным соседом, потому мигом сменил тон и залезбил.

– Ну-ну, дорогой мой кузен,... зачем же сразу полк с солдатами вызывать,... уж лучше мы вам предоставим охрану!... Давайте обойдёмся по-родственному без скандала,...

оставайтеcь пока у меня, я как раз собирался устроить поздний ужин!... Уж простите, гостей не ждал, но вам весьма рад!... Проходите, прошу, а уж из одежды мы вам сейчас что-нибудь приличное найдём... – примирительно затараторил он, увлекая Августина за собой вовнутрь. Ну а Августин и не отказался, он собственно на это и рассчитывал. У него по плану так и выходило попасть к виконту-казначее, чтоб выведать всё о финансовых затеях короля. И это у него успешно получилось.

Буквально спустя пять минут Августин уже сидел в удобном кресле за столом в гостиной, где чуть в уголке уютно горел камин, а на вертеле запекался сочный фазан. Виконт и вправду собирался устроить себе поздний ужин, притом в полном одиночестве, ведь не надо забывать, он был с детства жаден, и ни с кем делиться не любил. На столе уже стояли изысканные напитки и наивкуснейшие закуски. И если бы не внезапный визит Августина, то виконт так бы и отужинал в тихом одиночестве, наслаждаясь деликатесными яствами. И лишь боязнь международного скандала вынудила его пустить в дом незнакомца, утверждающего, что он влиятельный родственник из-за рубежа.

И вот теперь виконт разделял свой ужин с Августином. Фазан оказался практически готов, запечён на славу, и был тут же подан на стол под Токайский десертный напиток. А как только первые кусочки яства были поглощены, у довольных едоков тут же началась лёгкая, непринуждённая

беседа. От Токайского десерта сразу развязались языки, и прежняя скованность мигом исчезла.

– Ах, мой драгоценный кузен, мне так приятно принимать вас у себя,... но всё же, как так вышло, что вы оказались в руках разбойников?... я вам так сочувствую!... Наверное, много денег потеряли?... – ненавязчиво спросил виконт, запивая свой вопрос креплёным виноградным соком.

– О, это было так неожиданно, что я сначала и сам не понял, что случилось,... думал шутка!... Хотя отправляясь к вам, я был предупрежден, что в вашем королевстве народ бедствует и способен на грабежи!... Меня уверяли, что ехать следует с охраной, но я слишком самонадеян, к тому же храбр и отважен, вот и поехал один!... Решил сделать вам приятный сюрприз,... взял с собой два ранца золотых монет,... хотел вложить их в ваше финансовое предприятие,... мне говорили, вы гений в этом деле, и запросто могли бы приумножить мои капиталы!... не так ли!?... – быстро отозвался Августин, а у виконта после слов о золоте аж слюнки потекли.

– О да, мой дорогой кузен,... мои финансовые предприятия безотказно дают прибыль!... а всё потому, что я действительно гениален, а все остальные в нашем королевстве просто посредственности!... Особенно этот ремесленный люд и крестьяне оборванцы,... все эти булочники, пахари, кузнецы, гончары, ткачи,... непроходимые глупцы и лентяи!... Да они элементарно не хотят работать, оттого и такие бедные!...

Мы с королём даже специально придумали новый налог,... и всё лишь для того, чтоб заставить их исправно трудиться, а не лодырничать!... Уж так вышло, что нашему государю достался дрянной народ,... ну, не желают эти людишки работать!... Ах, негодяи, трутни и тупицы,... не то, что Вы, ... сразу видно вы проницательный и деловой молодой человек,... отчаянный смельчак, и возите золото ранцами!... даже не кошельками!... Ах, если бы не эти паршивые разбойники,... но вы не беспокойтесь, кузен, мы их непременно поймаем,... это ерунда!... А вот народ у нас нерадивый,... сплошь и рядом бездельники... – смакуя вишнёвый ликер, ругал, на чём свет стоит, трудовых людей виконт.

Сладкие напитки настолько разгорячили его воображение, что он уже не стеснялся в бранных эпитетах, клял ремесленников и крестьян самыми последними словами. После чего вновь взялся восхвалять свой финансовый гений. Гордясь, рассказывал все тонкости подложных авантюр с золотом и серебром. Взялся поучать Августина, как якобы правильно следует повелевать «черню» и прочими «плебеями», естественно это он так называл рабочий народ.

А Августин всё слушал и слушал виконта, постепенно вникая во всю суть его мошеннических схем. Но виконта было никак не остановить, он слишком разоткровенничался, а всё потому, что у Августина весьма успешно получалось делать свою внешность располагающей и внушающей доверие. Именно оттого виконт и не умолкал. И чем больше он

распространялся о своих финансовых проделках, тем сложнее Августину приходилось сдерживать поток своего негодования, который нарастал внутри его, словно буря.

Но вот терпение Августина достигло критической точки и его просто-таки прорвало. Он уже не мог сдерживаться, в один момент его лицо похмурило, брови скривились, глаза ввалились в череп, кожа резко покрылась морщинами, нос сгорбился, а подбородок и скулы вмиг покрылись жёсткой, седой щетиной. Августин практически мгновенно превратился в глубокого старика. Виконт, увидев такую картину, тут же осёкся, выпучил глаза и замолчал с открытым ртом. Зато теперь заговорил Августин.

– Я вас внимательно выслушал, сударь,... и пришёл к единственно правильному выводу,... в вашем государстве есть лишь один разбойник,... и это Вы, с вашими воровскими схемами отъёма денег у населения!... Впрочем, не только вы можете так ловко лгать и хитрить,... я тоже блистательный манипулятор!... И кстати, никакой я вам не родственник, и не друг, а невыносимо мстительный чародей!... Я обожаю наказывать подобных вам мерзавцев!... Надеюсь, вы воочию убедились, как мгновенно я умею менять человеческий образ,... как из цветущего юного отрока, моментально превращаюсь в предсмертную мумию старца!... Я и из вас могу сделать такого же старика в мановение ока!... Хотя пока дам вам шанс исправиться,... но с одним условием; немедленно прекратите все ваши хищнические налоговые экспе-

рименты,... к тому же, раскрепостите народ, дайте людям свободно вздохнуть,... поделитесь с ними деньгами,... позвольте правильно ими распоряжаться!... Не храните капитал мёртвым грузом в сундуках,... пусть деньги начнут работать, приносить пользу,... и не только вам, но и простым людям!... И тогда ваше королевство расцветёт,... а иначе я за секунду превращу вас в смертельно больного старика!... Притом я сделаю это независимо оттого, где буду находиться,... неважно, буду ли я стоять рядом с вами, или далеко, вы, не выполнив мою просьбу, моментально потеряете молодость,... вам это ясно?... – закончив свою гневную тираду, сухо спросил Августин.

– Да-да-да,... всё ясно,... не надо делать из меня старика,... я выполню все ваши пожелания... – напугавшись и вмиг потеряв всякое самообладание, смиренно пробормотал виконт, упав на колени.

– Вот то-то же!... – наставительно произнёс Августин, резко поднялся с места и тут же покинул дворец виконта. Здесь ему было больше нечего делать, его план сработал, он разоблачил алчного виконта и заставил его поменять все ранее намеченные финансовые аферы. Отныне никаких варварских налогов, и никаких притеснений ремесленных людей. Теперь Августину следовало позаботиться и о себе.

5

За то время что Августин провёл у виконта, он потерял много сил. Ну, во-первых, потому, что как мог, сдерживал

себя, чтоб моментально не постареть от расстройства, выслушивая виконта о его коварных и бесчестных финансовых затеях. Это далось Августину весьма нелегко. А во-вторых, ведь ему самому пришлось лгать, чтоб заполучить доверие виконта. И эта собственная ложь тоже очень отразилась на состоянии Августина. У него возникло такое ощущение, словно ему выморозили душу. Нехорошее, леденящее ощущение внутри.

Сейчас Августину надо было срочно согреться, чтоб вновь приобрести молодой вид, избавиться от сморщенного, замёрзшего тела старца. Ну а где ещё можно отогреть душу, как не в чертогах кузнеца. Уж в его владениях всегда горит в горне огонь и жаром напоен воздух. Труд кузнеца не знает усталости и долгих перерывов. Эти труженики работают и днём, и ночью. Без их труда всё вокруг просто остановилось бы. Ни карета без них не пойдёт, ни лошадь не поскачет, ни пахотный плуг борону не возьмёт. И даже, казалось бы, такой незамысловатый труд кашевара, тоже не увенчается успехом, потому как без котла или казана, сделанного кузнецом, никакой каши не сварить. Так что без кузнеца и жизнь не хороша.

Вот и направился Августин в кузню, где местный мастер ночью подковы ковал, чтоб с утра ими лошадь подковать, да крестьянам для земельных нужд передать. Кузню Августин нашёл быстро. Он уже заранее приглядел, где она находится, ведь как чувствовал, что после визита к виконту-прой-

дохе придётся погреться. Зашёл тихо, чтоб кузнеца с ритма не сбить. Не помешать ему пока он подковы гнёт, да форму им придаёт. Но кузнец удалец, глазастым оказался, сразу Августина приметил, и, отложив подкову, поздоровавшись, спросил.

– Доброй ночи, дедушка,... какими судьбами здесь?... что привело тебя ко мне в столь поздний час?... – видя естественно перед собой старца, вежливо обратился он к нему.

– Доброй-доброй,... это ты верно подметил, час ныне поздний, но добрый,... самое время людям помогать!... Вот я к тебе и пришёл, чтоб помощь тебе оказать,... гляжу, заработался ты один-то,... ночью нет тут у тебя никого,... вот я тебе и подсоблю... – лукаво по-старчески улыбаясь, предложил Августин, отчего кузнец искренне изумился.

– Ты мне да помочь!?!... ха-ха,... как так!?!... Да ты что, дедушка,... вон, еле на ногах стоишь, совсем плох,... чуть держишься,... да чем же ты мне поможешь-то!?!... – округлив глаза, воскликнул он.

– Да как же чем,... вон, в щипцах и подкову подержу, и горн раздую,... а надо, так и молоточком постучать смогу!... Но только ты не подумай, что это я тебе одолжение делаю,... нет, наоборот, это ты мне честь окажешь, коли дозволишь у огня погреться, да потрудиться дашь!... А я уж не подведу, свои былые навыки вспомню, ведь с кузнечным делом я знаком не понаслышке,... не раз доводилось обо-да да подковы ковать,... доверься мне, позволь в труде обо-

греться... – вновь запросил Августин.

– Ну, коли так,... уж раз это тебе нужно, то я не откажу,... пожалуйста, грейся, трудись!... Вот клещи лежат, бери их, зажимай подкову, да на наковальню её подавай,... вспомни навык,... а уж я её обработаю!... – задорно усмехнувшись, согласился кузнец.

– Вот это хорошо,... не пожалеешь, что позволил мне поработать!... Но вот только я сначала горн разгоню, да подкову докрасна накалю, чтоб тебе было легче ковать!... – мигом оживился Августин, подбежал к горну, раздул меха, взялся за щипцы, раскалил подкову и подал её на наковальню. Да всё так деловито, так умело проделал, что кузнец аж ахнул.

– Ах, как ты, дедуля, ловко управился-то!... Ну и мастак!... Чую сработаемся мы с тобой!... – воскликнул он, и сходу молотом по раскалённой подкове ударил. А Августин и не дрогнул, крепко подкову держал, и сразу её уже другим боком поворачивает. Поставил ребром, а кузнец вновь, как вдарит по ней. И пошла у них тутковка. Августин подаёт, а кузнец знай себе, молотом бьёт. Закипела работа. И пяти минут не прошло, как Августин меняться стал. Согрелся, тепла набрался, душой оттаял, и кожа у него разглаживаться начала. Седина с бороды и усов сошла, а вскоре и они сами тоже куда-то подевались. Расправился Августин, встряхнулся и уже юношей предстал перед кузнецом.

– Это ещё что за чудеса!?... а куда же старик-то подевался!?... как так-то!?... что-то я не пойму... – удивлённо зале-

петал кузнец, разглядывая Августина.

– Да я это,... я!... Просто есть у меня такая особенность,... без работы я сразу чахну и быстро старюсь, болеть начинаю, мёрзну,... а как за труд вновь берусь, так снова расцветая, опять молодцем становлюсь!... Уж так у меня организм устроен,... так что ты кузнец сильно-то не удивляйся,... и прости меня, что сразу не предупредил... – учтиво поклонившись, быстро всё прояснил Августин.

– А-а-а,... ну это всё объясняет, ведь я тоже такой,... без работы не могу, тоже сразу всё болеть начинает, руки, ноги,... спину ломит,... тоже мёрзну, чахлым становлюсь,... только уж не так сильно, как ты,... совсем-то стариком не делаюсь, и седой щетиной не обрастаю!... Но зато, как работать начинаю, так опять к жизни возвращаюсь,... и душа поет, и сердце радуется,... не могу я без неё, без работы-то своей,... в ней моя жизнь!... Вот и выходит, что мы с тобой одной породы люди... – тут же сделал вывод кузнец, на что Августин резонно заметил.

– Выходит так,... а значит, нет у нас времени на разговоры отвлекаться,... давай-ка работу закончим,... вон, сколько подков к утру сделать надо,... заготовок полна корзина... – разгорячено добавил он, и они с кузнецом вновь за работу взялись. А уж она им лучше любого лекарства. Им и еды никакой не надо, дай только у огня железо поковать. Настоящие богатыри, труженики. Уж так сработались, что залюбуешься на них глядячи. За последние, предрассветные часы

всю работу сделали.

И вот только теперь Августин полностью пришёл в себя, восстановил все потраченные у виконта силы, вновь похорошел, посветлел, набрался бодрости. Иные работники после такого труда испытывают усталость или по крайней мере утомление, тогда как Августин наоборот, отличался свежестью и тонусом, прямо парадокс какой-то, но кузнеца поблагодарить не забыл.

– Спасибо тебе за дозволение погреться да размяться,... теперь мне можно и к другому делу приступать,... есть тут у меня одна намётка,... сейчас как раз и пойду её выполнять!... Ну а с тобой, если судьба благосклонна будет, ещё свидимся,... будь здоров, и до свиданья... – вновь поклонившись, попрощался с кузнецом Августин, и по-братски обняв его, вышел на улицу. А там ещё и не рассвело, лишь чуть-чуть из-за гор брызнуло первым солнечным лучиком.

– Хм,... вот это самое время для следующей беседы... – хитро усмехнувшись, тихо прошептал Августин, и уверенно пошагал в сторону дома судьи.

6

Впрочем, то был даже не дом, а целый каменный замок, с красивым подъездом, красочными витражами в окнах, и сторожевыми башенками по углам стен. А, между прочим, все эти башенки, витражи и прочие украшения, слишком дорогое удовольствие, на содержание которого требуются большие средства. Хотя возможно такие расходы и по кар-

ману королевскому судье. Но опять же, это доступно лишь, если жить не особо честно и праведно, ведь на жалование судьи такие изыски приобрести крайне затруднительно.

Однако для Августина сейчас всё это имело второстепенное значение, главной его задачей было попасть в дом судьи, а потому он опять пошёл на некоторые ухищрения. Подойдя к главному входу, он первым делом громко выкрикнул.

– По велению короля, немедленно откройте!... – и уже потом взялся стучать в дверь. Притом стучал так настойчиво и торопливо, что тут же примчался слуга и отворил дверь.

– Немедля позовите мне судью!... В королевстве измена!... Он срочно нужен для суда!... – вновь громко заявил Августин, и важно ступая, преспокойно прошёл вовнутрь в гостиную. Слуга, не проронив и слова, мигом умчался за судьёй. Но напрасно он так спешил, судья уже и сам нёсся навстречу нежданному визитёру. И это немудрено, ведь когда ты королевский судья с нечистой совестью, то, разумеется, спитесь тревожно. А потому с первым же криком Августина судья уже вскочил с постели, мигом накинул на себя мантию с париком и теперь опрометью мчался вниз по лестнице в гостиную.

– Что случилось!?... кто вы сударь!?... я слышал, вы прибыли по велению короля!... Какая такая измена!?... что за суд!?... поясните, прошу вас!?... – ещё ничего не понимая спросонья, налетел он на Августина с градом вопросов.

– О, да!... Я прибыл к вам по велению короля, ибо в зако-

не сказано, что всякий обнаруживший измену имеет право действовать от имени короля!... Так вот, я и обнаружил такую измену!... и мне требуется ваша помощь!... Мы должны немедленно устроить суд над изменниками!... вы согласны!?!... – вмиг прояснив причину своего внезапного визита, спросил Августин, и весьма убедительно посмотрел судье прямо в глаза. А, как известно, убеждать он умел, его взор обладал по-настоящему магической силой. И конечно судья согласился с ним.

– Да-да, непременно мы должны осудить изменников!... Но кто же они!?!... где находятся, и что они совершили!?!... – начиная осваиваться в ситуации, быстро переспросил судья.

– О, изменники уже здесь!... а вернее будет сказать, пока он один!... И я его вам, конечно, покажу, но сначала послушайте, что он совершил, ведь вы знаете все законы королевства лучше меня, и уж, несомненно, сами дадите оценку его действиям!... А теперь представьте, что некий важный вельможа получает в подарок ларцы с золотыми монетами,... но не за просто так, а за услуги, противоречащие законам королевства,... чем ставит под сомнение власть самого короля!... Так вот вы мне и ответьте, виновен ли такой вельможа в измене!?!... – несколько витиевато изложив суть дела, резко спросил Августин.

– Ну, разумеется, виновен, ведь он покусился на власть короля!... а это страшное преступление!... практически измена!... – мгновенно ответил судья, уже начиная понимать,

к чему клонит Августин, ведь у судьи у самого водился такой грешок, брать взятки ларцами с золотом. Меж тем Августин продолжил.

– Ага!... Так значит, вы признаете, что вред от незаконных подарков и подношений есть!... Но ведь и это ещё не всё, также стало известно, что данный вельможа своими действиями поспособствовал освобождению из-под стражи нескольких узников осуждённых за подготовку государственного переворота!... Это ли не грех, требующий смертной казни!?... – ещё более напористо вскричал Августин, после чего судья уже не выдержал и заголосил, его как провало.

– Но я тогда ничего не знал об их деятельности!... Я просто получил немного золота за освобождение простых крестьян, посеявших без спроса просо на королевских землях!... Они сделали это по ошибке, и я подумал, почему бы и не взять с них небольшой откуп,... а потом отпустил их, пусть себе идут... – протараторил он скороговоркой, чем окончательно признал себя виновным в мздоимстве.

– Э нет, не надо всё так упрощать,... во-первых, вы специально затягивали это дело, чтоб вынудить обвиняемых дать вам взятку,... а её, чтоб вы знали, собирали всем околотком!... Десятки крестьянских семей по крупницам откладывали золотые монетки, чтоб выкупить у вас своих родных!... Ну а во-вторых, если уж вы говорите, что вы такой хороший и честный, то почему не отпустили крестьян сразу, про-

сто так, по закону,... а держали их по надуманному обвинению в подготовке мятежа!... Вот и получается, что вы сударь, лжец и преступник,... притом виновны аж дважды!... Уверен, король вас не помилует!... – строго заключил Августин, пересказав судье один из случаев в его практике, про который узнал от крестьян сегодня утром, когда помогал им. Они пожаловались ему на деспотичного судью, вымогающего со всех мзду. И конечно это был не единичный случай.

И вот теперь Августин, словно народный прокурор, обвинял в проступках зарвавшегося королевского вельможу. Отчего тот не мог уже отвертеться, и впал в абсолютное унынье, ведь ко всему вышесказанному Августин выстроил дело так, что здесь были затронуты интересы короля, а это уже измена, и предателю грозила беспелляционная смертная казнь. Так что судья был безутешен и взмолился о милосердии.

– Ах, я несчастный,... горе мне грешному!... Ну что же мне теперь делать?... как быть?... ведь раз уж вам известно про этот случай, то наверняка вы знаете и про всё остальное!... Ах, я полностью изобличён,... я подавлен и разбит!... Вы правы, король не помилует меня!... Ах, что-то теперь со мной будет, помогите мне... – понимая крах всей своей карьеры, заканючил судья, на что Августин вновь пристыдил его.

– Эх вы, а ещё королевский судья,... да как же вам не совестно?... только о себе и беспокоитесь!... А почему бы вам не задуматься о судьбе обобранных вами крестьян?... ведь

они-то прозябают в нищете, тогда как вы живёте в роскоши и сытости!... и где тут справедливость?... А ведь вы-то как раз и должны её соблюдать,... при этом следовать букве закона, который её защищает!... А вы что делаете!?... нарушаете закон!... – сурово взглянув на судью, укорил его Августин.

– Так разве ж я против справедливости и закона,... я только за них, и готов вернуть все деньги крестьянам!... Даже больше того, я всю своё богатство обращу на приумножение благосостояние народа нашего королевства,... а сам стану жить, как аскет, лишь честью и совестью выполняя закон!... Вы сударь преподали мне достойный урок,... и я осознал, что жил до этого несправедливо,... понял, что всё тайное становится явным!... И я не желаю больше жить по-прежнему,... клянусь, отныне с прошлым покончено!... Я лучше погибну от королевского меча, чем вернусь к былому,... теперь только честное судейство и справедливые приговоры!... – вдруг вмиг переменившись, поклялся судья. И это был именно тот переломный момент, которого так добивался Августин. Убеждать он умел, так что и судья попал под его магические чары.

– Ну, вот это другое дело,... ваши прежние прегрешения я оставлю на вашей совести!... Но вот последующие ваши деяния и жизнь должны быть безупречны!... Иначе всего лишь одна ваша ошибка повлечёт за собой неминуемое фиаско!... Тогда вас уже ничто не спасёт от гнева короля,... ведь на-

сколько я понял, вы только его и боитесь,... не так ли?... – усмехнувшись, спросил Августин.

– О да, безусловно, наш король для меня непререкаемый авторитет!... И я ни в коем случае не хочу его разгневать!... Теперь я буду радеть о подданных короля, как о своих собственных детях,... ведь, в сущности, все мы принадлежим нашему королю,... он нам, как отец родной, а мы все его отроки!... Он обо всех нас заботится, и защищает от угроз!... Он наш светоч и спасение!... – мгновенно отозвался судья, не забыв при этом подобострастно отметить короля.

Что уж тут поделывать, низкопоклонничество и подобострастие, участь всех придворных вельмож. Уж они так устроены, и это не их вина, всё дело в том, как их воспитали, и теперь их никак не переделать. А Августин был доволен уже лишь тем, что заставил королевского судью задуматься о судьбах простых людей, истинных тружеников королевства. Впрочем, ему и этого показалось недостаточно. Отчего Августин сразу сделал для себя вывод.

– Так-так,... кстати, о самом короле,... пора бы мне и к нему заглянуть,... сейчас как раз удачное время,... наверняка Августин уже проснулся... – подумал он про себя, а вслух произнёс, – Итак, господин судья,... помните, вы дали клятву, а нарушение её карается смертью!... И более мне с вами не о чем говорить,... я покидаю вас!... Читайте законы!... – резко воскликнул он, миг переменялся в лице, сделавшись злобным старцем, отчего судья пришёл в ужас, а Ав-

густин, как ни в чём не бывало, вышел прочь из его замка. Судья ещё несколько часов прибывал в потрясении, он навеки запомнил этот неожиданный визит странного человека. Впоследствии он творил лишь добрые дела, не нарушая законов, соблюдая справедливость.

7

А меж тем Августин уже подходил к королевскому дворцу. Сейчас он был полон решимости, взяться за самого короля. И первое что он придумал, так это крепко напугать его. Тем более что дворец короля это вам не домишко какой-нибудь; не замок судьи или усадьба казначея, а это настоящая неприступная крепость, и проникнуть в неё можно лишь проявив особую изобретательность. Вот потому-то Августин и придумал напугать короля. А как же иначе, ведь чего больше всего боятся короли и прочие правители? Ну, разумеется, потерять власть, а её можно потерять лишь в результате заговора, или нападения врага, а проще говоря, войны.

И конечно Августин взял себе на вооружение эту простую истину, к тому же он прекрасно знал, что за ним вслед из его страны отправлен караул всадников, и сейчас решил использовать это обстоятельство в своей задумке. Но прежде всего Августин, улучшил себе настроение победой над судьёй, стряхнул с лица маску злобного старика и вновь приобрел вид юного молодца. Однако этот юный вид был с оттенком великой озабоченности и усталости, ведь ему снова предсто-

яло лгать и лукавить, пусть даже и во имя благой цели. И вот теперь, подойдя к воротам королевского дворца, Августин сразу заявил стоявшему на посту стражнику.

– Немедленно сообщите королю, что грядёт великая война!... А если король задержится с ответом хоть на секунду, то он её проиграет!... – скороговоркой протараторил он, отчего страж, словно ошпаренный, молнией умчался во дворец с докладом. А кто бы ни помчался, когда речь идёт о войне. Августин же спокойно проследовал вовнутрь, путь был открыт, ведь другие стражники даже не стали ему препятствовать, а покорно сопровождали его. Весть о войне моментально разнеслась по всем уголкам дворца. И, разумеется, первым о ней узнал сам король. Он буквально молнией слетел вниз из своих покоев в тронный зал на встречу к странному визитёру. Августин в окружении толпы стражников уже ждал его посреде зала.

– Приветствую вас, Ваше Величество, король Гарольд!... Я хоть и вижу вас в первый раз, но сразу определил, что король, это именно Вы,... и это невзирая на ваш неподобающий растрёпанный вид, который говорит о том, что вы только встали и никого не ждали!... Но полно спать, когда беда у ворот!... И это я чётко вижу;... сюда мчатся красные всадники в расшитых золотом одеждах!... А та весть, которую они вам несут, станет началом большой войны, коя поглотит и вас, и ваше королевство!... Однако есть спасение!... И оно будет, если вы согласитесь выслушать меня и подчи-

ниться судьбе!... Так согласны ли Вы?... – гордо подняв голову, и взирая на короля, как на равного, спросил его Августин.

– Но погодите спрашивать моего согласия, сударь!... Сначала расскажите мне, кто вы, и докажите, что эти красные всадники вообще существуют!... Иначе у нас разговор не получится!... – обученный горьким опытом королевского бытия, тут же переспросил король, ведь в его жизни уже случались эпизоды, когда он был излишне доверчив в некоторых делах. Правда, это были всё больше амурные дела, с женщинами. Придворные дамы нагло выманивали у короля деньги за особые услуги, хотя в ответ не давали ему равным счётом ничего: ни ожидаемой любви, ни почитания, о коих он так мечтал. Одним словом короля много обманывали. Вот и сейчас он опасался быть обманутым, а потому и потребовал доказательств, к чему Августин естественно был готов.

– Ну, во-первых, Ваше Величество, вы имеете дело с искусным провидцем и чародеем, а не с вашими придворными плутами,... я не лжец, в отличие от них!... А во-вторых, я тут же могу вам доказать, что вас повсюду обманывают,... например, взять хотя бы вашего родственника виконта,... ведь он пройдоха каких свет ещё не видел,... тратит казённые деньги не по назначению!... Да он по локоть запустил свои руки в королевскую казну, а вы ему верите, как самому себе!... Более того, вы верите другим своим вельможам,... а они вам всё врут,... увещевают вас, что ваше королевство

процветает, народ живёт счастливо и восхваляет своего короля!... Однако это, мягко говоря, не так!... Народ бедствует и проклинает вас!... Вельможи грабят его и нагло лгут вам, говоря, что люди ленивы, не хотят работать, а потому и бедны!... В результате чего вы выдумываете новые непомерные налоги!... При этом вас опять-таки уверяют, что это правильно, мол, налоги заставят народ больше трудиться!... Но это в корне неверно,... наоборот, это очень вредно, притом смертельно, ведь в целом ваше королевство нищает,... зато ваши вельможи процветают!... Они практически всё украли, и даже успели часть вывезти за рубеж,... так что в случае войны, они мигом сбегут, и вас будет легко завоевать!... А вас лично просто прихлопнут, как надоевшую муху,... притом сами же ваши приспешники и подхалимы!... Ну и, в-третьих, есть масса фактов доказывающих, что ваш королевский судья типичный взяточник и лжец, ловко обирающий честных крестьян и ремесленников!... Да вы и сами можете это легко проверить!... Так что делайте выводы, Ваше Величество,... верить мне, или им!?... – всё так же гордо вскинув голову, закончил свою тираду Августин, отчего король аж весь покраснел.

– Хм,... странно слышать такое от чародея, да ещё и не знакомого мне,... да это просто возмутительно!... Вы тут только что осквернили почтенных вельмож, коим я безгранично доверяю, хотя сами так ничем и не доказали мне, что вы настоящий чародей!... Лишь одни слова,... а они как

вода, льются без умолку, что в них проку, ... где истинные доказательства? ... где они? я вас спрашиваю! ... – еле сдерживаясь, чтоб не взорваться от злости, грубо возразил король.

– Ну, хорошо! ... я принимаю вызов, и явлю вам доказательства! ... Смотрите, как вы меня огорчаете! ... – нарочито вскричал Августин, и тут же из славного юноши преобразился в гневного старца, подобного античному Зевсу. Вид его был страшен, а взгляд ужасен, отчего король вмиг оторопел и покрылся пятнами. Он получил полные доказательства величия Августина, как чародея; превратится за мгновение из юноши в старца, не каждый может. Ну а сам Августин спокойно продолжил.

– А теперь велите своему самому быстрому стражнику подняться на самую высокую башню дворца и взглянуть оттуда на дорогу, ведущую в королевство с востока! ... На ней он увидит тех обещанных мною красных всадников! ... Они и есть ответ на все ваши вопросы! ... – добавил он, и король, напуганный его внезапным преображением, немедля повелел своему самому быстрому стражнику отправиться на дозорную башню дворца, тот мигом умчался.

А пока стражник бегал, Августин рассказал королю, что тому следует сделать дабы улучшить положение его подданных: предложил принять для этого несколько важных законов. На что король дал своё согласие, и даже записал себе в памятку все эти первостепенные нововведения. А едва он поставил точку, как с башни вернулся стражник с докладом.

– Всё так, Ваше Величество!... К королевскому дворцу направляется несколько всадников в красных одеяниях расшитых золотом!... Они просто огромны, и вот-вот будут у ворот!... – запыхавшись, доложил он, отчего король вновь всполошился.

– Но что же делать!?!... как быть!?!... ведь они несут мне войну,... как их принимать!?!... – чуть ли не в панике вскричал он, и ему на помощь сразу пришёл Августин.

– Спокойно, Ваше Величество,... не надо кричать,... доверьтесь мне,... я всё возьму на себя!... Велите пропустить их в тронный зал,... они получают то, что хотят и покинут вас навсегда!... Но клянитесь честью короля выполнить все те преобразования, что вы здесь только что наметили!... – сохраняя прежний гордый вид, строго потребовал Августин.

– Конечно, клянусь!... Клянусь, выполнить всё точно так, как обещал!... Чтоб избежать ослабления страны и войны, я готов на любые преобразования, даже если я сам пострадаю от этого!... – вмиг клятвенно заверил король, и в ту же секунду повелел пропустить к нему всадников. Не прошло и пары минут, как всадники уже вошли в тронный зал. При их появлении Августин и стражники скромно отступили в сторону, и было почему, ведь вошло пятеро высоченных, могучих богатырей в красных кафтанах расшитых золотом и драгоценными камнями.

Такой красивой и богатой одежды ни король, ни его стражники, ни даже вельможи, доселе не видали. Они по-

просту побоялись бы одеть на себе такое убранство, ведь их могли бы сразу ограбить. Зато красные всадники нисколько не боялись носить на себе такие дорогие ценности. Ни один отряд разбойников не рискнул бы напасть на столь могучих витязей, по сравнению с ними любой человек казался просто блохой. А один из витязей, вероятно, самый старший, сделал шаг вперёд и уверенно заявил.

– Мы специальный караул с дальних восточных земель, называемых у вас Русью или просто Тартарией!... В нашу обязанность входит соблюдение закона и поимка беглого блаженного человека по имени Илий, который также может называть себя Июнеем, Июлеем или Августинном, ибо мнит себя летними месяцами, несущими в Мир радость, порядок и справедливость!... Сей блаженный также может менять свой внешний облик в зависимости от настроения,... в одно мгновение легко преобразится из юного отрока в дремучего старца!... А ещё он весьма честен и мудр, а потому зачастую говорит прямо лишь одну правду, что очень не нравится окружающим!... Нам же надлежит остановить его и сопроводить обратно в нашу державу, откуда он собственно родом!... Он уже неоднократно покидал отведённые ему палаты и пускался в путешествия, дабы везде воцарилось всеобщее примирение и благоденствие!... Теперь же все его следы ведут к вам в королевство,... предлагаем добровольно и немедленно выдать его нам, иначе наше государство объявит вам афронт и начнёт войну!... – громоподобно

и без всяких прелюдий объявил всадник, при этом и глазом не моргнул, настолько он был грозен. Отчего король сразу мотнул головой в сторону Августина.

– Так вот же он, этот ваш блаженный Августин,... заблуждайтесь вы, нам он не к чему!... Вот только не пойму, а вам-то он зачем!?!... Да он лишь баламутит тут всех, навёл сумбуру,... хи-хи-хи,... придумал здесь всякого, наговорил всего, а сам-то простой блаженный!... От него лишь вред,... и правильно, что вы хотите изолировать его ото всех,... нам это только на пользу,... хи-хи-хи... – нервно похихикивая, протараторил король, внутренне радуясь, что Августина заберут от них. Однако старший всадник вмиг образумил его.

– Эх вы, король, ничего-то вы не понимаете,... изолируем мы его не для вашей пользы, а для его спокойствия,... ему без вас только хорошо будет!... Нельзя нашему блаженному среди вас находиться,... увы, но это вы с вашими чёрными делами вредны ему, а не он вам!... На самом деле он чистый, светлый человек,... и это мы сберегаем его от вас, а не вас от него!... Нам он дороже всех ваших королевств,... его советы ценны и всегда сбываются,... он настолько откровенен и правдив, что порой ради истины готов лгать, принося тем самым благо людям!... И за это мы готовы любому его врагу объявить войну,... вы не исключение!... Так что оставайтесь здесь со своими проблемами и непониманием, какой чести вы были удостоены его посещением, а он уходит с нами... – строго произнёс всадник, и уважительным жестом пригласил

Августина на выход.

– Ну что же, Ваше Величество, я выполнил своё обещание,... я ухожу и увожу с собой всадников способных объявить вам войну!... Теперь дело за вами,... выполняйте свою клятву!... Прощайте, и не поминайте лихом... – коротко кивнув, попрощался Августин и мигом вышел вон. Красные всадники тут же последовали за ним. А вскоре они уже все вместе скакали по дороге обратно в свою далёкую и чудесную страну. Августин сделал своё дело, он заставил всех измениться в этом королевстве, ведь это и было его целью. Он уже не раз бродил по белу свету и повсюду искал справедливость, а где не находил, пытался сам её установить.

Именно в этом, в установлении повсюду справедливости, Августин и видел своё предназначение, хотя жил он далеко, где его почитали святым блаженным и охраняли от всего прочего, порочного Мира. Однако он постоянно выбирался из своих покоев и вновь рвался бродить по свету, искать справедливость и правду, отчего вокруг него всё менялось в лучшую сторону. Вот и на этот раз Августин настолько встревожил здешнее титулованное общество, что король Гарольд сразу после его отъезда кинулся проверять сведения о грязном поведении своих некоторых придворных вельмож, а в частности, о виконте-казначее и судье-взяточнике.

К первому король отправился к своему родственнику виконту-казначее, он полагал встретить там разнузданного вора и казнокрада, однако увидел совершенно другого чело-

века. Виконт сильно изменился после визита Августина, он уже успел навести порядок во всех финансовых сферах, а все свои капиталы перенаправил на улучшение жизни простых обитателей королевства: крестьян и ремесленников. Иначе говоря, потратил деньги на развитие всего государства. Чем впрочем, сам король был не сильно удивлён.

– Ну вот, я же говорил, что придворные вельможи не воруют у меня, а пускают все средства на благосостояние моих подданных,... отчего королевство только процветает!... Ох, уж этот блаженный чародей,... чуть не свёл меня с ума своими подозрениями... – заключил Гарольд, убедившись, что его казна в порядке, а виконт исправно выполняет свои обязанности. Такой же порядок в делах король обнаружил и у судьи. Тот тоже успел немало измениться и все неправедно нажитые капиталы обратить на пользу честным жителям королевства. Король остался весьма доволен такой проверкой. И даже похвалил виконта с судьёй, отчего вскоре их примеру последовали и все остальные вельможи.

Они также в корне изменили свои воззрения, и стали намного больше заботиться о простых подданных, чем о самих себе. А поэтому опять-таки выиграло всё королевство в целом, оно очень изменилось, полностью преобразилось, расцвело, похорошело. А главное, народ стал жить, безусловно, лучше, чем прежде. Люди повеселели, расправили плечи, к ним пришла истинная радость от собственного труда, и в конечном итоге они обрели то самое состояние, которое

называется счастьем.

И всё это случилось благодаря одному человеку, доброму блаженному, который не мог и не хотел мириться с несправедливостью и ложью проворовавшихся вельмож. Эх, побольше бы на свете таких людей, как Августин, тогда и жизнь преобразилась бы. И пусть у них свои методы разоблачать и перевоспитывать зарвавшихся мошенников, зато эти методы действительно работают и, несомненно, приносят огромную пользу всему обществу. Хвала и слава таким людям, с чистой душой, добрым сердцем и светлыми помыслами...

Конец

4. Сказка о ворчливом ёжике Пыхе и его неожиданном знакомстве, повлекшем за собой добрые перемены

1

Практически всем известно насколько могут быть милыми, обаятельными и даже полезными такие, казалось бы, невзрачные, обычные лесные обитатели, как ёжики. Кто-то конечно скажет, да какие же они милые, когда у них вон какие острые колючки, того и гляди уколят. Ну, что правда, то правда, колючки у ёжиков действительно острые и опасные. Но не надо забывать, что они им необходимы для защиты от хищников, коих в лесу предостаточно. А без колючек весь ежинный род давно бы уже исчез.

Нападёт какая-нибудь лиса или волк, и чем тогда ёжику защищаться, как не иголками, другого-то у него ничего нет. К тому же очень удобно собирать на игольчатую спинку разные припасы; грибы там, ягоды, шишки. Хотя некоторые учёные биологи утверждают, что в природе ёжики так не делают, мол, это всё придумки сказочников. Но как бы там ни было, нам-то всё равно ближе образ ёжика мирно несущего на спинке припасы, чем вид злого буки колющего всех

подряд иголками. Так что, по-моему, милее и обаятельней ёжика может быть, пожалуй, только какой-нибудь пушистый бельчонок или зайчонок.

Лично у меня всегда вызывает умиление встреченный в лесу ёжик. Пробирается этакий чудесный клубок сквозь заросли травы или кустарника, а шума от него на весь окружающий лес. Пыхтит, шуршит, лапками сучит, носиком сопит, весь в делах, ну как тут не улыбнуться. Одним словом, от ёжиков только приятные впечатления и масса отличного настроения. Недаром же о них сложено огромное количество всяких интересных и умилительных историй. А совсем недавно, буквально на днях, стала известна ещё одна такая история. И я скорей спешу довести её до вашего сведения. Итак, начнём.

2

В одном прекрасном, благоуханном лесу, который рос недалеко от деревни садоводов и огородников, обитал скромный, серый ёжик по имени – Пых. И тут сразу нетрудно догадаться, почему его так прозвали, он постоянно пыхтел, сопел и вздыхал, хотя в этом нет ничего удивительного, ведь ему постоянно приходилось пробираться через густые заросли, коими была усеяна практически вся лесная округа.

– Ух, ... пых-пых, ... как же трудно жить в лесу, ... преодолеть эти дебри большая забота. А как было бы хорошо, если бы кто-нибудь проложил по лесу тропинки, ... или хотя бы дорожки протоптал, ... пых-пых-пых ... ох, не дожидаться мне

этого... – частенько ворчал ёжик Пых, и продолжал двигаться дальше. А надо заметить, что у него вообще был ворчливый характер, ёжикам это свойственно.

Пых постоянно был чем-то недоволен, то ему гриб не такой попался, то ягода несладкая, то жучок прямо из-под носа убежит, то червячок уползет, в норке скроется. И так по любому поводу недовольные вздохи, ахи да пыхи. Так он и жил пыхтя, словно оправдывая своё имя. Впрочем непонятно, отчего все эти недовольства, ведь Пых был относительно молод, ну в полном расцвете сил, уже много чего повидал, много чего знал, и вполне справлялся со всеми тягостями жизни в лесу. Но вот только ворчать он так и не переставал. Однако всё это до поры до времени.

Как-то однажды а было это утром в солнечный день Пых по своему обыкновению собрался позавтракать сочной земляникой. И как раз для этого отправился в соседнюю часть леса на солнечную поляну, там-то и росла земляника. А путь его лежал через небольшую низину, сплошь поросшую густым кустарником. Обычно Пых старался обходить стороной этот участок, уж больно густой кустарник тут рос. Но на этот раз ему так захотелось земляники, аппетит разыгрался не на шутку, что он ринулся напрямки. И тут произошло нечто странное. Пройдя сквозь кустарник почти полпути Пых вдруг учуял тонкий аромат давно знакомого ему фрукта.

– Ах, как вкусно пахнет,... я этот аромат с детства пом-

ню,... так прекрасно пахнут только яблоки,... уж их запах я ни с чем не спутаю!... Помню, как в детстве, когда я был совсем ещё маленький, мой папа приносил их домой с деревенского сада,... и мы все вместе, с мамой и братьями их ели!... Но время прошло, мы выросли, и покинули отчий дом,... а аромат яблок так и остался в памяти... – остановившись и сладостно принюхавшись, подумал Пых, вспоминая былое.

И ведь действительно в детстве его папа приносил яблоки из деревенского сада. Тогда это было возможно, но теперь нет. Садовник, охраняя результаты своего труда от набегов деревенских мальчишек и не только их, завёл себе сторожевую собаку. Ну и естественно доступ в сад был прекращён, притом как мальчишкам, так и лесным ёжикам тоже. А потому вкус и аромат деревенских яблок остался лишь в памяти Пыха. И тут надо же, такая оказия, прямо в центре леса раздался запах садовых яблок.

– Вот удивительно,... откуда он здесь?... а вдруг каким-то образом здесь среди кустарника проросла яблонька и сейчас дала плоды?... надо немедленно найти её... – мигом предположил Пых и как следует принюхавшись пошёл на запах яблок. Впрочем, долго ему идти не пришлось, миновав всего пару кустов у третьего, он заметил какое-то шевеление. Хотя это скорее была тряска, чем шевеление. Весь куст, правда, лишь с одной стороны, дрожал и трясся, словно там спряталась стайка перепуганных зайчишек. Можно было подумать, что это действительно так, но на самом деле всё было гораз-

до интересней.

Во-первых, от куста исходил аромат яблок, а зайчики так не пахнут. И, во-вторых, ну какие зайчишки могут так сильно расшатать куст, у них просто сил не хватит. А здесь куст ходил ходуном. Разумеется, Пых сначала насторожился, ведь он всего лишь ёжик, а там, за кустом, может быть кто угодно, даже его враг, хищник. Но любопытство и аромат яблок оказались сильнее его, и Пых тут же забыл о всякой осторожности. Тихонько подобравшись к кусту, он дерзко заглянул за него. И то, что Пых там увидел, стало для него полной неожиданностью.

Вместо какого-нибудь лесного обитателя, допустим зайчонка или бельчонка, там сидел вполне себе деревенский житель, а именно маленький щенок. Ну, это для нас, людей, он маленький, а для Пыха он был очень даже большой, в два раза больше его ростом. Однако тряся щенок, ничуть не меньше, чем испуганный зайчишка. Пых сразу признал в нём детёныша собаки, ведь родители ему ещё в детстве описали, как выглядит собака и её детки, щенки. Вот из-за них-то папа Пыха и перестал ходить в деревенский сад за яблоками. А сейчас Пых сам воочию увидел, как выглядит щенок собаки.

Конечно, первым желанием Пыха было поскорей убраться отсюда. Ведь собака пусть она даже и щенок, всё же опасный зверёк. А вдруг с испугу укусит, или же ещё хуже, от сердечного приступа помрёт, что тогда делать? Вот незадача, так

что лучше мимо пройти. Пых уже было сделал первый шаг в обход, но тут щенок так жалобно заскулил и задышал, что второго шага не получилось.

– Ну, вот какой же я буду негодяй, если брошу в лесу этого маленького щенка,... да он же здесь бедняга пропадёт. Тут ему никто не поможет,... через эти кусты практически никто не ходит,... ни зайцы, ни лисы, ни даже волки сюда не суются,... боятся застрять. Эх, надо бы помочь щенку,... но только осторожно... – жалеючи подумал Пых, а вслух, уже обращаясь к щенку, сказал.

– Эй, малыш,... я знаю, кто ты,... но слишком близко подходить к тебе не собираюсь,... боюсь, что ты можешь меня укусить. Однако хочу спросить у тебя,... что с тобой случилось?... как ты здесь очутился?... и отчего так трясёшься?... – спросил он, на что сразу получил ответ.

– Ой, не надо меня бояться,... я сам весь напуган,... здесь так страшно,... кругом кусты, темно, всё шуршит и шевелится. У нас дома, в деревенском саду, такого нет,... а мама мне говорила про лес, что в нём водятся много опасных зверей,... волков, лис, медведей,... а ещё кошка рысь есть, и даже она меня может обидеть, хотя всего лишь кошка,... а все потому, что я маленький щенок, а она большая. Вот я и сижу здесь,... боюсь вылезти,... мне так страшно... – протараторил щенок и опять затрясся.

– Да, это всё так,... в лесу много всякого опасного зверья живёт, но я-то не они,... я ведь простой ёжик!... Так что пе-

рестань трястись и наконец-то ответь мне, как ты сюда попал?... Насколько я понял, твой дом – это яблоневый сад,... вон как ты весь яблоками пропах,... ты там живешь, а мама твоя охраняет сад от непрошенных гостей,... но мне непонятно, как ты здесь-то очутился, вдали от своего дома?... – вежливо переспросил щенка Пых.

– Фу, хорошо,... теперь я знаю, кто вы,... вы ёжик,... а мама мне и про вас рассказывала,... говорила, что вы колючий, и предупреждала, что с вами лучше не шутить, иначе вы уколоть можете. Так что я буду с вами откровенен, не стану юлить и сразу признаюсь, что я поступил плохо,... я поссорился с мамой,... не послушался её и убежал в лес. Она хотела, чтобы я учился быть настоящей сторожевой собакой,... а это значит, охранять сад, выполнять команды сторожа, делать обход, различать запахи разных зверей,... да много чего ещё,... учёба это большой труд!... А я не хотел заниматься, по-прежнему игрался, бегал по саду, гонялся за бабочками,... в общем, ленился,... вот поэтому-то и поругался с мамой, развредничался, раскричался на неё, и наперекор ей сбежал в лес!... А это было ещё вчера днём,... к вечеру я собирался вернуться домой, но так как я не научился различать запахи, то сбился со следа, потерял ориентир, заблудился, забрёл в эти кусты, да так всю ночь и просидел здесь. Весь замёрз, испугался, и очень скучаю по маме... – жалобно проскулил щенок и вновь зарыдал.

– Ну-ну,... не плачь, успокойся,... теперь-то мне понят-

но, что с тобой случилось, ... а ведь я тоже когда-то был маленьким и слишком вредничал! ... Хотя меня и сейчас, нет-нет да врединой назовут! ... Вредность это очень плохая черта, ... я из-за неё в детстве тоже много раз глупил, ... бывало, мама попросит меня отнести гриб домой, ... но сначала поучит, как правильно его на себя поместить и нести, ... а я из вредности возьму, да вместо гриба корявый сучок домой принесу! ... Тоже не хотел учиться, шалил по недомыслию, ... правда потом понял, что без учёбы никуда, и исправился, ... а так бы наверняка пропал в лесу, ... без учения здесь не выжить! ... Вот и ты первый свой урок получил – нельзя маме перечить, ... она всегда права и желает тебе только добра, ... это-то тебе понятно? ... – лукаво улыбнувшись, опять переспросил Пых.

– Да, сейчас мне всё ясно, ... и я готов учиться днём и ночью, мне лишь бы домой попасть, ... а уж там бы я расстарался, ... слушался бы маму, выполнял все её поручения, ... ах, лишь бы дома очутится ... – всё ещё чуток потряхиваясь, тихо ответил щенок.

– Ну, это дело поправимое, ... ведь я могу проводить тебя домой, ... однако перед тем как идти, тебе надо побороть свой страх! ... Вчера ты по глупости и недоразумению забрался сюда, ... за ночь осознал свою ошибку, но сильно испугался, ... вон, даже сейчас трясёшься, ... а надо преодолеть себя набраться смелости и выбраться из кустов, ... так что давай-ка, вылезь оттуда! ... – серьёзно настроено призвал Пых,

но щенок ни в какую выходить не хочет.

– Нет, я не могу,... я боюсь,... а вдруг на нас по дороге волк нападёт,... тебе-то хорошо, у тебя иголки, он тебя не тронет,... а меня загрызёт, ведь волки и собаки враги!... Или ещё хуже, медведь меня увидит,... тогда сразу затопчет, припомнит, что его охотничьи собаки по лесу гоняли,... не станет разбираться, что я сторожевой пес, а не охотничий и затопчет меня!... Нет уж, я никуда не пойду, тут останусь,... уж лучше вы сходите,... маму мою позовите,... пусть она придёт и заберёт меня... – заскулил, запросил щенок.

– Ах, вон как ты удумал,... меня за подмогой отправить, а самому в кустах отсидеться!... Э-хе-хе,... а ещё псом себя называешь,... да разве ж так можно?... уж коли сам набедокурил, то сам и отвечай,... не я же с твоей мамой ссорился и в лес убегал, а ты,... тебе и следует отвечать,... а ты испугался!... Но ведь ты наследник храброго, собачьего племени,... тебе не положено трусить!... Да ты сам подумай, что было бы на свете, если бы все собаки трусили!?... Да это же кошмар бы случился,... начался бы хаос!... Нет, тебе никак нельзя подводить своих предков,... ты же просто опозоришь их память,... а что тебе на это скажет мама!?... как ты ей в глаза посмотришь!?... – пристыдил щенка Пых, отчего тот сразу перестал дрожать.

– Нет-нет,... только не упрёки мамы,... я не могу подвести её!... Она говорила, что у нас в роду есть даже пограничные псы,... они защищали рубежи нашей страны, тяже-

лейший труд,... а я что? не смогу что ли из леса выбраться!?!... Нет, я не опозорю наш славный род,... я сам пойду домой, не надо маму звать,... помогите мне только дорогу найти... – раздухарившись, смело ответил щенок, и наконец-то выбрался из кустов.

– Вот это другое дело,... теперь ты точно похож на настоящего пса,... с таким храбрецом я по лесу пойду!... такому смельчаку я дорогу укажу!... И нам сначала надо попасть в еловый распадок,... там начинается тропинка к берёзовой роще,... а уже затем из рощи мы выйдем на дорожку, ведущую в поле,... а там уж и до деревенского сада недалеко!... Кстати, еловый распадок начинается сразу за этими кустами, надо только из них выбраться... – со знанием дела заявил Пых и уверенно направился вон из кустарника. Щенок тут же последовал за ним.

3

А надо отметить, что Пых действительно очень хорошо знал все стёжки-дорожки в лесу, ведь он был довольно-таки опытным ёжиком и за свою жизнь не раз обходил все ближайшие окрестности по кругу. Это только с виду кажется, что ёжики такие неуклюжие, а на самом деле они могут за день пройти по нескольку километров. Не каждый турист на такое способен, а вот ёжики запросто. Так что Пых не был исключением, и семенил ножками настолько проворно, что щенок еле-еле за ним поспевал.

– Давай-давай,... поднажми,... мы уже основательно

в еловый распадок зашли, ... если дело так и дальше пойдёт, то мы мигом до рощи доберёмся... – прямо на ходу подбадривал щенка Пых и с каждым шагом всё больше наращивал темп. И таким образом они почти полпути прошли.

Идут, стараются, и всё-то у них ладно получается; и продвигаются-то они быстро, и ямки-то с колдобинами ловко обходят, но вот только не замечают друзья, что за ними наблюдает пара зорких и внимательных глаз. И эти глаза не абы кого, а хозяйки здешних мест – лесной рыси. Она высоко на ветвях елей сидит и оттуда за всем, что внизу происходит, следит. Иначе говоря, осматривает свои владения. И вдруг видит, как по её распадку движется ёжик в сопровождении детёныша собаки, щенка.

Такое содружество показалось рыси очень странным. Нет, ну конечно, сам по себе ёжик вопросов у неё не вызвал, она уже давно его знала и связываться с ним не хотела, понимала, что лишний раз колоться о его иголки незачем. Но вот щенок, этот пухленький, пушистый комочек, выглядел весьма аппетитно и вызывал у неё кулинарный интерес. К тому же все прекрасно знают, как остро ненавидят друг друга собаки и кошки. Так что рысь не могла упустить такую возможность отомстить собачьему племени за прежние обиды.

Когда-то давно охотничьи псы загнали её бабушку на самую высочайшую ель в лесу, откуда она потом спускалась целую неделю, изголодала вся, измучилась. Конечно, осталась жива, но душевная травма была нанесена глубокая. Даже че-

рез поколение она отразилась на поведении внучки. А потому, как только Пых и щенок вышли на удобную позицию на полянке, рысь не замедлила атаковать. Правда атака была скорее предупредительная, чем губительная. Рысь спрыгнула с ветки прямо перед Пыхом и ударом своей мощной лапы мгновенно сбила с ног рядом идущего щенка.

– Ага! Попался собачий детёныш!... Теперь ты получишь от меня по полной, ... я отомщу тебе за мою бабушку!... Вы собаки только и думаете, как бы нас обидеть, ... вообразили себе, что умнее кошек!... Но я докажу тебе, что это не так, ... выпотрошу тебя как куропатку!... А ты ёж, ползи себе дальше, ... ты мне без надобности... – прижав щенка лапой к земле, злобно прошипела рысь, отгоняя Пыха от своей добычи. Но Пых хоть и был напуган резкой атакой хищницы, отступать не собирался.

– Э, нет, ... никуда я не поползу, ... я не брошу маленького щенка, ... не оставлю его тебе на растерзание!... Я обещал ему проводить его домой, а я свои обещания выполняю!... Тем более он не знает никакой твоей бабушки, ... он ещё маленький, и никаким образом не мог её обидеть, ... и мстить ему не за что!... Так что это ты убирайся прочь с нашей дороги, а иначе я тебя уколою, не помилую!... – смело вскричал он и весь ощерился.

– Ах ты гадкий ёж!... я тебе ещё услугу делаю, отпускаю тебя, ... а ты на меня щетинишься, иголки свои топоришь!... Да что же это за щенок такой, что ты за него засту-

паешься!?!... невиданное дело, ёж оберегает собачьего детёныша!... – удивлённо отозвалась рысь.

– А то это и за щенка, что за него даже заступиться не стыдно!... Да, я согласен,... дело невиданное, но он мне детство напоминает, потому как он не простой щенок, а сторожевой из деревенского яблоневого сада!... Да ты сама-то его понюхай, он весь яблоками пропах,... а для меня это запах детства,... воспоминания о родителях,... и я не дам тебе осквернить эти воспоминания!... А ну-ка отпусти щенка!... – ещё строже потребовал Пых. Отчего рысь, слегка оторопела и даже обнюхала щенка.

– Хм,... а ведь и вправду от него яблоками пахнет,... я тоже этот запах с детства знаю!... Помню давно, когда ветер с деревни дул, то он приносил этот аромат в лес!... Мама мне тогда ещё говорили, что так приятно пахнут только яблоки!... Мы в то время на окраине леса жили, наслаждались ароматом,... но потом вот сюда вглубь перебрались!... А здесь запах сада не слышен, хотя я отчётливо его помню,... он неповторим, ещё бы им подышать!... – как-то задумчиво произнесла рысь и убрала лапу со щенка, чем он мигом воспользовался и тоже подключился к разговору.

– Так в чём же дело, уважаемая рысь, идёмте с нами,... а на окраине леса вы вновь надышитесь запахом яблок,... а если захотите, так и до самого сада дойдёте!... Там яблок много, даже попробуете на вкус,... а я вас с мамой познакомлю,... она у меня хоть и собака, но собака сторожевая

и кошек не трогает, лишь сад стережёт... – вдруг сам того не ожидая, предложил щенок.

– Ну, надо же!... только из лап хищника выбрался, и уже в гости его завёт!... Да ты действительно необычный щенок!... вон, какой смелый!... – изумлённо воскликнула рысь, отчего теперь уже Пых взял слово.

– О да, он такой!... он смелый оказался,... хотя ещё вчера вредничал, с мамой ругался и в кустах прятался, боялся!... Но ведь он прав, и если вам тоже дорог аромат детства, то идёмте с нами!... – тут же поддержал он идею щенка.

– А что, пожалуй, и я с вами пойду!... Ну конечно с твоей мамой я знакомиться не собираюсь, вдруг ещё поссоримся, но вот ароматом яблок я с удовольствием надышусь... – мигом согласилась рысь и теперь они уже втроём пошагали дальше. Пых впереди указывая дорогу, за ним щенок, и замыкала шествие рысь. Двигались споро, скоро и даже весело. Быстро миновав еловый распадок, они сразу подошли к берёзовой роще.

4

Казалось бы, всё прекрасно, ведь в берёзовых рощах светло и красиво, но не тут-то было, здесь отважную тройку поджидало ещё одно испытание. И проявилось оно в виде оголодавшего серого волка. Обычно этот серый хищник охотится в чаще леса, ищет себе пропитание в укромных местах. Бывало, в дубняке на кабанов засаду устроит, они там корни дубов подрывают, лесу вредят, вот волк их и гоняет. А тут он

каким-то образом в березняке очутился. Видимо спросонья ошибся, не туда забрёл, и так проголодался, что даже живот подвело.

Присел волк у берёзки, уже было хотел завывать, и видит, меж деревьев странная процессия продвигается. Притом сидит волк удачно, ветер на него дует и его запах в сторону сносит, ни рысь, ни щенок, ни Пых его не чувят. Иначе говоря, волк практически незаметен, а это большое преимущество для внезапной атаки. Чем он тут же и воспользовался.

Мгновенно сгруппировался, занял удобную позицию и в нужный момент сделал резкий прыжок, да так точно, что сразу на рысь попал, прямо за загривок её схватил. А та бедная от неожиданности и сделать-то ничего не может. Ещё бы одна секунда и волк ей шею сломал. Но щенок не растерялся, в нём молниеносно рефлекс сработал, он вмиг себя боевым псом почувствовал, и сходу как вцепиться волку в нос. Укусил его за самый кончик, да так больно, что волк рысь отпустил и истошно взвыл.

– А-а-а-а!... да за что мне это, ведь я всего лишь позавтракать хотел!... – завопил он на весь лес. Здесь уж и рысь в себя пришла, да с разворота как броситься на волка. И прямо в глаза ему целиться своими мощными лапами.

– Ах ты, лесной разбойник!... не видишь что ли? мы мирно идём никого не трогаем!... а на таких нападать нельзя, мы всем только добра желаем!... А ты коварный негодяй выбрал момент,... кинулся-таки!... Ну, я тебя сейчас проучу!... –

раскричалась, разворчалась рысь, и волку покоя не даёт, когтями его скребёт. Не выдержал волк такой атаки, не до завтрака ему стало. Отскочил он в сторону да опрометью в дальнюю чащу помчался, только его и видели. А вся честная компания, от его стрекоча, лишь рассмеялась.

– Ха-ха-ха!... смотрите-смотрите, как драпает!... Будто не волк, а трусливый зайчишка!... Ну вы уважаемая рысь и задали ему трёпку!... – смешливо воскликнул Пых.

– Ой, да я-то что, ... это всё щенок, ... он первый на волка напал, меня защитил, ... вот так молодец!... Да кабы не он, волк бы меня уже съел!... Ну и храбрец же ты щенок, ... спасибо тебе!... – не менее радостно поблагодарила щенка рысь.

– Ну что вы, уважаемая рысь, ... я тут тоже ни при чём, ... это всё мой природный инстинкт, ... это он сработал, ... уж коли кого забирают, то я непременно приду на помощь!... Этим-то мы, собаки, и отличаемся от волков, ... они нороят нападать да убивать, а мы спешим выручать да помогать, ... вроде мы с ними родственники, и те и другие «псовые», а такие разные!... Ну да ладно, чего уж там, ... идёте дальше!... – мигом отозвался щенок и новоявленные друзья продолжили свой путь.

Удивительные вещи случаются порой в лесу; маленький щенок вдруг преображается в боевого пса и заступает за взрослую рысь, которая ещё совсем недавно сама хотела напасть на него, и теперь они уже друзья. А ворчливый ёжик становится покладистым и миролюбивым сопровожда-

ющим этих двух новых друзей. Одним словом, невероятное возможно, особенно в дороге, и тут главное не растеряться, а поступить правильно, как это и сделал щенок. Впрочем, его испытания на этом ещё не закончились.

Вскоре друзья достаточно быстро и весьма успешно пересекли остаток берёзовой рощи, и оказалась на краю пшеничного поля, которое отделяло их от деревенского сада. А там, за полем, уже виднелись макушки яблонь. Аромат от них благоуханным облаком распространялся на всю ближайшую округу, и конечно достигал края поля, где сейчас стояли друзья.

– А вот и он, этот благоуханный аромат детства, ... запах яблоневого сада, ... как же он прекрасен! ... Жаль только, что дальше мне идти нельзя, ... меня могут учуять деревенские собаки и тогда придётся спасаться бегством, ... а мне на сегодня уже, пожалуй, хватит рисковать, ... достаточно и волчьего нападения! ... Спасибо вам друзья, ... я останусь здесь, на краюшке, ... подышу ароматом, вспомню детство, ... а вы уж идите... – слегка печально отозвалась рысь, на что щенок сделал своё заключение.

– Ну что же, ... ничего не поделаешь, нам надо идти дальше, ... и я думаю, что хоть мы сейчас и расстаёмся, но навсегда друзьями остаёмся! ... Даже когда я вырасту, я буду помнить вас, уважаемая рысь, и ни за что не стану обижать кошек, ... притом как диких лесных, так и домашних деревенских! ... Сегодняшний наш поход доказал, что мы можем

не враждовать и быть добрыми друзьями, ... надеюсь, мы ещё свидимся и погуляем по лесу ... – тоже чуть печально попрощался он с рысью. Пых же не стал дожидаться ответной речи и поторопил друзей.

– Ну, вот и хорошо, попрощались и ладно, ... ещё встретитесь и наговоритесь, ... а теперь вперёд, ... идём дальше ... – суетливо воскликнул он, и кинулся в поле, в колосающую пшеницу. Щенок мигом шмыгнул за ним. Рысь прощально помахала им лапой и продолжила наслаждаться доносящимся из-за поля ароматом яблоневого сада. В её сознании сразу всплыли картины далёкого детства, и она полностью погрузилась в приятные воспоминания.

5

А меж тем Пых и щенок уже во всю неслись среди колосьев пшеницы. Однако они даже и подозревать не могли, какая опасность поджидает их в пути. А надо знать, что в полях, помимо жаворонков, юрких ящерок, снующих мышек, разных насекомых и прочей мелюзги, обитают ещё и змеи, которые не менее вероломны и коварны, чем волки. Они тоже хищники и вполне успешно охотятся как раз на всю ту мелюзгу, что снуёт среди колосьев. Сидят себе в засаде и ждут добычи. И горе тому, кто потревожит их. Ну а наши друзья так увлеклись желаньем скорей оказаться в саду, что это затмило элементарную осторожность.

– Давай-давай! ... поднажми! ... я иду верным курсом! ... ещё чуть-чуть и ты будешь дома! ... – на ходу поторапли-

вал щенка Пых и мчался что есть сил. И вот такое торопливое стремление сыграло с друзьями злую шутку. Мчась столь быстро, Пых, в какой-то момент отвлёкся, и со всего маха налетел свернувшуюся в клубок гадюку. А эта змея отличается мгновенно реакцией и чрезмерной ядовитостью. Естественно гадюка взметнулась вверх и бросилась на Пыха.

Атака была настолько молниеносной, что щенок, бежавший следом, не смог вовремя остановиться и сходу врезался в Пыха. И уж так вышло, что гадюка мгновенно переключилась на него. Изогнувшись, словно лиана на пальме, она всю силу своего удара обрушила на щенка. И она бы наверняка тут же укусила его своим ядовитыми зубами, да только с первого раза у неё это не получилось, ей помешала шерсть щенка, уж больно она была густа и пушиста, гораздо плотнее, чем у мышек, на которых обычно охотятся змеи.

Разумеется, гадюка тут же поняла свою ошибку, раскрыла пошире свою пасть, выпятила зубы и кинулась атаковать во второй раз. Но тут уже вмешался Пых и нарушил её планы. Его иголки служат отличной защитой от змей, а потому он отважно бросился на гадюку. Схватил её за хвост и так мотнул в сторону, что она словно пуля из ружья, отлетала от щенка.

Однако Пых на этом не остановился и продолжил свою экзекуцию. Он вновь схватил гадюку и так затряс её, что та уже через минуту лишилась сил и обмякла. Только тогда Пых сжалился и отпустил её. Буквально секунда и змея, недо-

вольно шипя, скрылась в колосьях пшеницы. Краткая битва Пыха с гадюкой закончилась его безусловной победой.

– Уф-ф-ф-ф,... ну и нахалка, исподтишка напала,... как же я её сразу не заметил?... умеют же эти змеи прятаться!... Впредь надо быть осторожней!... Ты-то как?... в порядке?... – устало вздохнув, обеспокоенно спросил Пых у щенка.

– О, я ещё как в порядке,... змея даже не успела меня уку- сить,... вы вовремя подоспели!... Вот это скорость у вас, раз и всё кончено, змея повержена и поджавши хвост, бежала с поля боя!... Я об этом обязательно расскажу маме!... – вос- торженно отозвался щенок.

– Ну, это ты потом расскажешь, а сейчас нам надо мень- ше увлекаться скоростью и больше думать об осторожно- сти, иначе мы так до сада не доберёмся и маму твою не уви- дим!... Так что идём, и внимательно смотрим под ноги,... как бы нам ещё на кого ни налететь... – предупредительно подметил Пых и друзья проследовали дальше, но только те- перь уже чуть медленней и намного осмотрительней. Пых вёл щенка уверенно и чётко, обходя каждую подозрительную кочку и ложбинку, а в поле таковых предостаточно.

Впрочем, на скорости их передвижения такая усидчивая внимательность мало отразилась, шли они по-прежнему на- пористо. Разумеется, по пути друзьям ещё попадались змеи, но они их уже заранее замечали и благополучно обходили стороной, в бой не вступали, время зря не теряли, что от-

лично сказалось на их продвижении. И ещё до вечера друзья были у цели. Пройдя последние метры по полю, они наконец-то оказались в саду, и их тут же со всех сторон окружил непревзойдённый аромат яблок.

Однако друзей и здесь ждал сюрприз. Правда, на этот раз уже приятный. Едва они зашли в сад, как к ним из дальнего угла поспешила мама щенка. Оказывается, она со вчерашнего дня повсюду искала его; оббегала всю деревню, ближайшие огороды, обследовала весь сад, искала у речки, но вот в лес отчего-то не пошла, ведь она даже и предположить не могла, что её сынок сбежит туда. И вот теперь, мама, увидев сына в целости и сохранности, конечно, радостно бросилась ему навстречу.

– Ах, это ты мой сыночек!... Ну, где же ты был-то!?!... Я тебя везде искала,... уж думала, ты совсем пропал!... а ты вот он!... да ещё и не один!... – завосклицала она прямо на ходу.

– А это мама, ёжик Пых,... он вполне взрослый и уважаемый обитатель леса,... мы с ним как раз из чащи леса домой пробирались,... он мне очень помог!... Вчера я по глупости поссорился с тобой и сбежал в лес,... там заблудился и всю ночь просидел в кустах!... А сегодня Пых нашёл меня,... мы разговорились,... он объяснил мне насколько я был не прав и проводил меня к тебе!... Прости меня мамочка,... я больше никогда не посмею пререкаться с тобой... – повинно склонив голову, покаялся щенок.

– Ну что ты мой малыш, ... я давно уже всё простила, ... я так испугалась потерять тебя, что мне было уже не до обид! ... А вот твоему новому другу большое спасибо, что он тебя привёл, ... чем же я могу вас отблагодарить, уважаемый ёжик, за помощь моему сыну? ... – уже обращаясь к Пыху, вежливо спросила мама.

– Да мне особо-то ничего и не надо, ... мне бы только яблочным ароматом в саду насладиться, ... вспомнить детство! ... Да может быть ещё пару яблочек с собой в лес прихватить, ... они бы мне там оченьгодились, ... уж я бы нашёл им применение. ... – скромно ответил Пых.

– Ах, ну какие пару яблочек, ... берите, сколько хотите, ... и вообще, приходите в гости в любое время, ... я всегда буду рада вас видеть! ... Друзья моего сына – мои друзья! ... – радостно отозвалась мама и незамедлительно проводила Пыха к самой плодоносной и ароматной яблоне, ветви которой гнулись до земли от спелых и наливных плодов. Там Пых выбрал себе несколько зрелых, краснобоких яблочек, погрузил их на себя, и довольный своей поклажей собрался в обратный путь. Ну а щенок с мамой проводили его до пшеничного поля, тут они уже окончательно распрощались и расстались.

Впрочем, слово «окончательно» здесь как-то неуместно, ведь впоследствии они ещё не раз виделись. Пых приходил к ним в гости в сад, пополнять свои запасы яблочек, а щенок неоднократно путешествовал с ним по лесу. Одним словом их дружба продолжалась. А однажды они даже маму взяли

с собой в лес. И надо же такому быть, там они встретили ту самую рысь, которая вместе со щенком прогнала волка. Разумеется, мама с ней познакомилась, они приятно побеседовали, поладили и договорились о дальнейших встречах.

И это так замечательно, когда противоположности находят общий язык. Как говорится, лучше крохотный мир, чем большая вражда. Вроде такая простая, прописная истина, а как верна. Ну а Пых со щенком уже более никогда не расставались, и дружбу свою не прекращали даже зимой, когда мели метели и шёл снег, ведь настоящей дружбе ничто не помеха; ни погодные условия, ни разница в возрасте, ни жизненные неурядицы, ни даже то кем ты являешься, неважно кто ты, ежик или щенок, кошка или собака, главное, чтоб твой верный друг всегда был рядом с тобой...

Конец

5. Сказка о жадном, сварливом хомяке, коему всё же пришлось измениться

1

В некоторых своих предыдущих сказках о лесных обитателях я уже упоминал о шустром и весёлом зайчишке, рассказывающем мне интересные истории из жизни его соседей зверей. Также сразу хочется отметить, что мой знакомый зайчишка удивительный рассказчик, и при каждой нашей новой встрече он всё больше и больше поражает меня своим красноречием, и особенно наблюдательностью.

Впрочем, это полнее объяснимо, ведь мы, люди, вечно куда-то спешим, бежим, торопимся и практически не замечаем, что твориться вокруг нас, и уж тем более редко бываем на природе, в лесу, чтобы понаблюдать за его жителями. Зато как раз у зайчишки для этого времени предостаточно. Утром проснулся, умылся росой, поел травки на соседней поляне, и сиди до обеда наблюдай, что твориться вокруг. А твориться, между прочим, много чего.

Например, в этот раз зайчонок обратил внимание на жизнь одного очень примечательного хомячка. Ну и, разумеется, при нашей очередной встрече рассказал мне, что случилось с тем хомячком. А произошло всё случившееся,

этим летом, и если кто помнит, то в середине лета стояла страшная жара с неожиданными грозами и аномальными ураганами. То солнышко светит – хоть иди, загорай, а то как грянет гром, задует ветер и ливень ударит стеной. Аж до жути пробирает. И вот именно в эту пору всё и случилось.

Однако зайчишка начал свой рассказ не с этого; жара и грозы уже потом были, а сначала зайчик описал самого хомячка, его характер, привычки. А надо сказать, что характер у хомячка был не сахар, наоборот, горький, сварливый, надменный и весьма вредный, собственно этим-то он и был примечателен. Да и его привычки тоже никому в лесу не нравились, уж больно заносчив и строптив был хомячок. Хотя какой уж тут хомячок, скорее самый натуральный, самый настоящий, взрослый ХОМЯК, большой и наглый.

Мы-то привыкли к маленьким крошкам хомячкам из зоомагазина, весело бегающим по колесу в клетке. А здесь здоровенный хомячище, лесной житель со своим диким норовом, притом ещё и забияка с чертами алчного хапуги. А жил это хомячище на краю леса возле поля с посевами пшеницы. Ему там самое раздолье; поле рядом, зерна немерено, ешь до отвала да делай запасы в норе. Впрочем, это лишь в том случае, если уже урожай созрел, а до этого приходилось питаться подножным кормом.

Разными корешками, жучками, червячками. А ещё ягодой, какая первая созреет в лесу: земляничкой, голубикой, костяничкой, да много чем вкусеньким. А этим летом ягода

тем более рано созрела, ведь погода благоприятствовала. Поначалу стояла такая мягкая теплынь, что даже грибы полезли, хотя они больше предпочитают к концу лета созревать.

2

И вот этот здоровенный хомяк-хомячина, пользуясь такой благодатной погодой, повадился по лесным полянам гулять да ягоду собирать. Не до пшеничного поля ему теперь, ведь более лакомые плоды поспели. Но особенно он облюбовал одну очень обширную поляну заполненную земляникой сверх всякой меры.

– Ничего, до пшеничного поля я ещё доберусь, ... придёт срок, наделаю себе запасов! ... А сейчас вон сколько ягоды в лесу, ну не пропадать же, ... земляника сама в рот просится, ... всю её съем, ... она прямо как для меня созрела! ... А главное, вовремя, ... всё себе заберу, никому не отдам, моя ягода! ... – переполненный жадностью решил хомяк, да так и поступил. И беда тому, кого он застанет с ягодой на облюбованной им земляничной поляне. Увидит, какую зверушку, бурундучка или белочку, желающих полакомится ягодкой, так он сразу на них бросается.

– А ну пошли прочь с моей поляны! ... Нечего мою землянику брать! ... Только попробуйте, троньте! ... Враз загрызу, не помилую! ... – кричит, голосит на них, в драку лезет, и зубы свои острые показывает. Ну и конечно зверушки убежали, так и не отведав лакомства. Кому же охота с хомячьими зубами дело иметь. Притом хомяк не только на зверушек бро-

сался, но он даже и птицам покоя не давал, их тоже третировал, от поляны с ягодой отгонял. Заметит поблизости какую сойку или сороку, и напустится на неё с угрозами.

– Ну-ка кыш пернатая!... Я тебе все крылья пообломаю, если на мои владения налетать будешь!... Не смей свой мерзкий клюв совать к моим ягодам!... откушу!... – грубо кричит во всё горло, злобой исходит, к поляне не подпускает. Вот до чего жадность хомяка довела. Но и это ещё всё, как-то на его любимую поляну медведь пожаловал, явился подкрепиться. Уж он-то, казалось бы, никаких угроз не боится, сам кого хочет, задерёт, загрызёт. Однако хомяк и на него напустился.

– Эй ты, гора меха и потрохов, а ну убирайся отсюда!... Не для тебя моя ягода зрела!... Лишь я имею право ею питаться!... А тебе не положено,... ты слишком большой для этого!... Пошёл вон!... – нагло надерзил медведю хомяк, и более того, в бой бросается. Зубы оскалил, шипит, ругается, и даже на задние лапы встал, чтоб выше выглядеть. А медведь только посмеивается.

– Ха-ха-ха!... ты кому это угрожаешь, мышь переросток?... белены, что ли объелся!?... Хотя вот ты правильно подметил, что я слишком большой,... стоит мне только на тебя наступить и всё,... раздавлю как букашку!... Понял? мелочь ты пузатая!... Да и вообще, на каком это основании ты себе ягоду присвоил?... кто тебе такое право дал?... В лесу я хозяин!... И только я на всё разрешение даю!... – явно

не собираясь уступать, настоятельно возразил медведь. Тут уж хомяк и проявил свой вредный характер во всю мощь.

– Ах ты, косолапый увалень, ещё и перечить мне будешь!... Ну, сейчас мы посмотрим, кто тут хозяин!... – взвился он и одним прыжков до медведя добрался. Сходу как цапнет его за лапу, и опять на безопасное расстояние отскочил. Медведь аж оторопел от такой наглости. Как так? слышанное ли дело, его, властелина леса, какой-то хомяк за лапу укусил. Но хомяк не унимается, видит, что медведь в замешательстве сидит и снова на него в атаку бросается. Как прыгнет на шкуру медведя да по ней, словно по лесенке, аж до самого уха добрался, укусил его и опять в сторону отскочил. И главное, всё так быстро делает. Медведь даже отреагировать не успевает, сидит, глаза выкатил и от изумления пасть раскрыл.

А хомяк снова в атаку идёт, и так раз десять подряд на медведя наскочил. Изрядно покусал косолапого, но конечно не особо болезненно. Для медведя это всё равно, что комар пощипал, хотя и очень обидно. А реагировать-то надо, ведь хомяк совсем страх потерял, уже и на глаза нацелился, выцарапать хочет. Дело принимает весьма опасный оборот. Пока медведь развернётся, пока отпор даст, хомяк ещё раз десять наскочить успеет. Но вот косолапый очнулся и слово взял.

– Да ты надоел мне уже со своими наскоками!... Какой же ты настырный!... Ну, тебя,... совсем умалишённый, боль-

ной, просто бешенный,... не хочу с тобой связываться, ещё заразу подхватчу!... Ешь свою ягоду, а я лучше пойду,... всё одно от тебя покоя не будет... – здраво рассудив, что ему с таким вредным соперником быстро не справится, уступил медведь да убрался восвояси. В лесу полян с ягодами много, лучше уж другую найти, чем покусанному быть. А хомяк рад, доволен, теперь вся ягода его. Только вот устал немного, ведь напрыгался. Ну и сразу начал подкрепляться, свои утраченные силы пополнять. Сходу на ягоду накинулся и давай её поедать, да за обе щеки себе набивать.

3

А меж тем за всем произошедшим с высокой ели наблюдала сорока. Уж так совпало, что она стала свидетелем столь необычной дуэли. И это действительно очень странно, чтоб хомяк на медведя кидался, да ещё так настойчиво. Ведь обычно хватает, лишь одного медвежьего рыка, чтоб весь лес содрогнулся. А тут такая дерзость, прогнать медведя с ягодной поляны, неслыханное дело. Ну и, разумеется, сорока сразу сделала из этого свои выводы.

– Это ж каким голодным, а скорее жадным, надо быть, чтоб с самым хозяином леса в спор вступить!?... Видать, хомяк мухомор проглотил, коль на такое решился!... Мало того что всех маленьких зверят прогнал, так теперь за больших взялся!... С ним явно что-то неладное творится,... от злобы чуть не задохнулся!... Ох, надо об этом всем рассказать, предупредить,... а то ведь так и до беды недалеко,... загры-

зёт ещё кого!... – не скрывая своего удивления, рассудила сорока и тут же полетела по всему лесу такую новость разносить. Ну а как же иначе, ведь она сорока, а они известные сплетницы, недаром же про них говорят, что они сплетни на хвосте приносят.

И полдня не прошло, как весь лес уже знал, что хомяк, набравшись наглости, чуть медведя не загрыз, но благо ко-солапый принял его за сумасшедшего и ретировался. Вот уж тут среди обитателей леса сразу молва пошла; кто-то подивился такой прыти хомяка, кто-то усомнился в его умственном равновесии, кто-то лишь посмеялся над его поступком, а кто-то счёл его серьёзно больным, нездоровым. Например, случается, что лисы болеют бешенством. Вот звери и подумали, что хомяк тоже подхватил этакую заразу. Однако наиболее здравомыслящие звери поставили свой диагноз, они со всей ответственностью заявили, что хомяк просто до безрассудства жаден, и это самое верное суждение.

Но как бы там ни было, в конечном итоге все звери согласились с тем, что с хомяком лучше дела не иметь. Пусть сидит на своей поляне, ест ягоды, наслаждается одиночеством, и не нужно его трогать. А вскоре всё так и получилось. Никто из зверей на ту поляну больше не совался. Связываться с хомяком желающих не нашлось. Однако это привело к неожиданным последствиям. Хомяк полностью уверился в своей правоте и стал вести себя ещё более вызывающе.

Он вообще обнаглел: на весь лес объявил себя единствен-

ным хозяином ягодных угодий, вырыл себе на поляне огромную нору, и принялся наводить свои порядки уже на близлежащих территориях. Проще говоря, возомнил себя лесным царём и начал оскорблять всех подряд. Носится по округе и кричит разные непотребности в сторону зверей.

– Эй вы низшее племя!... Не смейте ходить в мои владения!... Пошли все прочь!... Никого к себе не пущу!... Здесь всё моё и только моё!... Держитесь от меня подальше, слабаки и заморыши!... Вот только суньтесь ко мне, всех загрызу!... – бегают, носиться, сыплет угрозами по сторонам. Впрочем, ненадолго хватило хомяка на такую беготню. Шнырять по лесу и зайцу-то нелегко, хотя он и знатный бегун, а тут хомяк; ножки коротенькие, тело жирное, упитанное, куда уж здесь носится. Так что за последние дни хомяк сильно устал и даже исхудал. А всё от жадности и нервотрёпки, какую он сам себе и устроил, меньше на других орать надо.

– Нет, так дело не пойдёт,... этак я все свои жировые запасы растеряю,... и что я тогда зимой делать буду?... без жира мне не выжить!... Эх, надо побольше отдыхать, да снова жир набирать, копить его,... хватит суеты и беготни, жизнь дороже... – весьма разумно рассудил хомяк и преобразился с точностью до наоборот. Иначе говоря, перестал бегать, кричать, угрожать, гоняться, и превратился в ленивого увальню. Теперь только и знает, что поглощать ягоды да спать напропалую. Всё, не узнать ныне хомяка, вмиг обленился и вновь куском

жира стал. Лежит и лишний раз не пошевелится, жир бережёт.

Ну а с другой стороны чего ему шевелиться-то, ведь он всех своих недругов разогнал, репутацию злобного скандалиста себе заработал, и никто к нему не суётся. Даже медведь его владения кругом обходит. Вот и лежит хомяк, да только ягоду ест. А уж её-то на поляне целое мореросло, ведь кроме хомяка здесь никто не ходит, ягоду не топчет, не рвёт, вот она и дала себе волю, вымахала. А хомяку лишь этого и надо. Поглощает её с утра и до вечера, а на ночь к себе в роскошную нору спать уползает. Вот и вся его забота.

4

А тем временем лето перевалило на вторую половину. И вот тут-то в лес пришла жестокая жара с внезапными грозами и ураганами. Вроде ничего особенного, что поделаться, иногда случаются такие катаклизмы, и как-то всё обходилось. Лес по-прежнему растёт, цветёт и развивается. Однако на сей раз подобная жара стала неистовым испытанием для разленившегося хомяка. Всем известно, что в сильное пекло никому не хочется ничего делать. Жара угнетает и заставляет прятаться где-нибудь в теньке, притом подолгу не высывая оттуда носа. Так что становится не до чего, лишь бы до вечерней прохлады отлежаться.

Вот и хомяк старался отлежаться в теньке. Но его большое, грузное тело постоянно требовало подпитки, а потому ему приходилось периодически выползать из тенька и, пере-

двигаясь по поляне, поглощать очередную порцию подкормки. А это для него было настолько тяжело и утомительно, что за одну ходку он проливал ни одно ведро пота, потел, словно в бане парился. Такого с ним ещё некогда не случалось.

– Да что же это твориться?... уф-уф-уф,... ужасный зной, ... ничего подобного до сих пор не испытывал, ... вот же проклятая жара!... И если она простоит ещё хотя бы день, то я просто поджарюсь на собственном жире!... Но с другой стороны если начну отсиживаться в теньке, то умру с голоду, ... выбор небольшой... – обливаясь потом, уныло рассуждал хомяк и продолжал свои вылазки на поляну. Однако силы и терпение быстро покидали его. Иной раз выходило так, что от постоянной жары он терял сознание, и оставался лежать на поляне, будто жирный шмат сала на раскалённой сковородке. Разве что ещё не шкварчал и не посвистывал, как это происходит с настоящим салом.

И ещё неизвестно, сколько бы такое продолжалось, если бы не пришли грозы. Распалённый зноем воздух поднялся ввысь, остыл там, превратился в грозовые облака и выпал в виде дождя. Хотя все знают, что такие дожди это типичные ливни, а они подолгу не длятся. Каких-нибудь полчаса и снова выглядывает солнышко, начинается жара. Получается всего лишь краткая передышка в нестерпимом пекле.

В такие моменты хомяк оживал и скорей набивал себя ягодой, поедая её чуть ли ни килограммами. Скорей запикивал её в рот своими коротенькими лапками. А затем опять

падал, и лежал не шевелясь, при этом исподтишка оглядывая свои владения, чтоб никто не мог на них посягнуть. Лень и жадность, два ужасных порока, правили им в этот час. И это бы ничего, но тут к ним добавилась ещё и неряшливость, а это тоже страшный порок. И здесь уж непонятно какой порок хуже, жадность, лень или неряшливость. Впрочем, все пороки плохи, однако когда их столько, то это намного опасней.

Если раньше хомяк ещё хоть как-то следил за порядком на поляне, старался сдерживать рост сорняков, где-то что-то подгрызал, пропалывал, не давал траве господствовать над ягодой, то теперь ему было абсолютно всё равно, что где растёт и как много. Так что теперь поляна напоминала огромную, заброшенную свалку лесных отходов. Кругом валялись пучки отжившей травы, объедки от гроздьев земляники, упавшие с деревьев отсохшие сучки и веточки. В общем, кошмарное зрелище.

Разумеется, кто-то может сказать, что такая обстановка царит по всему лесу, мол, повсюду разбросаны сучки и засохшая от жары трава, однако нет, это не совсем так. В каждом уголке леса всегда поддерживается определённый порядок. И только там, где поселился нерадивый зверь, начинается настоящий хаос. Доподлинно известно, что лесные жители рачительные хозяева, у них ничего не пропадает зря, и они тщательно следят за порядком на территориях своего обитания.

И уж конечно они знают, к каким последствиям приводят в сильную жару высохшая трава, сучки и кустарники, а приводят они к лесным пожарам. И поэтому каждый зверь в лесу, будь то медведь, волк, лиса, белка, бурундук или даже мышь борются с сухой растительностью, стараются не создавать очагов пожара. Например, лоси или олени с косулями объедают как можно больше травы ещё до начала жары, чтоб потом её было меньше сухой. Также и другие обитатели леса следят за порядком не создавая захламлённых мест.

А тут на тебе, выискался этакий неряха, лентяй, хомяк-переросток и жирдяй. Захватил огромный кусок лесной территории, ничего на ней делать не хочет, лишь ест, спит, наводит беспорядок и создаёт пожароопасную обстановку. Ну и, разумеется, другие звери в лесу со временем заметили эту безответственность хомяка. Конечно же, собрались и устроили совещание по этому поводу. Первым слово взял, как водится, медведь.

– Итак,... мы тут собрались с вами по очень серьёзному вопросу!... Все мы видим, что творится вокруг; сохнет лес, осыпаются отмершие сучки, а трава превращается в огнеопасное сено!... И порой бывает её даже нечем смочить,... почти все ручейки пересохли, луж с водой практически не осталось,... а грозы нам не помогают!... Жара стоит небывалая,... и если у себя на участках мы ещё хоть как-то поддерживаем порядок, то наглый хомяк захвативший поляну развёл там настоящий бардак!... И с этим надо что-то де-

лать!... Я предлагаю сходить к этому хомяку и указать ему на его разгильдяйство!... кто за такое предложение!?!... – выступив с яркой тирадой, спросил косолапый. На что тут же сходу отозвались трое братьев барсуков.

– Э, нет,... лично мы к нему не пойдём,... он вон какой злощый,... или ты забыл медведь, как он тебя покусал!?!... Мы хоть ребята и смелые, но с бешеным хомяком дел иметь не хотим!... – резко запротестовали они. И здесь уж сороки зашумели, застрекотали в голос.

– Да-да!... барсуки правы!... не хотим иметь дело с полоумным хомяком!... Он ветками кидается, зубами грозит, бранными словами ругается, на всех кидается!... Никто к нему не пойдёт!... – поддержали они барсучат, и в тот же миг поднялся страшный гвалт. Все что-то кричат, голоса, свою точку зрения высказать хотят. А медведь слушал-слушал да как рывкнет.

– А ну, тихо всем!... Неужто вы не понимаете, что если на поляне у хомяка вспыхнет пожар, то он охватит весь лес!... И тогда уж нам всем несдобровать!... А пока у нас есть возможность предотвратить беду, мы просто обязаны пойти к хомяку и всё ему высказать!... Так что повторяю,... кто к нему пойдёт!?!... Пошёл бы конечно и я, но вы же знаете какой он вертлявый и кусачий,... мне с ним опять не справиться! Был бы это лось или хотя бы кабан, то я бы просто его заломал за непослушание, а тут эта маленькая бестия, вертится-крутится, не уловить его! Вот я и считаю, что пойти

должен кто-то ловкий, прыткий, сильный, и кто ещё ни разу не был у хомяка!... Ну, например волк... – вдруг предложил косолапый.

– Ну, ты медведь и сказанул!... Чтоб я, да с бешеным хомяком разговаривать пошёл, да не бывать этому!... У меня что, других дел нет что ли!... Не пойду я к нему!... – категорически отказался волк, отчего все кто был, единогласно подняли его на смех.

– Ха-ха-ха!... Волк трус!... Хомяка испугался!... Ха-ха!... Вон аж поджилки затряслись!... Ну и бояка!... – задорно зашумели звери. И конечно волк от такого порицания сильно стушевался.

– Ну, ладно-ладно,... хватит гомонить-то,... зачем меня позорите,... и никакой я не трус!... Вы же знаете, я в одиночку на деревенских быков ходил,... а они вон какие здоровенные!... И вы что думаете, я хомяка испугаюсь!?... Да ни в коем случае!... Хорошо, я согласен!... возьму и прямо сейчас же к нему схожу!... Ждите меня здесь!... – сумбурно огрызнулся волк и, оскалившись, поспешил к хомяку на поляну.

5

До поляны хомяка путь недолгий, она совсем рядышком от сборища зверей находится, только холмик перейти да ложбинку миновать. А потому волк с его стремительной походкой уже через пять минут стоял перед хомяком, который в этот момент в очередной раз подкреплялся ягодой.

– Послушай-ка, хомяк,... меня к тебе отправило общее собрание зверей нашего леса! Мы все решили, что у тебя на поляне слишком запущено,... кругом валяется пожароопасный мусор,... а погода сейчас жаркая, того и гляди всё вспыхнет!... Так что ты убрался бы у себя поскорей,... не то мы за тебя возьмёмся!... – в угрожающей форме заявил волк, отчего хомяк пришёл в неистовство. В нём тут же проснулся тот прежний наглый, грубый хомячина.

– Что ты там прорычал, серая шкура!?!... Я тут пока ел, не особо тебя слушал,... хотя поговору понял, что ты мне угрожать вздумал!... Ультиматум мне выдвигаешь? убираться меня вынуждаешь?... но это мы ещё посмотрим, кто сейчас уберётся!... Во-первых, ты без спроса вторгся в моё личное пространство!... Во-вторых, ты помешал моей трапезе,... иль ты не знаешь правила? «когда я ем, я глух и нет, и меня не тревожить»! ... А ты это правило нарушил!... За что тебя надо жестоко наказать!... – злобно обнажив свои резцы, протараторил хомяк, и сходу на волка кинулся.

Такой реакции волк, конечно же, не ожидал. Он-то надеялся, что его внушительный вид охладит пыл хомяка, приструнит его, но получилось всё иначе. И первый же укус хомяка пришёлся прямо в нос волка. Отчего волк трусливо взвизгнул и, поджав хвост, пустился наутёк. Хомяк торжествовал, ведь он, невзирая на свой избыточный вес, опять одержал победу над превосходящим его по размеру противником. Однако голод вновь заставил его с жадностью накин-

нуться на ягоду.

Меж тем день сегодня выдался особенно жаркий. Местами пожелтели листья, лес иссыхал, а зной свирепствовал. Даже лесная река и её обитатели бобры мучились от нехватки влажного воздуха. Пекло словно в пустыне. Отчего хомяк постоянно поглощал землянику. Старался утолить не только голод, но и мучавшую его жажду. За каких-нибудь несколько минут он объел около сотни кустов, и даже не собирался останавливаться, чавкал на всю поляну, будто бегемот. А в это время собрание зверей дождавшись волка, принялось слушать его с нескрываемым любопытством. И волк сходу начал жаловаться.

– Вы куда меня отправили!?!... Я там и пяти минут не простоял, как этот бешеный хомяк набросился на меня!... Вон, нос мне покусал,... я даже толком не успел ему поставить ультиматум, как он кинулся в атаку!... И что мне теперь делать?... каким образом лечиться от бешенства?... Надо было послать кого-то такого же бешеного, а не меня!... Ну, вот за что мне такое несчастье?... – жалобно скуля, заныл он, на что медведь тут же сделал своё заключение.

– Это ты прав,... к хомяку надо послать кого-то такого же бешеного, как он!... А кто у нас обычно от бешенства страдает!?!... это лисы!... Так вот мы сейчас лису и пошлём... – высказался косолапый, и все мигом перевели свои взгляды на лису. Отчего она сразу заюлила.

– А чего я!?!... почему именно мне идти!?!... Лично я бе-

шенством пока не болела,... пусть другие идут,... а у меня и тут дел по горло,... нет-нет, я не пойду!... – запротестовала она, но медведь вмиг прервал её.

– Да ты кумушка погоди отказываться-то, ведь бешенство тут не главное,... важнее всего, что у тебя есть ум и хитрость,... притом больше, чем у всех здесь собравшихся!... Смекалистей тебя зверя я не знаю!... И уж коли волк не смог силой заставить хомяка убраться у себя на поляне, то ты, я полагаю, хитростью его к этому принудишь!... Так что вся надежда на тебя,... возьми его умом,... обмани, но добейся своего... – присоветовал он.

– Ну, хорошо,... сходить конечно можно,... вот только, что потом будет, когда он узнает, что я его провела,... хотя чего уж там, как-нибудь выкручусь, не впервой!... Ладно, пошла я, а вы ждите,... как вернусь, расскажу, что у меня получилось... – согласилась лиса и тут же к хомяку на поляну умчалась.

6

А солнце тем временем всё жжёт и жжёт. Уже совсем невыносимо стало. Благо звери собрались возле небольшого ручейка, который никак не мог пересохнуть. Он в этом месте как раз натыкался на завал из опавших веток, отчего получилась запруда и появилась скромная лужица-пруд, но с достаточным избытком воды. Тут можно было попить, утолить жажду, и даже чуток побрызгаться. Если бы не этот ручеек, то не случилось бы лужицы-пруда, а так всё очень удачно

вышло.

Однако там, на поляне у хомяка, не было ни ручейка, ни лужицы, ни капельки воды, зато росло много травы, кустарников и прочей мелкой растительности, из-за которой сейчас образовалось несметное количество сухого и огнеопасного, словно порох мусора. Вот на него-то сходу и обратила внимание примчавшаяся на поляну лиса. И, разумеется, ей в голову сразу пришла мысль, как воспользоваться таким обстоятельством. Плутовка моментально придумала удивительную хитрость, и мигом завязала разговор с хозяином поляны.

– Ну, здравствуй, хомячок-здоровячёк, ... уж извини, что беспокою тебя, ... приятного аппетита, ... вот заглянула соседски! ... Ох, и сколько же у тебя здесь вкусной ягодки, ... сразу видно, что ты хороший хозяин, ... не у каждого такой урожай бывает, ... да ты, как я посмотрю, богач... – мягонько так, с улыбочкой, начала свою льстивую речь лиса. На что хомяк ей сходу отвечает.

– Это ты верно заметила, ягоды у меня много, ... всё правильно говоришь, приятно слушать! ... Но также я слышан, что в твоих речах бывает немало хитрости с обманом, ... вот и получается, что ты неспроста ко мне со своей лестью пожаловала! ... И если хочешь у меня хитростью ягоду отнять, то не советую, ... загрызу, и не посмотрю, что ты больше меня! ... Тут и медведь, и волк, пытались мне грубить, так я их без разговоров проучил! ... Смотри, не лги,

а то я и тебя проучу, не пожалею!... Так что говори без лести и обмана, зачем пришла!?!... – недовольно насупившись, отозвался он.

– Да я и не собиралась у тебя обманом ягоду отнимать!... нет, что ты!... Мне её и даром не надо,... нынче от жары речка обмелела, так я там легко себе рыбку ловлю,... и мне её вполне хватает!... Уж она такая вкусная, питательная, свежая, а главное, влажная,... только что из воды,... лучше любой ягоды жажду утоляет!... Вот и получается, что мне с тобой не зачем хитрить,... я уж просто так, по-соседски зашла,... думала, может, чем тебе помочь или чего принести,... ну, вот что ты хочешь?... – по-прежнему мило улыбаясь, спросила лиса.

– Да мне как бы ничего и не надо,... всё у меня есть,... вот только хочу, чтоб все меня в покое оставили, не лезли ко мне!... Хотя после твоего рассказа про влажную рыбку, мне теперь что-то захотелось ещё и её попробовать!... Уж больно ты про неё смачно рассказывала!... Принеси мне рыбки, а я разрешу тебе ягодой полакомиться... – вдруг заинтересовавшись уловом, попросил хомяк, чего собственно и нужно было лисе.

– Ох, нет, хомячок-здоровячёк,... так не пойдёт!... я же тебе сказала, ягоду я не ем, зачем она мне!... И кстати, если уж ты так хочешь рыбку попробовать, то у тебя кое-что поценнее ягоды есть, чтоб на улов рыбы обменять!... Вон сколько у тебя на поляне всяких бесхозных веток да травы

накопилось,... разбросанные задаром валяются!... Вот кабы ты всё это добро собрал да отнёс на берег реки к плотине бобров, то уж они-то угостили б тебя рыбкой. Им как раз сейчас нужны сухие веточки с сучками и пожухлая трава,... они мешают всё это с глиной и починяют свою плотину, а то она у них от жары покрылась трещинами!... Ну, я тебе всё сказала, а ты теперь сам решай, что тебе делать,... всё, я пошла,... удачи... – хитро подмигнув, посоветовала лиса и, вильнув своим пушистым хвостом, словно опахалом, мигом удалилась с поляны.

Хомяк остался один. И конечно сразу взялся размышлять, как ему дальше быть. Поступить, как лиса присоветовала? к бобрам за рыбкой сходить, или уж только ягодой удовлетвориться? Думает-думает, а рыбки-то ему всё сильнее хочется, ведь она свежая, влажная, аппетитная. Ну а ягода, честно говоря, уже подсыхать начала, солнце-то нещадно палит, прямо, как в духовке жарит.

7

И вот сидит так хомяк на солнцепёке, рассуждает, думает, голову ломает, да и не замечает, как за его спиной, посередь поляны, в самом её центре дымок занимается, вялой струйкой вверх поднимается. В этом месте как раз особенно много пожухлой травы скопилось, она тут плотными пучками, словно вата лежит. И до того иссохла, что тлеть начала. Ну а если тлеть начала, то тут и до пламени недалеко. А так и случилось. И минуты не прошло, как появился пер-

вый огонёк. Сначала слабенький, лишь один маленький язычок, но затем всё резко поменялось.

Хомяк даже оглянуться не успел, как за его спиной уже костёр полыхает. Разумеется, он сразу учуял запах горелой травы. В лесу этот запах всем хорошо известен, и все его боятся, ведь это первый признак большой беды. Вот и хомяк мигом встревожился; потянул ноздрями воздух, приняхался, и наконец-то обернулся, а там уже всю горит. Естественно хомяк сразу о всякой рыбке позабыл, оторопел, испугался, хочет убежать от огня, а ноги его не слушаются. Какие-то мгновения, считанные секунды, и огонь уже распространился на четверть поляны. Того и гляди к ближайшим деревьям подступится, и тогда уже не трава, а весь лес запылает.

И тут до хомяка дошло, что крупный пожар начинается, всеобщее бедствие надвигается, гибель лесу грозит, а виной этому его неряшливость и разгильдяйство с жадностью. Вот кабы он поменьше жадничал, да на поляну лесных зверей пускал; ланей с косулями, зайчиков да белочек, то не скопилось бы столько иссохшего хлама. Косули с ланями, траву подъели бы, а зайчики с белочками да бурундуками убрали бы мусор от ягоды. Вот и не случилось бы пожара. А тут сейчас такое началось. Хомяк как всё это осознал, так заголосил что есть сил.

– Пожар!... Пожар!... Сейчас лес загорится!... Каруул!... Помогите звери добрые!... Спасите!... Не дайте погибнуть!... – кричит, вопит, и бежать пытается, но опять ни-

чего не получается. Лапки-то у него маленькие, коротенькие, в сухой траве путаются, вязнут, за опавшие сучки цепляются, прямо горе. Притом хомяк с перепугу ещё и не туда бежать собрался. Ему-то надо скорей через лес к реке с бобрами бежать, там у них спасения искать, а он к своей норе кинулся, в ней прятаться намерился.

А у его норы столько всякого мусора накидано-набросано, что и входа не видать, ведь не убирался у себя хомяк никогда, вот пожароопасный хлам и скопился. А огонь тем временем от центра поляны уже на другую сторону перекинулся, и как раз к хомяку направляется. С каждой секундой всё ближе и ближе. А хомяк по-прежнему кричит да всё лапками сучит.

– Караул!... Спасите!... Помогите!... Горю!... Пожар!... – сипит, хрипит, надрывается, до своей норы добраться пытается. Жуткая картина, надо сказать. Бедный, жадный хомяк, вот-вот за свои пороки поплатится. Огонь ему уже чуть ли пятки не лижет, жар стоит невыносимый. И ещё неизвестно, чем бы это всё для хомяка закончилось, если бы собравшиеся у соседнего ручейка звери дым не учуяли.

– Что это!?!... Никак горелым повеяло!?!... Уж не пожар ли случился!?!... – первым всполошился медведь.

– Да-да,... точно дымом пахнуло!... И притом от поляны хомяка!... Я только что на ней была и видела, сколько там всякой пожухлой травы скопилось!... Наверняка это она и загорелась!... Ох, беда нам,... не успели мы хомяка упре-

дить, придётся нам сейчас пожар тушить!... – мигом сообразив, в чём дело, воскликнула недавно вернувшаяся с поляны лиса.

– Ну вот,... надо было живее действовать,... а теперь придётся расплачиваться!... всё спорим и спорим!... так не спасёмся!... – испуганно запричитали барсуки, а с ними и все остальные звери застонали. Но медведь тут же всю панику прекратил.

– А ну тихо!... не суетитесь!... пока большого пожара нет!... Вон, дым лишь от поляны идёт,... а значит, всё ещё можно потушить!... С небольшим возгоранием справимся!... Ну-ка быстрее раздуйте щёки,... наберите полные рты воды из ручейка да скорей бегите на поляну пожар тушить!... Не дадим огню разгореться!... Нас много, вместе мы всё преодолеем!... А ну за работу!... – властно вскричал медведь и первым всем пример показал, полную пасть воды набрал. Да при этом ещё не забыл свою шкуру в лужу обмакнуть, чтоб в случае чего не воспламенится, разумный поступок. И все звери тут же последовали его примеру; набрали воды, обмакнули шкуры и помчались на поляну к хомяку.

Конечно, количество воды во рту одного бурундучка или белочки просто мизерное, даже костёр не хватит затушить, но тут-то столько зверей сразу собралось, пол-леса сбежалось, можно сказать, целая армия. И все воду набирают да скорей бегут, несут её на поляну. Медведь первым примчался и сходу на самый большой очаг пожара выплеснул, да вдо-

бавок мокрой шкурой затряс, брызги в разные стороны полетели. И тут же за ним следом барсуки подоспели, и тоже на очаг всю воду выплеснули. А там уж и другие звери примчались. Сплошным потоком пошли, словно лавина с гор. Только воду принесли, сходу выплеснули её, влажной шкурой потрясли, и сразу обратно бежать за новой порцией.

Торопятся, бегают туда-сюда, не дают огню с поляны на лес перекинуться, прямо на подступах пламя тушат. А хомяк еле-еле до норы добрался, забился в неё и сидит носа не кажет, испугался до ужаса. Но звери общими усилиями с пожаром всё же справились; капелька по капельке, глоток по глотку, затушили пламя, лишь недогоревшие сучки на земле дымятся. Вот их ещё бы надо водой окропить, а бедные звери уже устали, запыхались. Один только медведь раз двадцать за водой сбегал, а что уж говорить о быстроногих зайцах и косулях, они вообще раз по сто сносились, вымотались все.

И тут на помощь обитателям леса пришла сама природа. Нежданно-негаданно грянула гроза. Вдруг всё потемнело, заблестели молнии, раздался гром и с небес обрушился невероятный ливень. Бушевал минут пятнадцать, лил как из пожарного брандспойта, все оставшиеся головёшки затушил, ни дымка не осталось. И так же внезапно прекратился. Раз, и уже нет ливня, вновь солнышко светит и опять неумолимо палит. Звери стали приходить в себя от случившегося, и конечно сразу захотели видеть непосредственного винов-

ника пожара. Как обычно первым за дело взялся медведь, подошёл к норе хомяка и сурово так рявкнул.

– А ну выходи оттуда хомяк!... Есть разговор!... Теперь мы все к тебе пришли!... Деваться тебе некуда,... всех не загрызёшь!... Выходи,... надо бы обсудить твоё поведение!... – прикрикнул он, да как притопнет своей тяжелой лапой. У хомяка в норе аж чуть обвал не случился. Так что пришлось ему выбираться наружу. Вылез бедняга, и грустно так говорит.

– Э-хе-хе,... ну и что же вы мне сказать можете?... Начнёте ругать меня?... мол, я такой-рассякой за порядком не следил и пожар допустил?... Так я это уже и сам понял,... хорошо ещё, что вы вовремя примчались, потушили огонь,... иначе бы здесь всё дотла выгорело,... и я бы уже точно в своей норе задохнулся,... никакой ливень не помог бы,... ушло бы пламя в лес и спалило его!... Вы уж простите меня,... осознал я всё,... не судите строго, помилуйте... – стоит хомяк, кается, голову повесил, жалко на него смотреть, шкурка у него вся опалённая, чёрная, да ещё и после грозы мокрая, грязная. Печальное зрелище.

Ну и, разумеется, звери пожалели бедолагу хомяка, ведь он и так настрадался от своих пороков; жадности, лени, заносчивости и неряшливости, не стали его строго наказывать, лишь медведь чуток пожурил, слегка ругнулся, да и хорош. Ну а затем все принялись праздновать победу над огнём. Радовались, смеялись, веселились, да обсуждали, как они все

вместе ловко с бедой справились. На том всё и завершилось.

Хомяк же после этого случая сильно изменился, стал прилежным и добрым соседом для всех зверей. На поляне навёл порядок, разгрёб и убрал весь обгорелый мусор, а оставшиеся кусты ягоды взял под опеку, начал за ними усердно ухаживать, и те до наступления осени дали ещё один урожай. И вот уже его, этот урожай, хомяк раздал всем обитателям леса, нисколько не жалел и был особенно щедр. Ну а дальше всё так и пошло, ладно и складно.

Вот какую интересную и поучительную историю рассказал мне мой знакомый зайчишка. И знаете, что я подумал, а ведь и в нашем человеческом обществе встречаются люди своим поведением сильно напоминающие того хомяка; такие же алчные, злобные, неряшливые, ворчливые и вечно чем-то недовольные эгоисты. Притом живут они рядом с нами, в городе, совсем близко, в тех же домах, подъездах, квартирах. И тут нет ничего удивительного, ведь наш город очень похож на лес, только создан он не из древесины, а из кирпича, стекла и бетона.

Вот и выходит, что порочными качествами в этом бетонном лесу может обладать любой житель; хоть ваш сосед, коллега по работе, или просто какой-нибудь прохожий. Взглянешь на такого и сразу узнаёшь в его повадках все худшие черты героя этой сказки, ведь случается, люди точно также жадничают, стяжают, считают себя во всём правыми, грубят, скандалят, лезут в драку, но случись чего, так сразу кричат

«караул» и зовут на помощь. Прямо болезнь какая-то, и даже непонятно откуда она берётся, зато название для неё уже готово, назовём её «хомячковость»...

Конец

6. Сказка о мистических событиях происшедших с неким Феофаном, ханжам и нервным лучше не читать

1

Всё, что изложено далее, произошло во второй половине XIX века, в уездном городке N-ске, который затерялся на западных рубежах Малороссии, хотя вполне возможно, что и гораздо ближе к её северной окраине. Сейчас уже мало кто помнит, где точно находился тот городок, но то, что описываемые ниже события случились именно в нём – сомнению не подлежит. Впрочем, в те далёкие времена все уездные городки походили друг на друга, как две капли сливовой наливки, кою в тех же городках по осени и заготавливали в немереных количествах. И даже делалась та наливка из одного и того же сорта слив.

Так что, отведав такого напитка в одном городке, можно было смело утверждать, что в другом он будет точно таким же. Притом и трактирщики, и трактиры, где подавали сию наливку, были также неразличимы. Ну а что касемо прочего городского устройства, так и тут всё было одинаково; всё та же одна церквушка с погостом, одна городская

управа с городничим-мздоимцем, одна богадельня или больница на сотню, а то и меньше обывательских дворов, вот, пожалуй, и всё устройство.

Правда в некоторых городках имелись ещё и усадьбы с весьма зажиточными горожанами. И лишь это, за редким исключением, являлось основным отличием. Точно такая же усадьба имелась и в городке N-ске. А владельцем её был некто Муромцев Нифонт Игнатьевич, возраста лет пятидесяти, внешне импозантен, раскован, и для той местности, весьма состоятельный Коммерсант Наивысшей Квалификации. И тут сразу надо отметить, что сим хвалебным эпитетом, это он так сам себя называл.

– Я вам не какой-нибудь там купец, либо ярмарочный торговец!... Ни бакалейщик-лавочник, или негоциант-разъездник!... Я коммерсант с большой буквы, притом со связями в высшем обществе!... Да коли мне надо будет, я на любого здешнего чиновника в самой столице управу найду!... Там меня знают!... Я в таких кабинетах знакомство водил, что нашему городничему и не снилось!... Всех здешних в бараний рог согну!... – обыкновенно отведав сливовой наливки не раз кичился Нифонт своими связями в кругах верховной власти.

Бывало так разойдётся, что начинает поминать самого царя-батюшку, мол, он по случаю был у него во дворце на аудиенции и даже сам лично припадал к державной руке; не рукопожатно конечно, но всё же прикасался. В общем, по хмель-

ной лавочке любил Нифонт козырнуть столичными знакомствами. И ведь что интересно, все его рассказы подшофе были чистой правдой. Он действительно как-то однажды на спор с одним важным чиновником из госканцелярии попал в царский дворец, и определённо виделся с государем. При этом были многие свидетели, что присутствовали в тот день на аудиенции.

Проще говоря, люди видели, как Нифонт во время особого царского приёма отделился от общей толпы приглашённой знати и раболепной походкой подошёл к государю. Затем вежливо отрекомендовался, что-то там прошёптал и заискивающе поклонился. Отчего царь раскованно усмехнулся и милостиво протянул ему руку. Нифонт тут же припал к тыльной стороне ладони губами, и также быстро, робкими шажками пропятился спиной назад к общей толпе гостей, слился с ней и растворился, будто его не было.

Однако для всех так и осталось загадкой, что это за такой дерзкий смельчак подходил к государю, чего прошептал ему, и куда-то потом резко исчез. Хотя тот важный чиновник-канцелярист с кем Нифонт бился о заклад, прекрасно знал, что это за человек касался царской особы, что шептал, и куда затем делся, ведь чиновник из-за этого проспорил огромную сумму своего наследственно капитала, который столетиями собирал его род. Пришлось-таки чиновнику отдать Нифонт солидную часть родовых накоплений.

А Нифонт и рад, за один раз почти целое состояние заи-

мел. Никто не верил ему, что он сможет без весомой протекции пробиться на аудиенцию к государю, обмолвится с ним словом, да ещё и прикоснуться к нему. Немыслимые условия пари, никто бы не смог такое исполнить, а вот Нифонт сумел, у него был свой секрет для подобных дел.

– Я вам не какой-нибудь там индийский факир или балаганный фокусник, ... и даже не маг или шаман! ... Я мистик высшей категории! ... Мои способности сродни колдовским! ... Я человека так заговорю, что он с себя последнюю рубашку снимет и мне отдаст! ... Я ему такую иллюзию Рая внушу, что он меня за Христа почитать станет! ... – также во хмелю не раз хвалился он, и это тоже было правдой. Нифонт мог запросто уговорить человека дать ему займы, или просто подарить чего-нибудь ценного.

Случалось, увидит он красивую лошадь, и тут же к её хозяину с просьбой, дескать, дай покататься, страсть как хочется. И ведь не получал отказа, катался сколько ему вздумается. Уж такой дар убеждения у него был. Просто удивительно, все что захочет, выпросить мог. Но зато попробуй у него самого чего попроси, о, тут сразу на грубость нарвёшься. Такими словами тебя покроет, что уши в трубочку свернутся. Пощады в этом деле ни для кого не было; хоть городничему, хоть полицмейстеру, хоть казначею, хоть священнику, все от него по полной получали, потому и старались ничего у него не просить.

Нифонт даже налогов не платил, и никакой ревизор ему

не указ. Чуть что не по его, он мигом тростью в глаз, бац наотмашь, а у того синяк или шишка, и пожаловаться некому, ведь все знали о его связях в столице. Одним словом Нифонт чувствовал себя в городке вольготно, по хозяйски, никто и ничто ему не помеха. Он тут закон, всех под себя подмял. Но что ещё прискорбно для городка, так это наличие у Нифонта сына. Да-да, вот у такого пройдохи-ловкача, хитрована-колдуна, отпетого негодяя-мошенника, был сын. Звали его Феофан, а по отчеству, соответственно – Нифонтович.

Притом и характер у него ничем не отличался от батюшкиного. Такой же своенравный, наглый, отвратный, беспредельный и даже где-то жестокий. Точная копия отца, но только моложе его лет на тридцать, ему совсем недавно исполнилось всего лишь двадцать лет. Хотя он и за такой короткий срок успел столько всего несправедного натворить, что иному взрослому человеку за всю жизнь не свершить. Феофан был грешен; много врал и обманывал, он умел, и мозги людям запудрить, и обобрать их как липку. При этом в спорах и пари, так же, как и его отец, всегда хитростью одерживал победу. И вот здесь стоит упомянуть один весьма скабрёзный случай, что произошёл несколькими годами ранее.

2

В те времена Феофан ещё только подрастал, был совсем молоденьким юношей, можно сказать подростком. Однако уже в этом возрасте он весьма сильно интересовался жен-

ским полом, притом – в прямом смысле «женским». Удивительно, но ему нравились женщины уже зрелые, состоявшиеся, ни какие-то там девицы-сверстницы, а наоборот, набравшие соки жёны. Но, разумеется, не слишком перезревшие или перебродившие, а именно, как говорится, женщины в самом соку.

– Вот эти точно по мне, ... они уж и грех poznали, опыта в любовных утехах набрались, ... теперь пусть и меня позабавят, ... порадуют юношу своими прелестями, ... ха-ха-ха! ... А молодых девиц мне не надо, что с них проку, ... сконфужатся, ... скукожатся все, ... краской зальются и делать ничего не умеют, ... ха-ха-ха, ... ущербные они какие-то! ... – издевательски надсмехался он над одноклассниками, при этом, не забывая соблазнять зрелых женщин, а особенно замужних.

Уж непонятно отчего, но у него именно такой пунктик образовался; то ли потому, что матери он никогда не знал (Нифонт его ещё младенцем из столичной поездки привёз, можно сказать отнял от материнской груди), то ли из вредности, хотел всем семейным парам насолить, а может и ещё по какой причине, но только была у него страсть благовоспитанных матрон совращать.

И вот как раз в ту пору поселился в городке отставной прапорщик со своей немолодой, но ещё вполне не старой, красавицей женой. Детей у них пока не было, не успели обзавестись. Прапорщик постоянно служил, а жена дома по хозяйству хлопотала; обеды варила, за порядком следила, бе-

льё стирала. В общем, то да сё, недосуг им было детей растить. А тут оглянуться не успели, а у прапорщика уже возраст за сорок, и его с полным пенсионом в отставку отправили. Делать нечего, надо как-то к мирной жизни приспособиваться.

В столице жить дорого, оставаться там не резон, а вот в провинции самый раз. Тем более что прапорщик когда-то по молодости в этих местах уже служил, понравилось ему тут, сюда и перебрались. А жене его едва тридцать исполнилось, самый расцвет, налилась, всё при ней; и лицом-то пригожа, и фигурой-то ладная, и походка лёгкая, идёт, словно лебёдушка плывёт. Ну и конечно, Феофан не мог её не заметить. Как же такую-то паву пропустить. И всё, взялся за неё, проходу ей не даёт, караулит на каждом углу.

– Ах, какая цыпочка,... моя будет,... уж я ей задам жару,... ха-ха-ха!... Клянусь, не упущу!... ха-ха-ха!... – вновь хохоча, зарёкся он, и даже отцу про неё рассказал, мол, хочу ей овладеть. А тот его и отговаривать не стал.

– Вот это правильно, сынок!... Уж коли чего решил, то надо добиваться,... а я тебе помогу,... научу тебя одному мистическому заклинанию, супротив которого ни одна божья тварь не устоит; и будь то, хоть стоялый жеребец, хоть девица бывалая, хоть волчица дикая, пойдёт за тобой, куда скажешь!... Мне это заклинание наши предки завещали,... а они, сам знаешь, непростыми людьми были!... Так что владей навыками, а я тебе их ещё передам... – наобо-

рот, с большой охотой приветствовал Нифонт желание своего сынка-недоросля. При этом он и про их предков не со-врал, они и вправду непростыми людьми были.

В родове у них всё больше колдуны да ведьмы водились. Да и с чертями они тоже знакомство водили, а бесы с нечи-стой силой у них в приятелях ходили. Не без их участия Ни-фонт к царю-батюшке на приём попал, тут конечно без кол-довства не обошлось. Хотя говорить вслух в их семье об этом было неприято. Всё было окутано тайной, даже доходы и ка-питалы с колдовских сделок не подлежали огласке, всё скры-вал мрачный налёт мистики. Потому-то Нифонт и называл себя – Коммерсантом с большой буквы, это придавало его положению в здешнем обществе определённый вес.

Впрочем, такое бахвальство и в наше время общеприня-то. Вот глянешь на какого-нибудь нувориша; и дом-то у него огромный, и земельный участок необъятный, хотя ещё со-всем недавно он чуть ли не совсем босой ходил, а тут враз обогатился, и при этом всего лишь чиновник средней руки. Но зато кричит повсюду, мол, это всё он имеет только благо-даря коммерции, дескать, супруга у него весьма даровитый Коммерсант. А на самом деле, тут явно без взяток и чер-товщинки не обошлось, наверняка сатане поклоняются, хотя и в церковь ходят свечки ставить.

Одним словом сынок Нифонта все наследственные повед-ки своего отца успешно перенял, и в том числе научился очень ловко женщин совращать. Не прошло и недели, как

та благовоспитанная жена прапорщика стала оказывать Феофану знаки внимания. Пока значится сам прапорщик где-то на рыбалке или на охоте промышлял, она на крылечко выйдет, встанет сиротливо, и на Феофана поглядывает, как тот перед ней важно вышагивает да глазки ей строит. Притом видно как он нарочно спотыкается и смешно ругается. А она и рада улыбаться его чудачествам. Хотя замужним женщинам это не положено, нельзя усмехаться на ужимки молоденьких юношей. Но ей такой запрет не помеха.

Прошёл ещё один день, и она уже сама Феофану подмигивает, ждёт, когда он перед ней куражиться да флиртовать начнёт. Теперь уж и Феофан от души старается; гоголем ходит, взоры ей с намёками бросает, лукаво улыбается, свои ровные белые зубы демонстрирует. Тут-то она его к себе пальчиком и поманила. А он и не застеснялся, сходу к ней помчался.

– Чего изволите, барышня!?!... во всём рад вам услужить!... – подбегает, и с почтением ей говорит, а сам глаз от неё не отводит.

– Да это уж я у тебя хочу спросить, чем таким заслужила столь пристальное твоё внимание?!... вон как ты на меня смотришь,... не отстаёшь!... Только мой муж куда-нибудь удалится, как ты тут же покажешься!... Так что это ты мне скажи, чего ты изволишь?!... – мигом нашлась, чем ответить, жена прапорщика.

– Ой, ли?!... только ли я изволю?!... Ну не уж-то я вам

не интересен?... думаю, не был бы интересен, не вышли бы вы на крыльцо и не приветили меня!... А мне и надо-то от вас лишь одного, чтобы вы на меня смотрели да радовались,... хочу вам весёлую жизнь устроить,... чтоб вы, пока мужа нет, не скучали!... А коли уж на чистоту говорить, то вы мне сильно нравитесь!... Я вас как первый раз увидел, так сразу полюбил, честно и беззаветно!... Ничего мне от вас не надо, лишь бы вы улыбались!... – типичными ухажёрскими комплиментами разразился Феофан, и ведь что интересно, цели своей добился. Барышня-то очаровалась его признанием.

– Вон оно как!... вот уж не думала, что ещё способна вызывать такие чувства у мужчин!... Удивил ты меня!... Хотя и очень приятно,... спасибо тебе, ведь мне от твоего поведения действительно весело,... скучать не приходится!... – расчувствовавшись, поблагодарила его барышня. Ну а дальше – больше, завязался разговор. Феофан так и сыпет комплиментами, да не простыми, а с перчинкой, с ягодкой; про её румяное личико говорит, восторгается, о её стройной фигуре хвалебные рифмы слагает. Уж так разошёлся, что и не остановить. А барышня хоть и матрона бывалая, и, казалось бы, за свою жизнь всяких комплиментов наслушалась, но тут растаяла, потекла, словно сахарная горка. Ох, недаром же говорят, что женщина ушами любит.

Вот и получилось, что жена прапорщика всего за одну беседу с Феофаном безумно в него влюбилась. Ах, бедная

женщина, да если бы она знала, что он в той беседе заговорённые словечки вставлял и хитрые, коварные, колдовские приёмчики употреблял. В общем, свёл с ума бедняжку Феофан, и она уж на всякие скабрёзные поступки с ним согласна. А так вскоре всё и вышло. Соблазнил её Феофан, уговорил на измену, охальник. Подсыпала она мужу сонного порошка, да на сеновал к Феофану поспешила. Там-то они до утра амурными делами и занимались.

Следующим вечером всё повторилась. Изменщица мужу снова снотворного порошка подсыпала, а сама опять к Феофану на сеновал сбежала. Так дальше дело и пошло. Каждую ночь у них амурные приключения, а муж спит и ничего не знает. И всё бы ничего, да только в таком маленьком городке любовной связи долго не утаить. И месяца не прошло, как все уже знали, чем жена прапорщика с Феофаном на сеновале занимается. Ну и, разумеется, вскоре и сам прапорщик всё узнал. Добрые люди ему на ушко нашептали, пока он рыбачил. Ох, и взъерепенился он, удочки побросал и домой побежал. Примчался, сразу за ружьё схватился и к жене с расспросами.

– А ну отвечай, Евина дочь!... Правду люди говорят, что ты мне изменяешь, вражье племя!?... – в сердцах раскричался он и ружьё вскинул. А жена молчать не стала, ружья не испугалась.

– Делай со мной что хочешь,... стреляй, убивай, но таиться, у меня больше сил нет!... Люблю я его!... жить без него

не могу... – смело отвечает она и на колени упала, голову склонила, смерти ждёт. А прапорщик как услышал, что тут не просто измена, а его уже не любят, так ружьишко-то развернул, вмиг приспособился, да и в себя пульнул. Свалился как подкошенный, но, то ли он поспешил, то ли рука не твёрда была, а только не дострелил он себя, лишь покалечил; дробью в грудь попал и плечо изрешетил. Правда, крови много было, он потом целый год брусникой да клюквой отпивался, чтоб кровопотерю восстановить.

А жена-то как выстрел услышала да окровавленное тело мужа увидела, так сразу, словно прозрела; вон оказывается муж-то у неё какой хороший – её не тронул, а сам застрелился, и вся её любовь к Феофану вмиг прошла, разколдовалась она, слетело с неё заклятье, и она к мужу кинулась. Давай вопить, Бога молить, чтоб супруг выжил. Ну, он и выжил. Доктор примчался, хоть и старенький, но сноровистый попался, опытный, быстро кровь остановил, все дырки от дробинок зашил, плечо подлатал, да ещё и всего подорожником обмотал, а это лекарство хорошее, проверенное. Так что через неделю раненый на поправку пошёл.

Ну а спустя ещё несколько дней, и прапорщик, и его жена съехали прочь из городка. Дом продали и умчались в неизвестном направлении. Так для них всё и закончилось. А Феофану хоть бы хны, с него, что с гуся вода, ему вообще на всё наплевать, он ходит, посмеивается, своей белозубой улыбкой солнечные зайчики пускает. Получил, что хотел, и дальше

живёт, как ни в чём не бывало. И ладно бы такой случай последний был, так ведь нет же, после той истории и до нынешнего дня их ещё несколько десятков случилось. Вот какой негодник, этот Феофан.

3

Ну а как Феофану двадцать лет-то исполнилось, так он только ещё больше распутничать стал. Но при этом у него вдруг вкусы поменялись; если раньше его интересовали более опытные, умные, зрелые женщины, то теперь он неожиданно переключился на молоденьких и глупеньких девиц. Видимо такие перемены с возрастом произошли. Но что ещё удивительно, так это его внезапное увлечение собственным внешним видом и своим одеянием. В юные-то годы он предпочитал носить точно такие же одежды, что и его отец; простые, чёрные костюмы или строгие тёмно-серые сюртуки, вкуче с хромовыми сапогами, либо остроносыми туфлями, и всё, никаких излишеств.

– Такое одеяние придаёт нам ореол таинственности и налёт мистики!... Мы же с тобой люди необычные, а потому носить всё чёрное и строгое, нам к лицу!... Так пусть же горожане при нашем появлении чувствуют у себя лёгкий холодок по спине!... – неоднократно высказывался на эту тему отец и был прав. Порой, встретив его во всём чёрном, тёмным вечером, где-нибудь в переулке, местные жители испытывали тихий ужас и раболепное благоговение. Таким образом, мрачное гнетущее одеяние долгое время было некой ви-

зитной карточкой их семьи.

И тут неожиданно Феофан поменял свои приоритеты, вдруг вырядился в вычурный, расшитый бархатом кафтан. Притом приодел под него ярко-лиловую рубашу, в дополнении с канареечного цвета галстуком. Разумеется, брюки и обувь, были подобраны соответственно всему ранее перечисленному. И венчала сей вызывающий гардероб, шляпа цилиндр типа «шапокляк». О, это было нечто кричащее, режущее глаза и заявляющее о себе. От такого убранства, Нифонт, увидев сына, аж чуть слов не лишился.

– Да ты что ещё затеял?... Это же, какое злодеяние надо удумать, чтоб так обрядиться?... Ты видимо смерти моей хочешь?... Чем тебе наш чёрный имидж не угодил?... Что ты такое на себя напялил?... Кого насмешить решил?... – сбиваясь и путаясь, еле протараторил он.

– Ах, отец,... ну, что ты понимаешь,... ты уже устарел со своей чёрной гаммой!... Ныне ни один уважающий себя чёрнокнижник в траурное не оденется!... Веселей надо жить,... развлекаться,... хотя бы мантию с кроваво-красным подбоем носить!... Прошла та пора, когда я во всём тёмном возрастных вдовушек да почтенных жён соблазнял-добивался!... А сейчас я желаю с молоденькими позабавиться!... Ты мне помог,... многому научил, колдовские секреты передал, магические заговоры рассказал,... поделился знаниями, как пари не проигрывать, людей в транс вводить, воли их лишать и себе подчинять!... Спасибо тебе за всё, а теперь я

уж сам разберусь, как мне это применять!... Так что отойди в сторонку, отец,... мой черёд настал над народом куражиться!... ха-ха-ха!... – дерзко ответил Феофан и расплылся своей привычной, белозубой ухмылкой, явно давая понять, что отныне он самостоятельный, и в отцовских советах более не нуждается. На что Нифонт, хоть и чёрная душа, но всё же решил дать сыну ещё один добрый совет.

– Погоди-погоди, не спеши!... Ты ещё не все магические приёмы превзошёл,... не со всеми злыми духами знакомство снискал,... смотри, как бы тебе чёрная магия боком не вышла, ведь у любого заклятья есть и обратная сторона!... Ты же знаешь, что я весьма опытный в этих делах человек,... на том весь наш капитал создан,... богаче меня и тебя, пожалуй, и в самой столице трудно кого-то найти!... Но даже я ко всем колдовским делам осторожно отношусь,... и если есть возможность, то не применяю их, ибо за каждый магический приём потом приходится расплачиваться!... Колдовские силы за всё откупа требуют!... Так что может, ну их, эти твои амурные забавы!?... Лучше займись серьёзным, стоящим делом,... съезди в столицу, влейся в общество,... походи по салонам, познакомься с тамошними людьми, поиграй с карточными шулерами, сделай ставки, обмани их, обхитри, примени свои чары. Добейся от людишек прибыли, изыми их капитал, ведь они его всё равно нечестно нажили,... так тебе и оплата за него малая будет, всё с рук легко сойдёт,... вот это дело будет!... Ну а ты собрался тут провинциальных,

глупых девок пользоваться, а это даже по нашим меркам негоже, грех, ... бросил бы ты эту затею, не то потом беды не оберёшься... – запричитал Нифонт, отговаривая сына. Но тот, ни в какую уступать не хочет.

– Да полно тебе батюшка, ... успею я ещё в столице побывать да у тамошних толстосумов-богатеев карманы почистить! ... Мне ныне здесь интересно, ... да ты сам посмотри, сколько за последние годы молодой поросли повылезло, ... девки все румяные, пышные, красотки как на подбор! ... Пока я с вдовушками да матронами баловался, тут такой цветник образовался! ... Вот я под стать ему-то и оделся, ... юным девам такой наряд особо нравится! ... Ох, пройдуся я по городку, шороху наведу! ... Всех глупышек с ума сведу! ... Все они у моих ног лежать да визжать будут! ... Вот это будет победа, вот это для меня награда, вот где истинное наслаждение властью! ... А что проку с того, коли я из столицы лишних денег привезу, ... чепуха это всё, ведь у нас их и так с избытком, девать некуда, тратить не на что! ... А вот поохотится на здешних красоток, это мне по нраву, ... так что не взыщи, но я свой выбор сделал! ... – резко ответил отцу Феофан и поспешил пройтись прямо по центральной улице городка, как сказал, шороху навести.

4

Идёт Феофан по мостовой, выступает величаво, словно какой столичный денди, а не местный коммерсант. Голову задрал, грудь колесом выпятил, улыбку свою белозубую

на пол лица растянул, и для пушего форсу шляпу набекрень натянул, так у него вид ещё помпезней получился. Ну и, разумеется, тут же шепоток по всей округе пробежал, мол, сын Нифонта в такого франта превратился, что от его прежней серости и следа не осталось. Конечно, все и до сей поры, про него и так наслышаны были; и про его амурные похождения со зрелыми матронами знали, и про шашни с замужними дамами ведали, но, то был прежний, юный мальчуган-повеса, а тут такой роскошный молодец по городку идёт. И уж так одет, что любая молодёнькая дурёха от его пафоса с ума сойдёт.

Ну и вполне естественно, что повыскакивало тех дурёх со всех дворов немереное количество. Все хотят на изысканного пижона позарится. Глядят глупышки, и глаз оторвать от него не могут. А надо заметить, что Феофан действительно был хорошо собой, на лицо опрятен, светел, чист, а какие по малолетству прыщи случались так давно уже сошли. И с возрастом наоборот лицо его приятной гармонии набрало, а фигура стать получила. А уж любовного опыта у Феофана теперь столько, что на гусарский полк хватило бы, да ещё и осталось бы.

И вот идёт он весь такой шикарный по городку, а все местные девицы на него глядят, и наглядеться не могут. Тут и дочка галантерейщика, и кузина бакалейщика, и купеческие девицы-близняшки повыскакивали, и чиновничья поросль в бархатных платьицах высыпала, и даже городни-

чего старшая наследница, Фёкла, с младшей сестрой в окна уставились. Смотрят, выглядывают, и переговариваются, рты у них не закрываются. В общем, как хотел Феофан, так у него и получилось, навёл шороху. Полгородка девиц в него влюбилось, а остальные просто разума лишились. Ох, и произвёл он фурор, то всё в тёмном ходил, страх-тоску наводил, а тут прям всем девицам угодил.

Ну и конечно пока гулял, наметил себе парочку первых жертв; дочку галантерейщика и кузину бакалейщика. Уж шибко они ему понравились; румяные, круглоликие, пышные. А кузине бакалейщика как раз недавно шестнадцать годков исполнилось, расцвела вся, но ещё дурёха дурёхой, совсем смётки нет, только одни платья да причёски с туфлями на уме. А Феофану это лишь на руку, он для таких девиц и нарядился, форсу напустил. И недолго думая, в тот же вечер, в лавку бакалейщика направился, соблазнять его кузину. Хотя чего её соблазнять-то, ей только рукой махни, она и сама прибежит. Но Феофану лёгкая победа не нужна, ему покуражиться хочется, а потому он сразу с порога затеял с хозяином лавки витиеватый разговор.

– Доброго здоровьечка!... Давно я у вас не был,... всё недосуг зайти!... А тут гляжу, кухня-то у вас как подросла,... я-то помню её ещё девчонкой с веснушками!... И вдруг давеча на улице вижу, вон она, какая красавица стоит,... в розовом платьице, с рюшками, вся такая румяная,... да на меня смотрит, как я дневной променад совершаю!... Хо-

дил да размышлял, а не поехать ли мне в столицу?... может, там пожить остаться?... Но одному-то ехать скучно,... ну я и подумал, а что если вашу кухню пригласить,... кстати, где она?... – встав у прилавка, меланхолично так спросил он у бакалейщика. А тот как про столицу-то услышал, так аж весь в струнку вытянулся, ведь он-то о столице с малолетства грезил. А тут его кухню туда приглашать собираются, так он и подумал, а может и ему что обломится.

– Да здесь она!... в подсобном помещении товар считает!... У нас ныне прибыль хорошая,... разжились слегка, так что можно и в столицу съездить!... Ну а коли надо позвать её, то я мигом кликну... – дрожащим голосом протараторил бакалейщик и сходу в подсобку кинулся, а он детина здоровый, чуть все углы не посшибал, и уже там кричит.

– Аграфена!... выйди-ка к прилавку!... Феофан пришёл, видеть тебя желает!... – и секунды не прошло, как кухня выскочила. Вся такая раскрасневшаяся, пышная, на мучном и крендельках вскормленная, но юная, страстная, подвижная, так желанием и горит.

– Вы звали меня, Феофан Нифонтович?... – томно говорит она, а сама готова хоть прямо сейчас на него грудью лечь, так и прёт на него дородная. Феофан от неожиданности даже чуть отшатнулся от неё, попятился, но вмиг собрался и нашёлся чем ответить на столь жгучую страсть.

– Поразили вы меня сегодня, Аграфена Силовна,... я такой красоты давно не видел!... Вы верно слышали, что

по молодости я много страдал от любви,... у меня были одни неудачи,... не везло мне,... женщины всё недобрые попадались,... падшие, пользовали меня для своей надобности, а потом бросали!... Несчастный я,... думал уж и по-мру таким,... но тут вас увидел, и сердце оттаяло, я вновь в любовь поверил!... Как же мне теперь без вас жить-то, Аграфенушка,... отныне вся моя судьба в ваших руках,... как прикажете, так я и поступлю,... скажете уходить, я уйду и слова не возражу,... а прикажете, я навечно вашим слугой останусь!... Ну, решайте... – как обычно напустив амурного тумана для обмана, пролепетал он, надеясь произвести должное впечатление. И ведь произвёл, плут красноречивый. Аграфена от чувств аж прослезилась.

– Ах, ты Феофанушка,... молода я ещё, чтоб такие вещи решать-то,... но только и уходить тебе незачем,... ведь и ты мне люб,... вот говорю с тобой, а у самой сердце из груди прям так и выскакивает,... согреть тебя хочет!... Всю твою боль от прежних неудач унять,... пожалеть, утешить,... в этом я полностью твоя,... располагай, как тебе вздумается... – резко перейдя на более задушевное «ты», открылась ему сразу Аграфена. А Феофан и доволен, завладел девичьей душой, она уже и пожалеть его готова. Ну, он и дальше давай свою сеть плести.

– Ах, как я рад твоему согласию утешить меня!... Уж так я исстрадался, что мне теперь неволю ждатель-то,... а что если мы прямо сейчас пойдём да в городском саду погуля-

ем!?!... А я тебе там всё-всё про себя расскажу,... душу изолью, печаль свою поведаю... – жалобно так взмолился он, и в глаза Аграфене смотрит, словно побитый котик. Ну, она совсем и растаяла.

– Конечно, пойдём, друг ты мой сердешный,... уж я тебя пожалею... – под руку Феофана берёт и сама прям из лавки в городской сад его ведёт. А сад-то этот примечательный, там по устоявшейся в городке традиции влюблённые первые свидания назначают, а порой бывает, даже и невинность теряют. Так что тонкий намёк Феофана на амурные обстоятельства в городском саду, был Аграфеной верно истолкован. А потому до места они добрались быстро. Однако гуляли недолго, и едва стемнело, Феофан, наскоро проведя лёгкую лирическую подготовку, уже не сдерживая никакой похоти, утолил своё жгучее желание насладиться девичьими прелестями Аграфены. Всё произошло пылко и страстно, прямо как пишут в бульварных романах. Притом под яблонькой и в нежных ароматах цветущего сада.

Разумеется, для пышной Аграфены это стало выдающимся событием, тогда как для Феофана рядовой победой на амурном фронте. Хотя надо отметить, что победа была сладка, удовольствие он получил выше прежнего. Впрочем, останавливаться на достигнутом он вовсе не собирался. И тут же проводив Аграфену домой, направился по другому адресу, а именно, решил навестить дочку галантерейщика.

Как известно прощание с Аграфеной было недолгим, лёгкий поцелуй в уста и обещание скорой встречи вмиг уладили все формальности. Так что буквально через двадцать минут Феофан уже стоял под окном дочери галантерейщика и заливался соловьиной трелью, притом самым натуральным образом. Соловьиную трель он весьма талантливо имитировал, сразу и не отличить. Но Марфа (так звали дочь галантерейщика, следующую жертву Феофана) отлично знала, что он изошрён в этом деле, слышала его искусство на конкурсе местных свистунов, были и такие состязания, демонстрировать способности своего свиста.

А потому Марфушка практически сразу определила, что соловей ненастоящий, и поняла, кто в действительности стоит за этой трелью. Она как раз не спала, ведь была летняя пора, для Марфутки жарко, а ночами даже душно, и она вся распаренная в этот полуночный час только и делала, что представляла, как томится в объятых Феофана. Вот как он ей в душу-то запал. А тут в самый раз он у неё под окнами насвистывать начал, ну явно божий промысел. Хотя доподлинно известно, что здесь без нечистой силы не обошлось, ведь соблазнить за ночь сразу двух девиц, можно только с помощью чёрта или беса. И она, эта помощь, у Феофана была, уж он обучен всяким заклинаньям.

А меж тем Марфушка заслышав Феофанову трель, вмиг вспыхнула страстью немедля им завладеть. Впрочем, страсть в данном случае, наверное, слишком громкое слово, скорее

здесь больше подходит жадность, или даже алчность. Марфа прямо-таки алчела завладеть Феофаном вперёд прочих девиц. Ну, она же не знала, что будет уже второй после Аграфены. А потому, отворив настежь окно, без лишних слов, прямо как была, так и полезла наружу. Феофан, видя такую картину, сначала аж оторопел. Как так? На него из окна в одной ночной сорочке Марфа лезет, да не лицом, а задом наперёд, уж так ей сподручней лезть. Он только ручонки успел подставить, как она в них и впала, да сразу за шею его схватила.

– Неси меня в городской сад, Феофанушка, ... под яблоньку, сокол ты мой ненаглядный, ... спасу нету, как хочу тебя, вон как ты распалил мои чресла своей трелью! ... Да скорей неси, не то сейчас отец от шуму проснётся да в поиски кинется... – лопочет она Феофану на ухо, а сама от нетерпения грудью на него так и ложиться. Ну, Феофан парень неслабый, статный, косая сажень в плечах, подхватил её аки свинарь порося да скорей в сад поволок. Эх, молодость, силы невпроворот, здоровья выше крыши, вмиг в саду под той же самой яблоней, где ранее с Аграфеной кувыркался, он теперь с Марфушкой оказался.

В секунду осыпал её поцелуями, пристроился и, не издав более ни звука, молча, овладел девичьей непорочной красотой. А Марфушка хоть и была схожа с Аграфеной своей полнотелостью, но вот лицом намного отличалась, более свежа и пригожа была. Впрочем, сейчас при лунном свете в полумраке для Феофана это не представляло никакого интере-

са. Он охальник сделал своё дело, насладился, а затем также ловко подхватил Марфушку на руки, и даже толком не отдышавшись, поволок её обратно. А уж она, наконец-то утолив свой амурный голод, так ласково к нему прильнула, что по дороге чуть не уснула.

Однако перед домом Феофан её смачно встряхнул, и как она была в полудрёме, так он её в окошко и протолкнул. Марфушка на прощанье лишь глубоко вздохнула, послала ему воздушный поцелуй, да тут же в постель шмыгнула, раскинулась во всю ширь и вмиг уснула. Феофан же незамедлительно ретировался. А чего без толку-то стоять, дело-то сделано. Всё что наметил, произвёл, коварный соблазнитель.

Но изрядно устал, и притом не из-за любовного томления, а всё больше от изнурительного Марфушкиного ношения. То в сад её отнеси, то обратно доставь. Так что до дому Феофан добрался уже полусонный, и сходу в свою комнату направился, на кровать свалился и мигом в приятное забытьё погрузился. Уж постарался сегодня, так постарался, можно теперь и хорошенько отдохнуть. И всё бы ничего, да только это была лишь первая часть его плана, а с утра намечалась вторая, и надо отметить, без неожиданностей не обошлось.

6

Ох уж эта женская дружба, иной раз и не знаешь, как она обернётся; не то добром, не то разладом. А потому вполне предсказуемо, что с самого раннего утра две подружки, Аграфена и Марфутка, решили друг перед другом свои-

ми ночными, амурными подвигами покичится. Отоспались, и разом, как по команде, повыскакивав из своих домов, друг к дружке навстречу понеслись. Бегут и уже на ходу хвастаться начинают.

– Ой, что у меня вчера подруженька было!... Ты ни за что не угадаешь!... Ох, с кем я целовалась, миловалась!... – едва завидев Аграфену, уже кричит ей Марфушка.

– Ах, а я-то с кем видалась в поздний час!... Вот уж никогда не догадаешься!... – тоже на бегу вторит ей та. Встретились на полдороги подруженьки, и давай наперебой друг дружке о своих любовных похождениях тараторить. Только и слышно от обоих, как они Феофана нахваливают. Да он такой, да он сякой, обходительный, сильный, боевой, теперь навечно будет мой. Балаболят, упиваются, а от гомона друг друга-то и не слышат. Каждая только о своём и талдычит, а подругу слышать не хочет. Минут двадцать орали, и вот наконец-то до них дошло, что они об одном и том же человеке говорят.

– Да как же так-то!?!... Ну, не может быть!... Он же со мной вчера был!... Да я с ним в саду до самой темноты любви предавалась... – удивлённо заявила Аграфена, и на подружку вопросительно смотрит.

– А с ним после полуночи там обнималась,... да как же такое может быть!?!... Он, что же, нас обоих вчера обманом взял!?!... Ах, он кобель пархатый,... вот же мерзавец!.... – вдруг заблажила Марфушка, на что ей тут же возразила по-

дружка.

– Нет-нет!... Ты всё врёшь, не было у тебя с ним ничего!... Это ты специально придумала, чтоб мне досадить!... Он меня вчера проводил и сразу домой пошёл!... Я его всего вымотала,... ему не до тебя было!... – злобно воскликнула Аграфена, да руки в боки уткнула, по бабской натуре к драке приготовилась.

– Э, нет,... это ты всё выдумываешь!... Он весь вечер у меня под окном соловьём заливался, меня наружу выманивал, старался!... Уж я его пожалела, уступила!... Он так меня добивался, что ему о тебе и думать-то некогда было!... – тоже подбоченясь вскричала Марфушка.

– Ах, так!... по-твоему, выходит, ему думать обо мне некогда!?... А вот пойдём-ка, да у него самого и спросим!... пусть он нас рассудит!... – неожиданно предложила Аграфена.

– А ну, пойдём, спросим!... – тут же согласилась Марфушка, и давай сразу прихорашиваться. А меж тем уже народ собрался, всем интересно посмотреть, как молодухи ругаются. Люди уже смеяться над ними начали, мол, как обычно девки жениха делят. И тут вдруг, словно ясно солнышко на рассвете, на площадь сам Феофан, собственной персоной, в ярко-оранжевом камзоле выплывает. Одет с иголки, причёсан, припудрен, весь аки цветочная клумба французскими духами благоухает, амурные флюиды источает, вновь юных дев соблазнять желает.

– А в чём тут у вас дело, люди добрые?... В связи с чем сбор, горожане мои дорогие?... – мягонько так у народа спрашивает. Ну, люди тут же расступились и на подруг ему указывают.

– Да вот, известное дело,... молодухи жениха делят,... да всё никак не поделят... – потешаясь, отвечают люди.

– Ох, как интересно,... и кого же это вы делите, девицы-красавицы?... – лучезарно усмехаясь своей белозубой улыбкой, ехидно спрашивает у подружек Феофан.

– Да как это кого делим!?!... Да ты что Феофанушка, шутишь что ли!?!... Тебя и делим!... А ну говори, с кем из нас ты вчера был!?!... С ней, или со мной!?!... – опять наперебой загомонили подружки.

– Ха-ха-ха!... Ну, вы меня и рассмешили,... да разве ж я могу с кем-нибудь из вас быть!?!... да вы что ума лишились!?!... вы на себя-то посмотрите!... Вы девки деревенские, лавочницы,... а я красавец городской, не чета вам!... Видать, вы накануне пирогов с грибами объелись, вот вам и приснилась всякая небывальщина!... ха-ха-ха!... – поднял на смех подружек Феофан, да в отказную головой машет. Народ от его слов хохочет, заливается, на Аграфену с Марфушей пальцами тычет. Но и они не сдаются.

– Ну, нет!... Ничего нам не привиделось!... вон у меня свидетель есть!... Мой родственник, двоюродный брат, бакалейщик, видел, как ты вчера за мной в лавку заходил!... Так что не отопрёшься теперь!... – кричит Аграфена, и ку-

лаками воздух сотрясает. А Феофан ей в ответ.

– Ну и что, ... подумаешь, в лавку заходил, ... это ещё ни о чём не говорит! ... Я много где бываю, ... всего разного покупаю, ... может и к вам заходил, ... так что ерунда всё это, ... ха-ха-ха... – усмехаясь, отрицает он, и тут уж Марфушка возмутилась, молчать не стала.

– Ха-ха, ... а от меня ты не отвертишься! ... Ты вчера тут на всю округу соловьём заливался, меня соблазнял, ... все тебя слышали! ... А потом ты меня на руках в сад отнёс, ... люди нас видели, ... а вернее, человек один, ... он надёжный свидетель, так что теперь ты мой! ... и крыть тебе нечем! ... ха-ха! ... – воскликнула она, но Феофан опять в отказ.

– Ух, ты чего удумала! ... на руках тебя носить! ... Ну, уж нет, такую толстушку даже я не удержу, ... да и соловьём я уже давно не пою, ... навет всё! ... А вот что за человек нас в саду якобы видел, вот это интересно!?! ... Ну-ка расскажи? ... – вновь усмехаясь, спросил он.

– Как какой человек!?! ... а сторож-то в саду!?! ... Уж он-то наверняка нас ночью видел, ведь он там караулит и не мог нас не заметить, ... светила Луна, мерцали звёзды, ... было достаточно светло ... – мигом нашлась, что ответить Марфуша.

– А вот мы у него и спросим, ... с кем это вы, подруженьки, вчера обе в саду развлекались, ... с кем угодно, но только не со мной! ... Идёмте к нему, и сразу узнаем! ... – неожиданно предложил сам Феофан, и уже было собрался идти, как

вдруг из толпы голос раздаётся.

– А чего ко мне идти-то, ... вот он я, садовый сторож, здесь стою! ... Услышал, на площади народ гомонит, толпа собралась, ... ну я и пришёл, посмотреть, в чём дело, ... а тут вона что! ... Подружки спорят, с кем они вчера в саду вечер коротали, ... а я их обоих видел, и они с одним и тем же ухажёром были, ... сначала вон та была, племянница бакалейщика, ... а потом эта, дочь галантерейщика! ... На обоих насмотрелся, ... они обе там амурным делам предавались ... – важно так говорит сторож, и хитро ухмыляясь, усы подкручивает.

– Хм, ... это хорошо, ... это ты нам прояснил, молодец! ... Видел ты их обоих, но вот с кем, ты так и не сказал, ... ну и кто же с ними был-то? ... – эдак настойчиво переспрашивает его Феофан.

– Да как кто!? ... Чёрт с ними был! ... Я ещё удивился, ... подумал, померещилось с перепою! ... Сначала эта с ним под яблоньку шасть, ... а у него всё, как положено; и ноги с копытцами, и лохматый весь, и хвост стручком, и рожки на голове торчком, ... а уж как красив подлец, и в расшитый кафтан одет! ... Ох, и модник, чисто франт! ... А потом видел его уже с этой, ... он её на руках приволок, ... и тоже под яблоньку её бултых, да и пристроил! ... Ух, и ночка выдалась, ... я только креститься успевал, ... как-никак нечистая сила в саду завелась, ... думал, кого ещё чёрт принесёт, ... но, слава Богу, обошлось, ... более уж ничего не случилось ... – разве-дя руками, заключил сторож. А народ как про чёрта от него

услышал, так сразу расходиться стал, не жаловали в городке нечистую силу-то, побаивались. Зато Феофан ржёт, залива-ется.

– Так вы, кумушки, обе с чёртом дело имели, а на меня всё свалить хотели, да не вышло!... Ха-ха-ха,... вот вам наука,... не разевай роток, на не принадлежащий тебе кусок!... Не по зубам я вам!... Ну, вас к чертям,... ха-ха-ха!... – высмеял он подруг и дальше пошёл. Сторож за ним увязался. А Марфушка с Аграфеной стоят, и уж слова друг дружке сказать боятся, ведь кто знает, а может им и вправду нечистая сила голову морочила. Теперь девонькам не до Феофана, уж так получилось, что он вроде как и ни при чём, и теперь уже о них на весь город недобрая слава пойдёт, «чёртовыми невестами» назовут. Ох, и испугались они, да по домам разбежались.

Ну и поделом им, нечего такими неразборчивыми быть, с первым подвернувшимся негодяем под яблоньку ходить. Хотя секрет их ослабления очень даже прост. Оказывается, Феофан накануне сам лично подкупил садового сторожа. Посулил ему досыта горилки за его враньё, вот и весь разговор. Но зато, какой эффект. Да уж без подкупа в тёмных и гадких делишках невозможно обойтись. Однако Феофан и на этом всё никак не успокоится, ему ещё покуражиться хочется, свой план по совращению девиц продолжать собирается, ведь он-то сухим из воды вышел, его-то репутация незапятнанна.

А тем временем все прочие девицы городка, оставшиеся не у дел после яркого шествия Феофана по главной улице, продолжали о нём грезить. И дочка городничего, и племянница возничего, и даже кума ризничего, все они, плюс ещё много-много прочих дев, по-прежнему ходили под впечатлением увиденного. Феофан прямо так и стоял у них перед глазами. Весь такой красивый, статный, разодетый, опрятный, силы необъятной, и конечно мужественный, словно вороной жеребец. А им, провинциальным клушам, только такого и подавай. У них при виде его аж слюнки текли.

Ну а Феофан, прекрасно об этом зная, и не думает прекращать по улицам вышагивать да по площадям фланировать. После утреннего скандала с подружками-дурнушками и часа не прошло, а он уже снова на охоту выбрался, новых жертв ищет. Идёт и по разные стороны свои колдовские взоры бросает. А юных дев от них аж озноб пробирает. Уж что-то, а напустить амурного тумана Феофан умел. И вскоре ясно стало, что дочь городничего, Фёкла, определённо созрела для бурного романа.

Уж она и улыбается Феофану, и глазки ему строит, подмигивает, и ножкой кокетливо подёргивает. Знаки подаёт, дескать, я на всё согласна только возьми меня с собой, хоть до первого кустика, хоть до яблоньки или ёлочки какой. И наверняка Феофан взял бы её, и повторил всё то, что он проделал с предыдущими девицами, притом не один раз

и не только с ней, а ещё и многими другими молодухами городка, но тут случилось такое, что смешало все его планы.

Вдруг нежданно-негаданно на площадь, вдоль да по улочке, вышла юная девушка, стройней которой повеса Феофан отродясь не видывал. Идёт несуетливо, осанка прямая, непринуждённо ножку ставит, вышагивает изящно, аки балерина, да на вывески торговых лавок поглядывает, вроде как ищет что-то. Взгляд у неё устремлённый, никого вокруг себя не замечает, на Феофана ноль внимания, будто и нет его.

А лицо-то у девицы, красоты необыкновенной; не белил на нём, ни румян. Вся внешность натуральная, естественная, глаза огромные, взор открытый, выразительный, пронзительный. Хотя рот и нос не большие, простые, но зато аккуратно ухожены и гармонично на лице расположены. Волосы русые, пышные, серебром отливают, и тугую косу красотой наполняют. Сарафан на ней ситцевый, слегка распашен и ручной вышивкой украшен. На ногах у неё не туфли лаковые, а лапоточки плетёные, лыковой тесьмой окаймлённые. А оттого и походка летящая, всех с ума сводящая.

В общем, не девица, а сказка. Таких красавиц в столицах не встретишь, они только тут, на природе водятся. Истинное очарование. Ну и понятное дело Феофан от её ангельского вида враз осоловел, словно во хмелю очутился. В голове у него всё поплыло, смешалось, и он уж ничего и ничего кроме этой загадочной незнакомки видеть не хочет. А та

так мимо него и прошла, профланировала, не заметила его, а лишь возле галантерейной лавки остановилась, название прочла да вовнутрь зашла.

И вот тут-то Феофана, словно из ушата холодной водой окатило, он в себя пришёл. Но пока ещё не до конца, уж так ему девица в душу запала, и не отпускает. Любовь с ним случилась, и притом большая. Двадцать лет ходил никого не любил, даже колдовской амулет от любви на груди носил, да лишь репутацию зрелым женщинам крушил, а тут на тебе, раз, и влюбился. Устряпался, будто кот в квашню попал, и выбраться уже не получается, потому как такая любовь, только раз в жизни случается.

Впрочем, дело известное, история знает немало примеров, когда на самого отчаянного ловеласа неодолимая страсть нападает. Вон, взять хотя бы гусар, женщин у них прям с хоровод бывает, в очередь выстраиваются, а потом бац, и внезапно одна юная дева всё сердце любовью заполняет. И уж нет прежнего гуляки, а на свет появляется примерный семьянин. Хотя в данном случае дело совсем иное, ведь Феофан далеко не гусар, скорее он чёрту сродни, или того хуже, бесу. А оттого, он, как только томление к юной особе ощутил, так сразу весь переменялся. Теперь уж она его цель, и тут уж не до дочки городничего или племянницы возникшего, вообще не до кого дела нет.

Он в сторону прочих девиц лишь недовольно фыркнул, оскалился, гримасу состроил, дескать, полно мне с вами

в игрушки играть, опостытели вы мне все. Рукой наотмашь вскинул, будто канат оборвал, и мигом к галантерейной лавке шагнул. Встал возле неё, а вовнутрь не заходит, не решается. А как же иначе, ведь там Марфа, дочь галантерейщика, с покупателями общается, его увидит, сразу скандал поднимет, а ему сейчас этого не надо. Хватает и недовольных взглядов от дочки городничего. Уж та на него так злобно смотрит, что оторопь берёт, будто он от неё прямо из-под винца сбежал. У неё теперь к нему вместо обожания ненависть вспыхнула.

И в этом тоже нет ничего удивительного, такое тоже очень часто бывает. И девушка мстить обидчику начинает; за поруганные надежды, за несбывшиеся мечты, за необоснованные посулы, да мало ли за что ещё, да за всё подряд. Но Феофану, грубо говоря, наплевать на все эти рассказы дочки городничего, он ныне в юную селянку без памяти влюбился. Хотя сам ещё толком знать не знает, кто она такая, и откуда пришла. Притом самое обидное, мимо него прошла и даже не заметила, словно он пустое место. Ну как тут ретивое не разыграет, конечно, Феофана это сильно задело.

А тем временем прекрасная селянка все свои приобретения в галантерейной лавке сделала и наружу вышла, да сразу в обратную дорогу направилась, только сейчас у неё в корзинке покупок прибавилось. А Феофан за ней кинулся. Да идёт крадучись, чтоб никто не узрел, куда он путь держит. Виду не подаёт, что за девицей слежку ведёт. Так и шагает,

за ней наблюдает. Уже и площадь прошли, и на малую улочку перешли, а он по-прежнему украдкой ступает, осторожно шаг равняет. Вот уж и до околицы дошли, и тут девица, как обернётся да как сердито закричит.

– Ты чего это, бесстыдник, за мной следишь!... Полагал, я тебя не замечу!?!... Идешь, глаз не отводишь!... Сразу предупреждаю,... коль, что недоброе затеял, так брось, даже и не думай!... Я ведь за себя и постоять могу!... – сурово глядя на Феофана, предупредила она, и из корзинки, из-под покупок, ножик достаёт, дескать, смотри, что у меня есть. А Феофан всё равно не отступает.

– Да ты что!?!... ничего худого я не задумал!... Просто ты мне понравилась,... вот я и пошёл за тобой,... никогда тебя в нашем городке не видел,... ну и решил узнать, откуда ты такая взялась,... вот и всё... – отвечает он ей чуть смешливо.

– Хм,... это только тебе так кажется, что ты меня не видел,... на самом деле ты просто не замечал меня,... ведь в городке-то я много раз бывала,... да и тебя неоднократно видала!... Знаю, что ты за фрукт,... коммерсанта Нифонта сынок,... про тебя много всякого говорят,... мол, ты с женщинами плохо обходишься,... вред им от тебя, для них только одни страдания, семьи разоряешь!... Так что держись-ка ты от меня подальше, не то не помилую,... так резану, что голова с плеч слетит!... – вновь сердито упредила девица, а Феофан опять не отстаёт.

– Это ты правильно говоришь,... по молодости я с мно-

гими женщинами знаком был,... а юных дев, вроде тебя, и не замечал!... А тут вот решил поменяться,... и вдруг тебя увидел, словно вмиг прозрел!... Поразила ты меня своей необыкновенной красотой!... Кто ты и откуда?... скажи!... А я клянусь, зла тебе не причиню,... лишь добрую службу сослужу... – жалостливо так говорит, и руку в знак примирения притягивает.

– Ну, нет!... Мне твоей службы не надо, мне она ни к чему,... без неё жила и дальше проживу!... Есть уже у меня одна забота, и это мой отец, он здешний лесник,... мы с ним в лесу живём,... и никто нам не нужен!... Плохо только, приболел он,... с медведем неосторожно встретился,... тот ему сильно руку разодрал да ногу поранил,... зашивать надо!... Вот я в галантерейную лавку за суровыми нитками и ходила,... у нас-то дома простые, а они не годятся,... пришлось идти, а так бы век тебе меня не видать,... да и мне тебя!... И не ходи ты за мной, недосуг с тобой разговоры говорить,... отец ждёт,... лечить его надо... – окончательно отвергнув все ухаживания Феофана, дерзко ответила девушка и, быстро развернувшись, поспешила прочь из городка.

Феофан не решился идти за ней, ведь она ему ясно дала понять, что ей сейчас не до него. Но главное он всё же узнал, теперь для него не секрет, что она дочь лесничего, притом лесничего раннего медведем, а значит слабого, немощного, который не в состоянии постоять за себя и за дочь. И это обстоятельство весьма радовало и ободряло Феофана, настра-

ивая его на коварный лад.

Теперь оставалось только навести справки об этом лесничем, кто он, и где там в лесу живёт. Где именно находится его сторожка или дом, и как зовут его дочь. Ведь, в конце-то концов, Феофан действительно влюбился в эту юную свое нравную и дерзкую красавицу. Но ему даже его изысканный наряд не помог соблазнить её, у них совершенно противоположные интересы и вкусы, и для Феофана это большая загадка. Вот он первым делом и направился к своему отцу, тот человек опытный, всех и всё в округе знает, и на счёт лесника просветит.

8

Заходит Феофан домой и прямо с порога к отцу в кабинет направляется.

– Ох, что сейчас со мной произошло!... Я такого ещё никогда не испытывал!... Все твои колдовские заклятия и мистические заговоры по сравнению с этим просто ерунда!... Ни одна нечистая сила не даст мне такого подъёма чувств и восторга, что я сейчас испытал!... В общем, не буду морочить тебе голову, я влюбился!... Увидел её, и у меня внутри всё перевернулось!... у меня там пожар!... я просто горю желанием завладеть этой девушкой!... Хочу, чтоб она принадлежала только мне!... – восторженно завоскличал он, на что отец спокойно ответил.

– Ну, так и завладей,... тебе же это не впервой,... у тебя для этого всё есть,... твоя хитрость, твоя колдовская ха-

ризма, твой оккультный опыт, позволяют тебе это сделать!... Ты тоже внуши ей любовь,... делов-то,... и я даже догадываюсь, кто она,... наверняка дочка городничего,... думаю, ты просто захотел с ним породниться и тем самым подмять под себя весь городок. Ну что же, похвальное желание,... замечательное дело,... тебе непременно надо этим заняться... – несколько назидательно отозвался он. Однако Феофан тут же возразил ему.

– О нет!... отец, ты неправ!... Всё это мелочи по сравнению с той кого я сегодня встретил!... И эта беспросветно глупая дочка городничего, и сам этот примитивный городничий,... всё это ничто!... А та девушка она просто божественна!... Она, словно соткана из солнечного света!... в ней столько свежести и чистоты,... столько обаяния и естественной красоты!... У меня такое чувство, что в неё вложилась сама матушка природа!... Она ангельски обворожительна,... и она дочка лесничего!... – восхищённо подбирая эпитеты, заключил Феофан, отчего его отец чуть не поперхнулся сливовой наливкой, которую так приятно поглощал.

– Что-о-о-о!?!... – завопил он, – она дочь лесничего, этого здоровенного бугая, коего я знавал ещё лет этак двадцать тому назад!... Да он уже тогда был огромным и упрямым,... не давал мне с друзьями охотиться, где мы хотели,... не пускал нас в лес пошалить, покуролесить!... Помню, я даже на-травливал на него волков,... разумеется, тайно и колдовскими наветами,... но что там дальше стало, я не припомню;

то ли он перебил тех волков, то ли они сбежали от него!... Мне некогда было это уточнять, я тогда уехал в столицу,... меня звали более важные дела,... возраст, пришла пора собирать для себя солидный капитал, а без него никуда!... Что было потом, тебе известно,... там, в столице, я встретил твою матушку,... у нас родился ты,... затем пришлось оставить её,... она мешала моим делам, хотела разоблачить меня!... Но я вовремя выдал её замуж за того проворовавшегося чиновника, и их обоих сослали в Сибирь!... Впрочем, что мне тебе всё это в сотый раз пересказывать, ты и так всё знаешь!... В общем, я с этим лесником давно знаком,... даже дочь его видел,... они как-то однажды вместе заезжали в городок,... она сирота, мать у неё при родах померла,... а зовут её, по моему, Настасья, или просто Настя, как-то так!... И да, ты прав, есть в её внешности что-то первозданное, светлое, лесное, лучистое,... но я никогда не подумал бы, что она тебя так заинтересует!... – откровенно подивился выбору сына Нифонт.

– А вот, видишь ли, заинтересовала!... и не просто так, а я прямо-таки голову от неё потерял!... Не могу ничего с собой поделаться,... никакие заговоры не помогают,... глаза закрою, а она прямо передо мной стоит,... в мозгу отпечаталась,... в мыслях поселилась!... А ведь она меня чуть ножиком не зарезала,... грозилась!... ну и дерзкая!... Я к ней знакомиться кинулся, а она на меня нож достала, мол, не подходи, отпор дам!... Ох, какая смелая, такой девицы я ещё

не встречал!... – опять захохотал Феофан.

– Вот как,... даже с ножом на тебя бросалась!... Поосторожней с ней, а то и вправду голову потеряешь,... с такой девицей надо ухо остро держать,... они там с отцом в лесу живут, у них законы другие,... зарежет и глазом не моргнёт!... Тем более, кто знает, с какими силами они там дружат,... может им сам леший помогает, или кикимора болотная,... бес их ведаёт!... Ведь они там, в лесу, тоже все колдуны и друиды!... Так что может твои чары на неё и не подействуют!... – услышав про нож, вдруг обеспокоенно завокнул Нифонт.

– А мне всё одно, пусть хоть и зарежет,... тянет меня к ней со страшной силой!... Ах, Настенька, милая ты моя,... никому кроме меня не достанешься!... Она говорила, её отца медведь ранил, болен он ныне, слаб,... вот мне как раз сейчас и самое время завладеть ей,... не устоит она супротив моих любовных чар,... а будет артачиться, так силой возьму!... Нет у неё иного выхода, как только моей стать!... Мне бы лишь точно знать, где её искать,... где они там, в лесу живут?... Ты мне только направление подскажи, а дальше я уж сам найду!... Соберусь и пойду,... нет мне покою без неё,... пока ей не завладею, спать не буду!... – категорично заявил отцу Феофан.

– Ну что ж,... зная тебя, могу сказать лишь одно,... отговаривать тебя бесполезно,... уж если ты чего решил, то сотворишь обязательно!... А потому удерживать тебя не ста-

ну, ... иди, они живут в верстах десяти от излумены реки, ... по берегу пойдёшь и найдёшь, ... там недалеко сторожка есть, ... избушка небольшая, но приметная, ... сразу узнаешь! ... Но учти, если сейчас напрямки через лес по тропкам идти, то наверняка заблудишься, заплутаешь, ... так что рекой, берегом отправляйся! ... Однако перед этим я на тебя заклятье наложу, чтоб ты при любом стечении обстоятельств, при любом ранении, даже если тебя ножом проткнут, живой оставался! ... Чтоб любой порез или рана вмиг затягивалась и заживала, ... это для тебя сейчас самое необходимое, ... а то мало ли что, ... вон, как она на тебя с ножом-то бросалась... – строго заявил Нифонт и тут же, не тратя зря времени, начал над Феофаном обряд проводить.

Опоил его каким-то зельем, смазал ему всё тело какой-то мазью; не то ведьминым жиром, не то чёртовой слюной, в общем, чем-то связанным с нечистой силой, и заклятье стал читать. А как всё прочёл, обряд провёл, так быстро проводил сына, и спать улёгся, устал, уж больно много сил на заговор потратил. Да и поздно уже было, ночь на дворе. Луна светит, звёзды мерцают, но Феофану они самое то, в подмогу. Хотя все его мысли сейчас лишь на недоброе дело нацелены, плохое он задумал, нехорошее. Решил, во что бы то ни стало, этой ночью овладеть Настенькой. Любовь его только ещё озлобленной и жесточе сделала. И он покрался чёрной тенью к своей цели.

Однако справедливости ради надо заметить, что этой ночью не только у Феофана возникли злые намерения. Едва он вышел из дома и направился к реке, как тут же от ближайшего закоулка отделилась другая чёрная тень и двинулась уже за ним следом, в том же направлении. Такого поворота событий было трудно ожидать, но это состоявшийся факт, за Феофаном началась слежка. Впрочем, он был сейчас настолько поглощён своими мыслями, что даже ничего не заметил.

Пройдя строго тем путём, о котором ему говорил отец, Феофан, спустя всего час был уже на месте. Избушку лесника он нашёл быстро. В окне горел слабый свет. Настя с вечера ухаживала за отцом; зашивала ему рваные раны нанесённые медведем, делала обезболивающий компресс, и, не гася на ночь светильника, осталась дежурить у постели. Именно этот огонёк от светильника и заметил Феофан. Заглянув в оконце он сходу оценил обстановку и наметил план действий. Но не столь радикальный, как хотел ранее сгоряча, а более мягкий. Решил действовать не грубо с наскока, а коварно и с хитростью.

Быстро весь извалялся в листве из лесной подстилки, местами извоzilся в грязи и смоле, отчего сразу приобрёл жалкий вид. А острый нож, который он захватил на тот случай, если Настя будет сопротивляться, припрятал подальше за пазуху. Изобразил на лице страдальческую гримасу, припал на одно колено, скрючился весь, и постучал в дверь. Тем временем его место у оконца заняла шествующая за ним

от городка чёрная тень. А спустя ещё несколько секунд дверь осторожно отворилась и на пороге со свечой в руке показала Настя.

– Кто здесь?... – освещая пространство перед собой, тихо спросила она.

– Это я,... Феофан,... твой недавний знакомец,... не послушался я тебя,... тайком увязался за тобой, да упустил из вида и заблудился!... Плутал по лесу, пока совсем не стемнело,... а потом каким-то чудом вышел на огонёк из вашего окошка,... заглянул, а там ты!... Прости ты меня, непослушного,... уж я и так наказан,... избился весь, исколотился, пока в лесу плутал!... Пусти в дом хоть на минутку, отдохнуть, согреться,... водицы испить, и поведать тебе о своей любви,... прости,... измучился, сил нет!... Дай возможность повинится, всё рассказать,... не сердчай, не откажи,... может, я тебе ещё и пригожусь... – жалостливо так, но однозначно лживо, попросил Феофан, и это не подействовало на Настю.

– Ну, нет,... не пушу я тебя в дом,... не верю я тебе,... притворяешься ты,... вон какие у тебя злые искорки в глазах блестят!... Уж много я о тебе наслышана,... о коварстве твоём,... оставайся здесь подле двери,... а воды я тебе дам, ... да и тёплое одеяло принесу, чтоб под утро совсем не замёрз,... но в дом ни шагу... – словно чуя неладное, отказала ему Настя. И вдруг из глубины комнаты раздался голос отца.

– Не торопись отказывать, Настенька,... может он и вправ-

ду в беду попал, ... и ему, как и мне, помощь нужна, ... у любого человека должен быть шанс на исправление ... – подавляя боль, вступился он за Феофана.

– Эх, отец, ... добрая ты душа, ... я же тебе уже говорила, как он себя сегодня вёл, когда за мной шёл, ... крался, как матёрый волк, ... преследовал, ... сразу видно, что-то недоброе затеял, иначе бы открыто знакомился! ... А ты его жалеешь, ... э-хе-хе, ... ну, ладно уж, ... не могу же я тебя слушаться, ... впусти его, ... но только ни слова о любви, ... не хочу ничего подобного слышать! ... Попьёт воды и сразу, молча, ложится к печке отдыхать! ... Ну, может, ещё горячего чая ему сделаю ... – послушавшись отца, запустила в дом Феофана Настя. А тому только этого и надо. Он бочком-бочком да как гадкая змея вполз в комнату, и тут же в уголок у печки присел. Ждёт, когда Настенька ему воды подаст.

Меж тем отец продолжил рассуждать о том, что любого человека можно исправить и добрые поступки всегда окупаются. Ему было легче переносить боль, разговаривая с внезапным собеседником. Феофан, слушая его, живо взялся поддакивать. А спустя всего пару минут он уже совсем близко придвинулся к отцовской кровати. Настя дала Феофану воды, кинула ему тёплое одеяло, и теперь он, словно домашний пёс подле своего хозяина очень удобно пристроился у его ног. Согрелся, притулился к спинке кровати, и по-прежнему продолжал поддакивать искренним рассуждениям больного.

Так прошло ещё с десяток минут. Разговор лился рекой. Но вскоре усталость от столь философских рассуждений сделала своё дело, отец утомлённо закрыл глаза и уснул, а вернее забылся крепким сном. Настя осталась один на один с Феофаном. И вот тут-то он решил действовать уже радикально. Резким, сильным, ловким рывком, Феофан, словно коршун на жертву, накинудся на Настю со спины. Лево́й руко́й он зажал её рот, а право́й мигом достал из-за пазухи свой нож и приставил его к Настиному горлу.

– А ну тихо, ни звука, ... молчи и не дёргайся, не то враз прикончу и тебя, и твоего отца, ... проткну ему сердце, а над тобой ещё и поглумлюсь! ... Как видишь, теперь я, вооружён и опасен, ... не только ты умеешь с ножом обращаться, ... и правильно ты не поверила мне, ... почуяла подвох, ... не жалобиться я к тебе пришёл, а завоевать тебя! ... Ненавижу, когда мне отказывают, ... смирись девчонка, твоя судьба решена, ... этой ночью ты станешь моей, ... уж я от тебя не отступлюсь! ... Отныне ты моя добыча, и никто не помешает мне овладеть тобой, в этом деле мне равных нет! ... В амурных делах я сущий дьявол! ... Сказал, люблю, и точка... – несколько пространно и растянуто протараторил он на ухо Насте, и эта растянутость сыграла свою роль.

Настенька успела сориентироваться и прейти в себя от столь внезапного нападения. Она, воспитанная отцом в лесу, оказалась готова ко всяким неожиданностям, а потому зазря сопротивляться не стала и тоже схитрила; изоб-

разила испуганную овечку и покорно повиновалась напору Феофана. А он потихоньку, так чтоб не разбудить отца, стащил Настю к себе на пол, и не отводя ножа от её горла начал готовится к исполнению амурного обряда, того самого, что проделал он ранее с другими девицами. Уж так ему не терпелось овладеть Настей.

Однако Настя была далеко не согласна с ним, а оттого едва он стащил с себя штаны и буквально на миг ослабил свою хватку, она резко перешла в атаку. Перехватила нож, заломила Феофану руку, и одновременно ударила коленом по его оголённому причинному месту. Такому приёму её обучил отец ещё в самом детстве. Феофан же от того взвыл так, что в избушке заходили ходуном вековые брёвна. Настя, пользуясь этой паузой, вскочила на ноги и отпрянула в тёмную часть комнаты, куда не доставал свет от свечи. Разумеется, тут же проснулся отец. Бедняга спросонья не мог понять, в чём дело.

А тем временем Феофан очухался и тоже вскочил на ноги. В его руке по-прежнему блестел нож, ведь Настенька лишь отвела его от себя, а выбить не успела. Феофан обвёл комнату злым взглядом, однако Насти не заметил, она затаилась в тени. Ещё бы секунда и Феофан непременно кинулся бы на отца, его смерть от ножа была бы мгновенной. Но тут из тёмного угла вдруг показалось дуло ружья, при этом точно направленное в грудь Феофана.

– Ещё шаг и я застрелю тебя на месте... – следом за дулом

послышался уверенный голос Насти.

– Тихо-тихо, не шали, ... всё-всё, я понял свою ошибку, ... с тобой нельзя по грубому, ... и правильно твой папаша говорил, что меня исправит только доброта... – мигом оценив ситуацию, вновь лживо залепетал Феофан.

– Ну, хватит тут лить елей!... это тебе уже не поможет!... А ну пошёл вон, ... не то точно пристрелю, не помилую... – уже более сердито осекла его Настя, и даже для остротки ногой топнула. Отчего Феофан вздрогнул и попятился назад к двери, притом прямо как был, со спущенными штанами. Одно мгновение и он, споткнувшись о порог, уже кубарем катился прочь от избушки.

– Я ещё с вами не закончил!... я ещё вернусь!... – напоследок прокричал он кувыркаясь. На что Настя просто выстрелила в воздух. Эффект от выстрела был ошеломляющим. Феофан пулей выскочил на берег реки и помчался аки заяц от лисы, странно подпрыгивая и на ходу поправляя портки. А поправив задал такого стрекоча, что только пятки засверкали. Однако своего ножа из рук он так и не выпустил, ох и мерзавец. Настя же видя его паническое бегство, лишь рассмеялась, и, затворив за собой дверь, пошла вовнутрь, успокаивать бедного отца. Он пока так и не понял, от какой беды спасла его дочка.

В ту же самую секунду от оконца избушки отпрянула тёмная тень и торопливо удалилась вслед за убегающим Феофаном. Вновь началось его преследование той неведомой фи-

гурой. Ну а далее события развивались весьма непредсказуемым и даже мистическим образом.

10

Светало. Брезжил рассвет. Уже практически наступило утро, когда в дверь дома Нифонта, не стучась, а открыв замки своим ключом, вошло тело Феофана. Да-да, это было именно оно, тело, потому как туловище без головы, назвать полностью человеком нельзя. У него всё было на месте: и руки, и ноги, и живот, и пупок, и даже штаны на ширинке застёгнуты, а вот головы на нём не было. Оттого и стоит его называть лишь телом, а не самим Феофаном.

Итак, тело Феофана неспешно зашло в дом, и также неспешно уселось на кухне на стуле, вроде как чаю попить собралось. Жуткое зрелище, надо отметить. Чертовщина какая-то. Это вам не мёртвый «всадник без головы» из романа Майн Рида, привязанный верёвками к лошади, а то настоящий, живой, самостоятельно ходящий субъект. Это просто ужас. А меж тем разбуженный шумом в прихожей, вышел из своей комнаты, позёывая, сам хозяин дома, Нифонт.

– Феофан, это ты что ли!?!... и где же тебя черти носили!?!... шарисься до утра незнамо где!... – ещё не видя своего сына завосклицал он, направляясь в кухню. А там его ждал страшный сюрприз. Вместо сына он увидел за столом лишь его обезглавленное тело. Однако реакция Нифонта на это была более чем странная.

– Вот так дела,... всё-таки голову от любви ему снесло,...

ну вот как сказал, так по его всё и вышло, «Ах, отец, я голову от любви потерял», ... и вот результат!... Ох, и дурной же его язык,... теперь вот ходи, ищи, где он её потерял!... Тьфу ты,... bestия амурная... – ругнулся он, ничуть не удивившись, и стал оглядывать место отсечения самой головы. А вот там, что поразительно, никакого кровавого следа или шрама не осталось, всё зажило, затянулось и лысо, словно колено торчит, а не обрубок шеи. Вот какая штука.

– Это хорошо, что всё затянулось, как я и наколдовал,... никакого ранения, сплошное сращение тканей!... Ну, вот забота, теперь его голову искать, и сращивать её ещё потом с телом,... а я не выспался, трудно, помощник нужен!... Да уж, чую, тут без полицмейстера не обойтись,... надо с ним идти к леснику, и официально требовать, пусть тот вернёт голову,... наверняка он её забрал,... ведь Феофан вечером к нему же направился,... к его дочке пошёл,... ну я ж предупредал его, не связывайся с ней!... Э-хе-хе, не послушал меня,... ну да ладно, чего уж теперь говорить-то,... вот сейчас чайку попью и пойду полицмейстера на ноги поднимать... – как-то уж совсем нерасторопно пробурчал Нифонт и взялся чай на плите разогревать. Притом так обыденно, будто ничего и не случилось. Здесь рядом его сын без головы сидит, а он решил чаю попить.

Ну что тут поделать; у каждого своя реакция на такое происшествие, у простого родителя одна, а у колдуна-воителя связанного с нечистой силой, совсем другая. Меж тем про-

шло полчаса. За это время Нифонт попил чаю, умылся, оделся и наконец-то пошёл к полицмейстеру, благо тот жил неподалёку. Быстро разбудил его, сунул в руку банкноту крупного номинала, да рассказал, какое горе с его сыном случилось. Дескать, так и так, лесник злодей тому голову срубил да у себя дома её сохранил, а тело гулять отправил. Мол, тот лесник с лешим водится, и они вместе колдовским заклятьем балуются. Оттого сын без головы домой и пришёл.

Одним словом за взятку навёл на лесника напраслину. А полицмейстер, как банкноту в ладони ощутил, так, словно заново ожил. Вскочил, оделся, обулся и аж бегом, не жалея живота своего пышного, в участок помчался. Взял там, на подмогу, трёх обломов полицейских, соседского пса-ищейку, и, погрузившись со всей этой компанией в пролётку, понёсся по лесной дорожке к избушке лесника. Нифонт разумеется с ними. Правда, часть пути пришлось идти пешком, пролётка в зарослях застряла. Но всё же дошли, и сразу давай дверь пинками вышибать.

– Открывай, душегуб!... Отдавай голову!... Куда ты её подевал!?!... – орут во всё горло, а собака их лает, заливается. Шуму понаделали, будто при пожаре. Ну, Настя дверь им и открыла, да в недоумении спрашивает.

– Какая ещё голова!?!... Вы что, господа хорошие, с ума посходили, с утра пораньше двери ломаете!?!... Мало того, что ночью нас сынок Нифонта Игнатьевича чуть не зарезал, так вы теперь ещё гурьбой пожаловали, ... и сплошь полицей-

ские... – узнав в неожиданных визитёрах полицмейстера с Нифонтом, возмутилась она.

– Ага,... так значит, ты признаёшь, что мой сын здесь был! ... А ну говори, куда его голову подевала!?!... Он домой без неё заявился!... – сходу напустился на Настю Нифонт.

– Да что вы такое говорите!?!... Да, он был здесь,... я и не скрываю этого,... прикинулся больным, раненым, попросился на постой!... У меня у самой отец больной, медведем раненый,... ну и пожалел он вашего сынка,... велел впустить его,... а тот посреде ночи на меня накинулся, мол, люблю,... только моей и будешь,... и нож к горлу приставил!... Да это он меня чуть головы не лишил, а не я его,... насилу от него отбилась,... только ружьё и помогло его прогнать!... Он вон, по бережку со спущенными штанами так от меня и сбежал!... Уж если что, то я бы не голову ему отхватила, а просто пристрелила,... так-то!... – вновь возмущённо откликнулась Настя. Отчего настроение у полицейских и Нифонта сразу сменилось.

– Хм,... сбежал, говоришь!... Ну, это может быть,... ведь ни крови Феофановой, ни его духа, тут у вас нет,... иначе бы собака сразу учуяла,... а значит, ты правду молвишь!... Смелая ты девица,... моему сыну противостоять мало бы кто отважился,... а ты вон как!... Говорил я ему, предупреждал, чтоб не совался,... а он не послушался, оттого и голову потерял,... но не ты её срубила!... Гляжу я на тебя, и понимаю, что справится с Феофаном, у тебя не хватило бы сил, ведь

он здоровяк, тут мощь нужна,... а ты вон какая, стройная, тоненькая,... но боевая, молодец!... Ну да ладно,... вижу, не виновна ты,... иди уж, лечи своего отца... – рассудив, что причиной безголовости его сына надо искать в другом месте, заявил Нифонт, и резко вышел из избы. Полицейские с собакой конечно за ним последовали.

И тут вдруг пёс как взбесился; жадно повёл носом воздух, рванул к оконцу избышки, обнюхал его тщательно, мгновенно признал знакомый запах и резко бросился бежать вдоль берега реки. Естественно вся розыскная компания тут же пустилась следом. Так прямо и понеслись, не зная усталости и жалости к себе, бежали как подорванные. Запыхались, выбились из сил, но домчались-таки, аж до самой городской околицы, уж сюда их пёс вывел. И тут перед ними предстала страшная картина случившегося преступления; помятая трава, везде пятна крови и следы сумятицы. Полицмейстеру, многоопытному человеку в таких делах, сходу всё стало ясно.

– Вот здесь на вашего сынка и напали!... Была явная драка, повсюду признаки борьбы,... а вон и оторванная пуговка от кафтана,... точно вашему сыну принадлежала,... тут-то ему голову-то и отхватили!... А вот здесь его тело поднялось и само домой пошло,... вон, видны следы его хромовых сапог!... А вон ещё следы, и это уже от женских туфель,... но они никак не могут принадлежать дочери лесника, ведь та в лаптях ходит,... откуда ж у неё деньги на туфли-то!... А эти

по следам видно, дорогие и с каблуками, притом весьма тяжёлые, ... значит, их полнотелую хозяйку надо в городе искать... – хорошенько разглядев место преступления, уверенно заключил полицмейстер, и в ту же секунду пёс как по команде снова взял след.

Обнюхал отпечаток женской туфли и помчался дальше. Все естественно устремились за ним. Но бежали недолго, пёс несся быстро, а то место, куда он их привёл, поразило всех до бескрайности; это был дом городничего. Пёс лаял и рвался вовнутрь, словно сумасшедший, его неистовое рычание сходу стало будоражить всю округу. Делать нечего, пришлось вновь применить нестандартные методы проникновения в дом, проще говоря, вышибать в дверь. Особенно усердствовал Нифонт.

– Ломайте её!... Снесите к чертям!... Ради головы сына ничего не пожалею!... всех озолочу!... – кричал он, и полицейские повиновались. Вынесли дверь за две секунды. Пёс сразу ринулся вверх по широкой лестнице, ведущей на второй этаж в женские покои. Притом ринулся не абы куда, а напрямиком в комнату дочери городничего. Все гурьбой бросились за ним. А там, в комнате, на туалетном столике, возле постели, покрытая кружевной салфеткой, стояла на гранитной подставке голова Феофана. Нифонт мгновенно сдёрнул с неё салфетку, и пред всеми тут же открылось лицо его сына с той неподражаемой, широкой, белозубой улыбкой, что он всегда имел на устах. Да-да, голова Феофана, невзирая

на свою отдалённость от тела, весело улыбалась.

– Нет, ну вы посмотрите на него,... он и здесь смеётся!... Ну что за человек такой, ему голову отсекли, а он ржёт как лошадь!... Ох, Феофан-Феофан,... доулыбался-таки... – укоряюще воскликнул Нифонт, и взял голову сына в руки. Отчего тут же проснулась спящая рядом дочь городничего, Фёкла.

– А ну дай сюда!... он мой!... я его себе забрала!... Теперь он навсегда при мне будет,... нечего по другим девкам шагать,... я его вчера весь день выслеживала пока он по ним бегал,... аж к дочке лесничего совался!... Но я его выследила,... от меня не сбежишь,... что он, зря что ли, мне глазки строил, соблазнял да подмигивал?... я такого не упускаю!... теперь он навеки мой!... – вырвав у Нифонта из рук голову его сына, категорично заявила она и прижала её к своей груди. Тут и сказать-то нечего, диагноз нужен; не то девка ума лишилась, не то её любовь с ненавистью смешались да в порочную болезнь превратились, пока неизвестно.

Но одно ясно точно, это она вчера повсюду за Феофаном загадочной, чёрной тенью ходила-следила. А потом загнала его, как лиса зайца, на окраину леса, повалила, припёрла к земле сырой, да его же ножом ему же голову-то и отрезала, ведь она девка здоровая, под стать Феофану, силы ей не занимать, враз с ним справилась. А затем с собой домой голову его забрала, в качестве трофея. И пока трупного очо-ченения не наступило, выправила ему его неподражаемую

улыбку, вот и весь сказ. Так он и простоял у неё до самого утра с улыбкой на лице, на столике под салфеткой, словно украшение какое-то. Кстати, нож Феофана тут же в комнате под матрасом у Фёклы нашли. В общем, её полностью разоблачили.

Однако дело это щепетильное, тут ведь не простая мещанка мелкий проступок учудила, а дочка самого городничего беды натворила, разница большая, подход особенный нужен. А что делать никто не знает, случай-то специфический. Ни сам городничий, прибежавший с домочадцами на шум, не знает, как поступить, ни полицмейстер с подчинёнными выхода из создавшегося положения не видят, ни даже матушка Фёклы слова сказать не может. Все в замешательстве. Но Нифонт хитрая его душа, изворотливый ум, быстро сообразил, как ему даже из всего этого выгоду извлечь.

– Ладно, хватит вам тут голову ломать, как поступать!... Я всё сам улажу, ... только для этого надо свадьбу сыграть!... Уж, коли Фёкла его так любит, то пусть замуж за него и выходит!... Ну не так конечно, как он сейчас есть, без тела с одной головой, ... одной-то головой долго не налюбуеться, амурных отношений захочется!... Так что голову я к его туловищу прилажу, ... это дело мне под силу, ... раз-два и приращу, на то и заговор верный знаю, ... но вот только с его рассудком дело обстоит гораздо сложнее!... Ходить, говорить, кушать, пить и даже супружеский долг исполнять он, конечно, сможет, ... а вот мыслить, как прежде, уже не полу-

читься!... Скорей всего он так и останется непутёвым дура-
леем,... будет постоянно улыбаться да лишь о любви толко-
вать,... вот так-то... – рассудительно обозначил он будущее
своего сына, на что Фёкла аж радостным смехом зашлась.

– Ха-ха-ха,... ах, счастье-то какое!... Ведь мне больше ни-
чего от него и не надо!... Пусть только улыбается да о любви
мне говорит!... А уж как с ним амурными делами заняться, я
сама способ найду!... Лишь бы он рядышком был!... – вдох-
новлено пролепетала она и тут же отдала голову Феофана
Нифонту, чтоб тот её быстрее к телу приделал. И то правда,
пора всё на свои места ставить, ведь Фёкла девка здоровая,
дородная, раз уж сумела Феофану голову оттяпать, то и су-
меет найти способ, как с ним с приращенной головой счаст-
ливо прожить.

Денег у них с Феофаном навалом, куры не клюют. От ро-
дителей наследство переходящее; ведь и у городничего пол-
ны закрома, и у Нифонта богатства девать некуда, на сто жиз-
ней вперёд хватит. Так что пусть их детишки забавляются,
в свои амурные игрушки играют. Что собственно в послед-
ствие и произошло. Приладил Нифонт голову сына на место,
и тот мигом Фёклу полюбил, вот только увидел, слюнку пу-
стил, и сразу по уши влюбился. А та и счастлива сверх вся-
кой меры. Потом и свадьбу сыграли. Жизнь у них райская
началась. Они лишь в амурном блаженстве томятся, как сыр
в масле катаются, друг дружкой наслаждаются.

И даже детишки у них пошли. Правда, такие же лодыри,

как и их родители, никакой работы знать не хотят, кроме как свои прихоти утолять. Бездельники, одним словом. Так вот и продолжился род коммерсанта колдуна-проходимца и чинуши городничего-мздоимца. Более того, судя по нынешнему положению дел, этот род, так до сих пор и продолжается. Прошёл, проскользнул через все перипетии времён и здравствует поныне. Посмотришь на сегодняшних нуворишей-чиновников, и всякое сомнение сразу отпадет; вот они «Феофаны», «Нифонты» да «городничие», здесь, никуда не делись, живут, будто у них нет ни головы, ни сердца, ни души.

Но хоть одно хорошо, после всех тех событий в городке N-ске девок уже более никто не совращал, все они жили прилично, чувствовали себя отлично, особо не тужили, и замуж удачно повыходили. Да и Настенька, дочка лесничего, тоже вскоре встретила своего избранника-суженого; отважный молодец и такой же лесничий, как и её отец. Тот кстати успешно вылечился, поправился и ещё долго лесу служил. Впрочем, и Настенька со своим возлюбленным супругом также немалую лепту в лесное хозяйство внесли. Жили они честно, на совесть, трудились в радость, на здоровье не жаловались, тяжких забот не испытали, любовь им во всём помогала, оттого и счастливы были, чего вам всем и желаю...

Конец

7. Сказка о середняке Филимоне и его внезапных злоключениях

1

Лет эдак сто тому назад, а может и больше, жил в одном небольшом селе на малоросской земле некий мужичок-середнячок. А то, что он был середнячком, проявлялось во всём; носил обувь среднего размера, ни мала, ни велика; комплекции тоже не выделялся, ни тонок, ни широк; да и возрастом был ни молод, ни стар, средний, лет тридцати. Притом и имя имел тоже не слишком выразительное, средненькое – Филимон, несложное, легко-произносимое, но в то же время, нечасто встречающееся. Вкруг-то всё больше Георгии да Иваны, а Филимон, он один на всё село.

Разумеется, и хозяйство у него было средняцкое; невыдающийся домишко, сараюшка с краю, такой же посевной надел, да огородишко для овощных дел. Коровка, кобылка, телега к ней, пара поросей, десяток курей и гусей, это тоже всё имелось и тоже всё такое средненькое. И даже жена у Филимона средненькая была, как раз ему под стать; не красотка, но и не уродина; ни худа, но и не толста, среднего телосложения, впрочем, как и роста. Зато работающая. Одним словом всё у Филимона было среднее. Хотя вот детей у него вообще не было, как-то пока не сложилось. Но Филимон с женой

по этому поводу особо не печалились, ходили в церковь, молились Богу и уповали на небеса.

– Ничего, придёт время и у нас дитятки появятся, . . . а сейчас значитя рано . . . – так рассуждали они и жили тихо, спокойно, своей середняцкой жизнью. Растили урожай, делали на зиму запасы, излишки отвозили в город на ярмарку продавать. Затем готовились к зиме, зимовали, потом весну встречали, сеяли-пахали, и снова всё по кругу шло. И так из года в год. И всё бы ничего, но вот однажды вышел с ними пре-странный случай, который изменил весь порядок их неторопливой и размеренной жизни.

2

Пришла очередная осень. Филимон с женой собрали новый урожай, сделали заготовки на зиму, а излишки, как это у них заведено, решили отвезти в город на ярмарку, распродать. Ну что ж, дело привычное, ничего необычного. Филимон запряг кобылку, снарядил телегу, усадил на неё жену, да помолясь отправились они в дорогу. Тут тоже ничего, из ряда вон выходящего, не произошло. Дорога знакомая, проверенная, кобылка резвая, быстро до ярмарки домчала-донесла. Приехали, разгрузились, на прилавок всё выставили, и давай торговать, покупателя зазывать.

А товар-то у них свежий, качество отменное, всё своё доморощенное; сметана густая, жирная, молоко-масло первостатейное. Куры, яйца, хлеб ржаной, овощи, зелень разная, всё превосходное. Деревенским ароматом пышет, поля-

ми-лугами дышит. Appetит нагоняет, сил добавляет. У покупателей аж слюнки ручьём текут. Ну и вполне понятно, что уже к обеду Филимон с женой совершенно расторговались. Ничего не осталось. Зато кошелёк деньгами полон. Тут-то Филимон и расплылся от удовольствия.

– Ну что, зазнобушка моя,... теперь давай, мы с тобой покупателями станем,... себе товара наберём,... не будем наши традиции нарушать,... идём, по купеческим лавкам прошвырнёмся!... Тебе новую шаль купим, а мне красную рубаху с расписными петухами, чтоб было в чём по селу пройтись!... ха-ха-ха!... – задорно усмехнувшись, предложил он жене, а та такому предложению только рада была.

– Ну а что,... заслужили,... хорошо потрудились,... теперь идём, себя потешим!... Хоть раз в год, но имеем право, обновки себе купить!... – поддержала она его, и подались они по ярмарке бродить, в купеческие лавки заходить. А надо сказать, что за несколько лет супружества у них вполне закономерно сложился такой обычай, после каждой удачной торговли обнови покушать.

И в этом тоже нет ничего противоестественного или предосудительного,

ведь в деревенской среде это часто практикуется. Все так делают. Товар продал, себе гостинцев набрал. А на ярмарке всяких разных гостинцев немало припасено. Уж местные купцы знают, чем торговать. Понавезли и ситца, и парчи, товару на любой вкус, все полки в лавках от него ломятся.

А у покупателей от такого изобилия, глаза в разные стороны разбегаются.

Вот и Филимон с женой тоже чуть косоглазие не получили. Зашли они в лавку с платками да шальями, а там этого товару на выбор, смотреть, не пересмотреть. Здесь и белые шали с синей росписью под Гжель да с золотыми кистями по краям, и томно-красные платки с цветками сродни Палеху и роскошной, ажурной бахромой. Ассортимент такой, что за день весь не перечислись. Вот и смотрят они, выбирают, между собой переговариваются, обсуждают, дружененько так, курлычут аки журавушки, воркуют словно голубки.

И тут вдруг в лавку заходит городская барыня со своим слугой, вся такая важная, расфуфыренная, нос до потолка задрала, деловая, а уж фигурой настолько полнотелая, что едва меж прилавками уместается, еле-еле проворачивается. Её слуга по сравнению с ней, словно вошь супротив таракана, тощенький, маленький такой, и весь её покупками увешанный. Видать уже успели ни в одну лавку зайти. Ну а барыня прямо с порога голос подаёт.

– Значится так, ... эй, Прохор, ... дай-ка мне шалей пяток да платков с десятков! ... И притом самых тёплых, расписных! ... Я в них зимой щеголять буду! ... Да смотри, чтоб таких больше ни у кого не было, ... не встречались и не попадались, ... не люблю повторов! ... А то в прошлый раз жене мясника почти такую же, как у меня шаль продал, ... вот позору-то было, ... я чуть со стыда не сгорела! ... Кто она та-

кая?... торговка ушлая!... И кто такая я?... барыня культурная, у меня только одно имение в триста душ!... Ну, смотри у меня... – обращаясь к хозяину лавки, протараторила она, да не замечая рядом с собой Филимона с женой, чуть ли на них не облокотилась. Хотела к прилавку прислониться, а получилось, что едва их не придавила, еле успели отскочить.

Филимон, от такой наглости городской барыни, хотел было возмутиться, что-то ей высказать, но жена не дала. Молча, за руку его взяла, сжала, дескать, ничего, не надо настроение портить, пусть себе возьмёт да уйдёт, а мы уж потом закупимся. Ну, Филимон и промолчал. А тем временем хозяин лавки Прохор, быстро расстарался. Отсчитал пять шалей, десять платков, попутно их расхвалил, изящно упаковал, плату за них взял, на слугу водрузил, и барыню низкопоклонно проводил. Всё на высшем уровне сделал, шельмец. Умеет покупателю угодить. И сходу опять к Филимону подскочил.

– Ну а вы сударь, что же, выбрали своей даме шаль?... – деликатно так спрашивает и подобострастно улыбается.

– Да пожалуй, выбрал,... вон эту возьмём, под Хохлому, весёлая расцветочка,... и к Новогодним праздникам хороша, и к Масленице, и к Пасхе подойдёт... – ответил Филимон и на жену поглядывает.

– Да-да,... подойдёт-подойдёт,... правильно говоришь,... эту возьмём... – скоренько подтвердила она. На том и рас-

считались с хозяином, забрали шаль и вон из лавки ушли. А настроение-то уже не то, хоть и шаль желанную купили, а прежней радости нет. Побрели они дальше, в соседнюю лавку, рубаху Филимону покупать. Ну не отступать же от намеченного, уж коли что решили, так надо выполнять. Заходят в лавку, а там рубах всяких немерено. И опять от выбора глаза разбегаются в разные стороны. Глядь направо, а там расписных рубах от потолка до пола навешано. Глядь налево, а там ими все полки завалены.

– А есть у вас красная рубаха с петухами?... да так, чтобы перышки серебром отливали?... – спрашивает у хозяина лавки Филимон.

– А то как же, уважаемый,... у нас всё для вас найдётся!... Взгляните на товар, весь перед вами висит,... непременно сейчас же подыщем ваш размер... – любезно кивнув головой, отозвался хозяин и тут же принялся товар перебирать, рубаху искать. А у Филимона от такой любезности вновь настроение поднялось. Да и жена приободрилась. Опять повеселели они и снова заулыбались. Но, увы, ненадолго.

Тут как назло в лавку вваливается местный полицмейстер-хам. Он здесь на ярмарке поставлен за порядком следить. Но он же и есть самая первая угроза для того порядка. Редкостный наглец и грубиян. Нет, он конечно перед господами пресмыкается, их-то он побаивается, а вот перед простыми людьми, барином себя ведёт. Всех шпыняет, притесняет, унижает, орёт. И вот эдакое чудище в лавку пожалова-

ло, и сходу в ор.

– Эй, Федот, грушу тебе в рот, а ну подь суды!... Мне новая рубаха нужна,... да непростая, а шёлковая!... Да чтоб бесплатно, не то закрою твою лавку к чертям собачьим,... ха-ха-ха... – явно с издёвкой пробасил он, и этак хмуро взглянул на Филимона и его жену, – а вы чего уставились, деревенщина?... А ну в сторону смотреть!... Я вам не красна девица на меня тарашиться!... – грубее прежнего гаркнул он на них.

Отчего Филимон и его жена мигом отвернулись и как по команде в стенку свой взор направили. Им даже в голову не пришло полицмейстеру перечить, ведь себе дороже обойдётся, в следующий раз он просто на ярмарку их не пустит, найдёт какую-нибудь пустяковую причину, придерётся и откажет в допуске. А меж тем хозяин лавки Федот, нашёл полицмейстеру подходящую рубаху, он уже знал его запросы, а потому вмиг и размер, и цвет подобрал.

– Вот-с, ваше благородие, ваша рубаха,... не извольте беспокоиться, всё как на ваш вкус и размер сшито!... Уверяю, и без примерки подойдёт,... будет сидеть как влитая!... И всё в подарок,... гостинец, так сказать, за вашу непомерно трудную службу!... – лукаво распинаясь перед полицмейстером провоскричал Федот, и сунул ему в руки уже упакованную рубаху.

– Ну, вот то-то же,... это дело!... Гостинцы я люблю,... а вот когда беспричинно пялятся на меня, ненавижу!... Ну,

бывай Федот, в брюхо тебе компот!... ха-ха-ха!... – вновь ядовито съёрничал полицмейстер тут же вышел из лавки, будто и не было его. Хозяин Федот наконец-то утёр испари-ну на лбу.

– Уф-ф-ф-ф,... вроде всё обошлось!... Ох уж мне эти его визиты,... то новую рубаху ему дай, то денег займи!... И как тут отказать, он же на ярмарке власть,... ему сам градоначальник сей пригляд поручил,... эхе-хе-хе-хе!... Ну а вы-то себе чего приглядели?... а то мне после такого визита не грех и на перерыв закрыться,... исподнее поменять... – перейдя к Филимону и его жене, чуть заикаясь, спросил он.

– Так нам-то что,... вон красная рубаха с расписными пестухами висит, её и возьмём... – тоже еле оправившись от такого визита, пробурчал Филимон и сразу деньги за товар достал. Хозяин тут же рубаху с полки снял, Филимону её отдал, деньги за неё забрал, и в подсобку убежал. Ну а Филимон с женой и задерживаться не стали, рубаху схватили и мигом на выход поспешили. На улицу выскочили, до своей телеги добежали, запрыгнули в неё, кобылку стеганули и рысью скорей из города понеслись. Ох, и поездочка же у них выдалась, врагу не пожелаешь, сплошные унижения, ни полушки хорошего настроения.

3

Был уже вечер, когда Филимон с женой вернулись домой. За всю дорогу они так ни одним словом и не обмолвились, уж настолько сильно их в этот раз в городе обидели. Хотя

и было это уже не впервой, всякое случалось. Бывало и «деревенщиной» обзывали, и товар их изрядно ругали, чтоб цену сбить, и даже их любимую кобылку иногда «клячей» называли, дабы уязвить. Но, то всё были не особо страшные выходки, можно сказать даже смешные, если конечно отнестись с юмором. Всё какое-то развлечение в их серой повседневности. Долго на горожан они не злились, сходят в церкву помолются, простят заблудших, и снова живут себе, не тужат.

Ну а на этот раз Филимон уж что-то сильно взъелся; всё молчит и молчит, только жвалки на скулах ходуном ходят, сразу видно, шибко злиться. Едва стемнело, а его жена уж оттаяла, сердобольная женщина, пожалела горожан убогих, простила и барыню грубую, и полицмейстера-хама, что обиду нанесли, и к мужу с доброй лаской обращается.

– Ах, Филимонушка, ... да брось ты о них думать! ... Ну, зачем кровь себе портить чёрной злобой! ... Ну их, к лешему, ... всё одно ведь хорошо расторговались, ... да и гостинцев и тебе, и мне купили, ... хватит дуться да грустить! ... Давай ужинать, ... я наливочки достану, ... посидим, поговорим, песни попоём, ... вечер складно проведём... – нежно так лопочет, и Филимона по его кудрям гладит. А он ни в какую не оттаивает. Сидит, надулся как мышь на крупу, и всё жвалками наяривает, да зубами скрипит. Тогда жена возьми да песню затяни, а уж это для Филимона последней каплей стало. Сорвался он, словно пёс с цепи.

– Да ты что, глупая баба, не понимаешь что ли, не до пе-

сен мне теперь!... Я, пока мы ехали, всю нашу жизнь по-другому пересмотрел,... прокрутил с самого начала и до сего дня,... и знаешь, что я увидел!?!... сплошную серость!... Мы с тобой никто!... тени серые!... ходим, пьём, едим, се-ем, жнём, а толку от нас никого!... Даже детей у нас нет!... живём зазря, лишь небо коптим!... И при этом всякая высокородная дрянь готова о нас ноги вытирать!... Ох, эта барыня толстомясая,... да она даже не заметила нас, словно мы пустое место!... А этот полицмейстер-мздоимец!... Ну, по нему же сразу видно, вор, взяточник, хапуга!... а туда же, нас ни во что не ставит,... будто мы для него овцы стадные,... твари дрожащие, только нами и понукать!... Ну, нет,... так дальше дело не пойдёт!... Не буду я им ничего спускать,... уж я им устрою отмщение!... Отольётся им обида моя горячими слезами!... – словно взбунтовался, разорался Филимон, да кулаками воздух сотрясает, того и гляди стол вдребезги расшибёт. А жена-то его таким никогда не видела, испугалась, и тоже в ор.

– Ты чего это удумал, Филимонушка?... неужто на смертоубийство пойдёшь?... душегубом станешь!?!... Айя-яй-я-яй,... остановись, не бери грех на душу!... Остынь, прошу тебя!... С утра в церкву пойдём, помолимся,... пусть батюшка тебя урезонит!... Ох, горе-то какое... – заверещала, запричитала она. А Филимон на неё взвился.

– Ты что болтаешь, глупая?... какое ещё смертоубийство?... Я просто подкараулю да дубинкой по рёбрам тол-

стомякую отхожу, ... посмотрим тогда, как она меня не заметит, ... ха-ха! ... А хама полицмейстера, дёгтём оболую с головы до ног! ... пусть потом попробует, покричит с залитым ртом! ... Ох уж и разозлили же они меня! ... Да и ты, своим нытьём радости не доставляешь, ... хватит причитать-то! ... А ну марш спать, а я верхом на лошадке обратно в город поскочу, ... уж я их там найду, ... уж устрою им, ... душеньку-то отведу, ... ха-ха-ха! ... – надсмехаясь, вскричал он, оттолкнул жену в сторону, чего раньше не бывало, и твёрдой поступью в сарай за лошадью отправился.

Серьёзно так нацелился этой ночью разобраться с обидчиками, даже сходу в сарае дубинку присмотрел и о бочонке с дёгтем задумался. Но жена за ним быстро кинулась, ей вовсе не до сна, видит муженёк совсем с ума сошёл, на ночь глядя, в город ехать мстить собирается. Хватает Филимона за руки, помешать ему норовит и опять верещит.

– Боже, Господи Иисусе, ... помоги, останови его неразумного! ... Не дай ему глупость совершить! ... Ах, Филимонушка, погоди, не грехи ... – вновь причитает, а Филимон ей в ответ.

– Ты Господа всуе-то не поминай, ... не поможет он тебе, ... да и мне он никогда не помогал, ... иль сама не видишь, как мы живём-то, ... серость беспробудная, ... все богатеи над нами издеваются! ... Эх, хватит терпеть да на Бога уповать, ... у него-то видать, глаза золотом засланы, раз он только богачам благоволит да благоприятствует! ... – с ещё

большей злобой отозвался Филимон, да вновь жену оттолкнул. Схватил с верстака седло и давай его скорей на кобылку прилаживать, подпругу пристраивать да стремяна выправлять.

А кобылка-то уставшая, только что с города их привезла, вот-вот из телеги распрягли, а тут опять хозяина вези, да ещё и в седле. Разумеется, ей это не понравилось. Она толком не отдохнула, сена вдоволь не поела, а её снова снаряжают. И только собрался Филимон к ней с уздечкой подойти, как она окончательно взъерепенилась. Со всего маха как лягнёт задней ногой по стенке сарая, так там доска в мелкие брызги разлетелась. Уж лягнула, так лягнула, от души. А самый крупный обломок прямо в лоб Филимону угодил. Да так ловко припечатал, что чуть голову не снёс. Естественно Филимон от такого удара вмиг с ног свалился. Упал как подкошенный и сознание потерял. Лежит, ни жив, ни мёртв. А жена бедняжка к нему кинулась, и опять верещит.

– Ох, убили, убили, моего сокола!... Проклятая кобылка копытом на тот свет отправила!... Ах, горюшко моё,... кормилиц ты мой ненаглядный,... да на кого ж ты меня покинул!... Аа-аа-а-а,... вот говорила же, не надо мстить!... Ох, не послушался,... теперь мёртвый лежит!... Ах, люди добрые, что же это делается-то?... аа-аа-а-а!... – снова причитает, руки к небу подымает. А шум от неё такой стоит, словно собачий рой скулит. От такого нытья даже мёртвый проснётся. Вот и Филимон от своей бессознательности вмиг очнулся.

ся. Сквозь обморок услышал её скрипучий голос, и в себя пришёл.

– Ой, да не вопи ты так, ... живой я, живой, ... только голова болит, раскалывается! ... У-у-у, ... противная животина, угробить меня захотела, ... ан не вышло! ... Да сними ты с неё седло-то, пусть отдыхает, ... никуда уж сегодня не поеду! ... Веди меня в дом, примочки делать, компрессы ставить ... – чуть приподнявшись, протараторил он и снова опустился на пол. Ну а жена его слушается. Мигом кобылку расседлала, сена ей ещё подкинула, дескать, извини за беспокойство, да опять к Филимону кинулась. Помогла ему подняться и домой повела.

А у того на лбу шишка размером с кулак соскочила, уж точно без примочек и компрессов не обойтись. Так всё и вышло; почти до самого рассвета меняла жена Филимону холодные примочки на травяные компрессы. Даже из погреба льда достала, наколола его мелкими частями да на лоб наложила, чтоб шишку свести. Лишь под утро Филимон чуть успокоился, боль сошла, и он забылся тревожным сном, бе-долага. Жена тут же рядом с ним прилегла. На том сей долгий день и закончился.

4

Часы уже пробили полдень, когда Филимон открыл глаза и тихо застонал. Да уж пробуждение было не из приятных. Голова сильно болела, а шишка расплылась по всему лбу. Однако столь печальное положение его наружности ни-

сколько не сломило его внутреннего душевного настроения. Там он по-прежнему клокотал от гнева и намерения расправиться со вчерашними обидчиками. Его негодованию не было предела.

– Ну, нет, меня никакой шишкой не остановить!... Я всё одно отомщу за себя!... Вот только ещё разок холодный компресс сделаю и непременно в город отправлюсь!... Как раз и кобылка уже отдохнула,... лягаться не станет,... уж я им устрою переполох!... – вскочив с постели, вскричал он, на что тут же получил ответ от жены.

– Хорошо-хорошо,... сейчас я тебе сделаю компресс, и ты поедешь мстить!... Но только как же ты на голодный желудок-то мстить станешь, ведь силёнок-то не будет!... А вдруг тебе отпор дадут, поколотят,... или что ещё хуже, в каземат посадят да в колодки закуют!... А этого допустить ни в коем случае нельзя, ведь у нас крыша протекает,... ты уж неделю как обещал починить,... да всё тебе недосуг!... А ведь скоро зима, и нам входить в холода с худой крышей никак невозможно,... замёрзнем!... – опять запричитала жена.

– Ох, уж мне эта крыша,... прям напасть какая-то,... уж чиню её, чиню, а она снова протекает!... Да её всю перекрывать надо, а не латать,... вот ещё забота!... Ну а ты конечно права, на голодный желудок мстить как-то несподручно,... ладно, будь по-твоему,... вот поем, крышу починю, а уж потом мстить поеду!... Не спущу я им обиды... – уже более спокойно пробурчал Филимон и стал ждать, когда жена ему

холодный компресс сделает. А та хлопотунья, вмиг со всеми делами разобралась; и завтрак на плиту поставила, и в погреб за льдом слазила, и всё-то у неё споро да скоро. Не прошло и десяти минут, а у Филимона уже и компресс на голове, и завтрак на столе. Уселись они да перекусили на славу.

А после сытной трапезы не грех и отдохнуть. Филимон снова в постель улёгся, ну и конечно вздремнул чуток. А как проснулся так ему и похорошело. Голова от ледяной примочки вроде совсем болеть перестала, а от перекуса подъём сил появился. Вот Филимон на крышу и полез, заплатку ставить. Уж обещал починить, значит, так тому и быть. Мужик слово держит. Взял инструмент, кусок доски, взобрался на самую верхотуру и давай заплатку мастерить.

Всё знатно сделал, ловко доску прибил, примастрячил, приколотил, дырку прочно закрыл. И только он завершающий удар по последнему гвоздю сделал, как вдруг, ни с того ни сего, равновесие потерял. Качнуло его, словно кто под бок толкнул. Ну, он с крыши-то вниз и нырнул. Слетел как воробей с ветки, и прямо в бочку с дождевой водой, что под карнизом стояла, угодил. Хорошо ещё, что в бочку попал, весь вымок, но цел. Даже ни единой царапины нет. Хотя не надо забывать, что на дворе-то осень стоит, вода-то прохладная, зябко. Ну, Филимон и заверещал.

– А-а-а-а!... холодно-холодно!... быстрее печку топи!... грей меня, грей!... – орёт подбежавшей на шум жене, и из бочки скорей выбираться давай.

– Ох, боже-шь ты мой!... Да что же с тобой такое делается-то!... Никогда с крыши не падал, а тут на тебе, свалился, ... ох-ох-ох... – заохала жена, помогла ему выбраться, да скорей побежала печь растапливать. А Филимон всё никак не уймётся.

– Да это всё ты виновата!... Заставила меня с больной головой крышу чинить!... и вот результат!... Ну что, добилась, ... теперь с простудой слягу!... весь мокрый, как лягушка на болоте!... Всё, больше не стану тебя слушать!... – прямо на ходу орёт на жену, сам того не понимая, что радоваться надо столь удачному падению, а не горевать.

Меж тем жена быстро печку растопила, раздухарила, в доме сразу жарко стало. Филимон сырую одежду скинул и моментально согрелся, от него аж пар пошёл. Разморило его. А жена для внутреннего согреву ещё и рюмочку наливки ему поднесла. Ну, естественно Филимон не отказался, принял и сразу обмяк. Потекла у него по жилушкам наливочка, наполнила нутро приятной негой. И минуты не прошло, а он уж опять задремал. Прямо на стуле у печи, как сидел, так и уснул. Жена его простыночкой прикрыла и сама отдохнуть прилегла.

5

Так незаметно, в полудрёме, они и вечер встретили. Тут уж Филимон очнулся, глаза открыл, видит, вокруг темнеет, сумерки пришли, и снова всполошился.

– Ах, я раззява, засоня, а не мститель!... Эй, жена, а ну-ка

давай, вставай!... сухую одежду мне подавай!... Я сейчас же поеду в город!... Ничего,... я этих воображал и в темноте достану!... Вчера не смог, так сегодня сподоблюсь!... – кричит, руками машет. После сна настрой у него вновь боевой. А жена тоже своего настрой не поменяла, не хочет его отпустить.

– Да погоди ты,... едва проснулся, а уж снова в бега,... дай я тебе на дорожку хоть пирожков настряпаю,... а то у тебя с голоду в самый ответственный момент в животе заурчит,... и это тебя выдаст, разоблачит,... вся твоя месть насмарку пойдёт... – вытаскивая из комода сухую одежду, упредила она. А Филимон ни в какую отступить не хочет.

– Э, нет, ты меня больше не проведёшь,... ничем меня не отговоришь, не удержишь!... Ждать мне некогда,... обойдусь без твоих пирожков,... а вот дело своё сделаю!... Уж отхожу барыню дубиною,... будет знать, как меня не замечать!... – вновь вскипел он, а жена ему в ответ.

– Ну, нет!... Не получится у тебя ничего,... барыня вон какая упитанная,... в ней жиру, что в трёх кабанах,... она твою дубинку и не почувствует!... Лучше уж оставь эту затею,... вот видит Бог, зря ты это удумал... – опять упредила она его. Но Филимон и слушать ничего не хочет.

– Да это ты лучше оставь своего Бога в покое!... Хватит уже им прикрываться, да поминать всеу,... всё равно от него никакой помощи нет, только вред!... Ну, вот за что он так со мной поступил!?... прямо ополчился на меня!... И дере-

вьяшкой-то я в лоб получил, и с крыши-то я упал, да в холодную бочку попал!... Лишь одна беда от него!... – сердито прокричал он, мигом оделся и в сарай за кобылкой побежал.

Уж на сей раз кобылка сытая и отдохнувшая была, сопротивляться не стала; дала на себя седло одеть, да и уздечку тоже безропотно приняла. Вскочил на неё Филимон и помчался что есть сил в город. Даже приготовленную вчера дубинку не забыл. Всё чин-чинарём, мстить, так мстить. И уж больше ничто и никто его не удержит, ни жена, ни крыша. Достанется сегодня от него обидчикам.

Однако не всё так просто, недаром же в народе ходит поговорка «мы полагаем, а Бог располагает». Иначе говоря, что бы мы ни задумали, над нами всегда есть силы, превосходящие нас по замыслам. Вот и сейчас Филимон полагал, что он всё продумал, всё учёл, но только он не знал того, что обстановка в городе сильно изменилось. Вместо спокойной, размеренной жизни, теперь здесь царил страшный переполох. Кругом шастали полицейские наряды и шпики, были выставлены караулы. Искали опасных преступников совершивших вчера дерзкое ограбление.

Ночью был безжалостно избит и ограблен один весьма состоятельный купец, который возвращался из своего загородного вояжа после важной сделки. Он имел при себе сногшибательную сумму денег, отчего собственно и пострадал. Ехал верхом на лошади, любил так кататься, и попал в расставленную ловушку с верёвкой. Упал на землю, вскочил на но-

ги, попытался оказать сопротивление, за что и был сильно избит грабителями.

Обчистили его до нитки, даже лошадь увели. Нашли беднягу только рано утром еле живого. Персона известная, поэтому-то и такой переполох поднялся. Сначала подозрение пало на цыган, ведь лошадь-то увели, но так как в округе давно их никто не видел, стали искать грабителей из местных. И тут под раздачу попал Филимон, прямо на въезде в город его задержал полицейский караул.

– А ну, стой!... Кто такой!?!... Откуда!?!... – на ходу схватив кобылку под уздцы, заорал громила полицейский из караула.

– Да я собственно селянин,... вчера мы с женой тут на ярмарке торговали, и я кое-чего забыл,... вот вернулся... – было начал нервно оправдываться Филимон, но полицейский резко оборвал его.

– Ага, как же,... так я тебе и поверил!... селянин он!... Да ты братец разбойник!... Вон, у тебя голова перевязана,... да и дубинка к седлу привязана!... Да ещё наверняка и лошадь ворованная!... Ты-то нам и нужен,... а ну слазь, идём в участок!... – рывкнул он, и в лёгкую выдернул Филимона из седла. Но тот не сдаётся.

– Да вы что тут все, обалдели что ли!?!... какой я вам разбойник?... Я селянин!... и лошадь эта моя!... А вот дубинка у меня как раз для разбойников припасена,... чтоб отбиться от них, негодяев!... Да что случилось-то?... хоть объ-

ясните... – пытаюсь вырваться из цепких рук полицейского, заголосил он.

– Ха-ха,... много будешь знать, скоро состаришься!... Все вы так говорите,... мол, дубинка у вас для обороны,... а на поверку, всё наоборот!... Ух, разбойничье племя,... а ну, не дёргайся,... идём со мной в участок, там разберёмся, кто ты такой,... посмотрим, что ты за селянин... – довольно улыбаясь, отозвался громила полицейский и поволок Филимона в участок. Всё вышло прямо, как жена предсказывала, попал Филимон в переделку. Но только не из-за урчания в животе, а по другой причине, да тут ещё эта дубинка. Хорошо хоть дёгтя взять нигде не успел, а то вообще бы беда. Ну, теперь уж ничего не поделать.

Привели Филимона в участок и сунули его в кутузку за решётку. Лошадку его на конюшню отвели, оставили на всякий случай на опознание, а вдруг она того ограбленного купца окажется. Хотя какое там, видно же кобылка рабочая, не для выездки. Но полицейские всё же перестраховались, такое у них зачастую случается. Кстати, тот состоятельный купец вовсе не ангелом был, частенько над сельчанами издевался, обзывал их «деревенщиной» и грозился плёткой высечь, в частности и Филимону угрожал, и вот попался грабителям. Однако Филимону от этого не легче, он прочно застрял в участке, о мести теперь не могло быть и речи. Его ждал неприятный разговор со следователем. Одним словом допрос.

А тем временем дела в городке становились всё напряжённей. Близилась ночь. Полностью сгустились сумерки. Темнота и призрачная тишина окутала улицы и дома городка. Хотя в одном доме было не так уж и тихо. Горел свет, а хозяйка дома сидела в кресле и непонимающе смотрела на своих внезапных, непрошенных гостей. И вот тут стоит сразу пояснить, что хозяйкой дома была та самая полнотелая барыня, что накануне обидела Филимона с женой, а её непрошеными гостями были те самые разбойники, что ограбили важного купца.

Примерно минут десять тому назад разбойники обманым путём проникли в дом, и, зашвырнув связанную хозяйку в кресло, теперь выпытывали у неё местонахождение ценностей; денег, золота, брильянтов. Кстати, проникли они при помощи прислуги. Как известно хозяйка была крутого нрава, не раз била своих слуг и служанок, за что те ненавидели её, а бежать от неё не могли, за это барыня засекала-запорола бы их розгами до смерти. Хоть крепостное право и отменили, но прислуга жила у неё на положении рабов.

А это чревато недовольством и глубокой обидой. Потому-то разбойники так легко и подкупили истерзанную служанку, которая потихоньку и впустила их в дом. Ну а дальше события развивались весьма непредсказуемым образом. Естественно сначала хозяйка возмутилась, мол, кто вы такие? какое имеете право, врваться на ночь глядя? ну и тому

подобное. Однако потом, после первого же крепкого щелчка по носу, поняла, что дело нешуточное и стоит быть более покладистой.

– А я ведь так и не поняла, чего вам надо?... не то денег?... не то золота, брильянтов?... – понизив тон, попыталась схитрить хозяйка, как можно глубже ужавшись своим огромным телом в кресло.

– Ага,... решила в глупышку с нами поиграть,... но мы-то знаем такие игры,... сейчас тебе будет не до них,... мы начнём тебя пытаться,... приготовься, толстуха... – грубо заявил один из разбойников. Он был небольшого роста, плечист, коренастый, и с рукой на перевязи. Такую перевязь носят, когда получают ранение или сильный вывих.

Двое других разбойников были ростом чуть выше первого, моложе его и стройнее, этакие крепыши атлетического сложения. По ним можно было сразу понять, что они являются вспомогательной силой, а коренастый над ними верховодит, попросту главарь. И надо отметить, он ловко ими управлял. Слегка повёл взглядом и один из атлетов тут же зашёл сзади хозяйки, накинул ей на шею петлю, вмиг затянул её, а остаток веревки привязал к спинке кресла.

– Ну, вот, теперь можно и продолжить,... Фердинанд, носи с кухни съестные припасы... – изуверски усмехнувшись, приказал главарь второму атлету. Тот сразу юркнул на кухню, а крепыш, уже обращаясь к хозяйке, продолжил свою речь.

– Вот все вы богатеи трясётесь из-за денег,... боитесь их потерять и стать бедными,... а только того вы не знаете, что самая главная ваша беда, это голод!... Он ваш самый безжалостный и жестокий враг!... Нет, не плётка или кистень заставляет вас молить о пощаде, а его величество голод!... Бедняк-то к нему привычен, и легко сладит с ним,... но именно голод не даёт вам покоя и сводит с ума подобных вам людей!... Боль можно перетерпеть, заглушить, унять, но супротив голода вы слабы, практически бессильны!... Привыкли обжираться за счёт других не зная меры, но всякому распутству есть предел,... вот мы сейчас и посмотрим на долго ли тебя хватит, тётка,... ха-ха-ха... – вновь усмехаясь, сурово пригрозил главарь. А в это время посланный им на кухню атлет Фердинанд принёс оттуда всяких яств и выставил их на стол прямо перед носом хозяйки.

– Ну что ж, а теперь господа, давайте-ка перекусим!... Мы тут надолго,... вся ночь впереди, а барыня по-прежнему молчит,... не изволит говорить, где у неё хранятся ценности... – указывая на стол, произнёс крепыш, и разбойники с аппетитом, да ещё и, поддразнивая связанную хозяйку, принялись поглощать еду. Тут-то для барыни и началась самая пытка. Голод моментально пробрал всё её существо, внутренности скрутило, живот свело, и она жадно затребовала пищи. – А-а-а-а,... дайте мне хоть кусочек курочки,... хоть ножку, хоть крылышко,... или хоть ломтик ветчины,... а-а-а-а-а,... ну, сжальтесь... – заныла барыня исходя слюной. А разбой-

ники лишь смеются над ней, да яства за обе щеки уплетают. Хозяйка вроде хочет к ним ринуться-кинуться, да петля на шее её не пускает. И чем сильнее она тянется, тем туже петля затягивается. Жестоко конечно, но что поделать, ведь простым людям от неё ещё хуже доставалась. Тем более разбойники предупреждали, что легко не будет.

– А-а-а-а-а, ... да не могу я уже больше терпеть, ... есть хочу, ... дайте мне хоть объедки, ... я на всё согласна... – почти задыхаясь, хрипя, вновь взмолилась она.

– Э, нет, ... не получишь ты ничего пока не скажешь, где ценности прячешь... – категорично отозвался главарь-крепыш, и прямо перед глазами хозяйки съел со вкусом молодой маринованный груздочек. Отчего бедная хозяйка чуть слюной не захлебнулась.

– А-а-а, ладно!... ваша взяла!... Вон там, за комодом спрятана секретная дверца, ... за ней ниша со шкатулкой, ... в ней-то всё и лежит; и деньги, и золото, ... забирайте изверги, только дайте поесть... – заскулила хозяйка, задыхаясь от жгучего желания немедля утолить свой голод.

– Ну, то-то же, ... другое дело, ... ха-ха, ... давно бы так!... А ну ребятки, взгляните-ка за комод!... правду ли тётка говорит... –скомандовал главарь, и заветная шкатулка с ценностями тут же была найдена. И секунды не прошло, как разбойники срезали на хозяйке все верёвки и мигом покинули её дом. Вот они здесь, и раз, их уже нет. А хозяйка с жадностью набросилась на всё, что осталось на столе. И ей уж

не до этикета, она прямо руками, без вилок и ложек, запи- хивала себе в рот объедки курицы, лафтаки сала, куски вет- чины. Хватала грибы, огурцы, капусту, салаты, и всё жевала, и жевала, чавкала и чавкала, до того голодная была. Правда при этом она ещё и громко стонала, пыталась звать на по- мощь.

– Ох-ох-ох,... по-мо-ги-те,... уф-уф-уф,... огра-би-ли... – стонала она, но её такой зов с набитым ртом больше походил на мычание коровы. Впрочем, и этого хватило, чтоб на него с улицы откликнулся проходящий мимо полицмейстер. Он как раз поблизости нёс дежурство, и через дверь, которую не успели закрыть за собой убегающие разбойники, уловил мычание хозяйки дома.

– Что такое!?!... что за шум!?!... И почему у вас дверь на- стежь открыта!?!... – вбежав в гостиную, где хозяйка кусками поглощала еду, прогорланил он.

– Меня огра-би-ли,... уф-уф-уф... – еле промолвила хо- зяйка, прожёвывая большой шмат ветчины.

– Что за чёрт?!... как так ограбили!?!... да у вас полный стол закуски!... – изумился полицмейстер.

– Да на меня напали разбойники,... не давали мне есть,... морили голодом,... и выпытали, где я храню деньги!... Они ограбили меня,... помогите их догнать,... они только что бы- ли здесь,... а я не могу оторваться от еды... – еле проглотив очередную порцию, протараторила хозяйка и вновь забила рот едой.

– Так-так,... значит, всё-таки ограбили,... да это наверняка те разбойники, что намеренно избили купца!... Надо их сейчас же поймать!... – наконец-то догадался полицмейстер и мигом ринулся вдогонку за разбойниками. Выскочил на улицу достал свой револьвер и давай палить из него.

– Разбойники!... Здесь разбойники!... Ловите их!... – вдобавок к стрельбе заголосил он и бросился бежать, куда глаза глядят. А на улице-то уже темно, лишь тусклые фонари горят, и где ловить разбойников неизвестно. Вот и забегали все караульные-постовые, всполошились, носятся туда-сюда, ищут супостатов.

Тут-то и нарвался наш полицмейстер на неприятности, попал под разбойничьи тумачи. Забежал он в подворотню проверить, а там как раз от его ора те трое разбойников прячутся. Он сразу к ним и револьвером машет. А они ребята ловкие, видят полицмейстер один без подмоги, и убегать от него не стали. Вмиг револьвер у него отобрали и так отходили его кулаками, что он и пикнуть не посмел. Правда, колошматили его только те двое атлетов, главарь-то не мог, у него рука на перевязи. Зато он сделал полицмейстеру вразумление.

– Да что же это у вас за привычка такая, револьверами махать,... чуть что, сразу стрелять!... Вон давеча, вчерашний купчишка, тоже наган достал, и давай палить!... Ручку мне прострелил, поранил,... отчего и получил по заслугам!... Отдал бы деньги, как сразу попросили, и был бы цел,

... а так пришлось проучить!... Вот и тебя, ваше благородие, надо уму разуму учить, ... нельзя в людей оружием тыкать, ... опасно это, ... понял, дядя!?... Ну, радуйся, на этом твои беды кончились, ... не тронем мы тебя более, ... вот только свяжем, кляп вставит, чтоб не визжал, да форму твою заберём!... А то поднял ты шуму своей стрельбой, ... из городка теперь просто так не выбраться... – вразумительно пояснил главарь, а уж Фердинанд с сотоварищем быстро выполнили все его наставления.

Форму с полицеймейстера сняли, кляп ему вставили и связали хорошенько. Фердинанд форму сразу на себя надел, и уже в роли полицеймейстера стал выводить своих товарищей из города. При этом на всякий случай прихватил ещё и револьвер. Теперь у них со вчерашним купеческим наганом два ствола получилось. Крепко вооружились. А с такой защитой они безбоязненно по всем улицам прошлись. И даже если их кто и замечал, то сразу обращал внимание на форму полицейского, и в потёмках в пререкания не вступал, пропускал. Так разбойники из городка и выбрались.

А как в лесок зашли так сразу и форму, и пистолеты выбросили. А зачем они им, ведь то были не какие-нибудь там закоренелые преступники-бандиты, а простые братья акробаты из бродячего цирка-шапито, который странствовал по разным городам. А это очень тяжкий труд, притом не всегда удавалось заработать. Так что братьям, дабы поддерживать цирк на плаву, приходилось дополнительно ещё и гра-

бежом промышлять. Но грабили они только самых вредных и зарвавшихся богатеев.

Братья заранее узнавали у прислуги о подобных индивидах, и уже потом грабили. Насилие применяли редко. Простых горожан-тружеников вообще не трогали, даже наоборот, часть добычи отдавали бедным, другую приберегали для цирка. Хотя это конечно не оправдывает их криминальных деяний, ведь грабеж, каким бы благим целям он не служил, так и остаётся грабежом. Притом ещё делом рисковым. Вот вчера, например, старший брат получил ранение. Вроде как наказание за грехи, теперь лечиться надо. Но как бы там ни было, их дела в этом городке закончились. Они поехали дальше, хотя переполох после себя оставили.

7

А меж тем жена Филимона не выдержала долгого ожидания и уже под утро почти бегом в город подалась. Благо на полпути её знакомый с соседней деревни подобрал. Он тоже с утра в город по своей надобности поехал. Увидел на дороге знакомую соседку и предложил подвести, а почему бы и нет, телега-то большая, места всем хватит. Да за разговорами и дорога короче. В общем, к полудню они были уже в городе. Ну, естественно, бабы-торговки с ярмарки сразу им рассказали, что ночью тут творилось, какой переполох был. И про драку, и про стрельбу, и про то, что одного на лошади задержали, всё рассказали.

Жена Филимона тут же смекнула, что тот задержанный

верхом на лошади, её ненаглядный муженёк. Ну и конечно бегом в полицейский участок помчалась. А там как раз разборки полным ходом идут. Час назад полицмейстера в одном исподнем, продрогшего и связанного в подворотне нашли. Быстрее освободили беднягу, и скорей горячим чаем с вишнёвой наливочкой отпаивать стали. А как он согрелся, дрожать перестал, так всё следователю и пересказал; и приметы разбойников, и какое у них оружие, и как они действовали, и как важному купцу за стрельбу отомстили.

Ну а следователь всё тщательно выслушал и сделал свои выводы; мол, разбойники народ ушлый, знают, кого грабить, просто так в драку не кинутся, притом сразу ясно, что разбойники залётные, и в городе не задержались, уже сбежали, и далеко, не догнать. Однако погоню для проформы устроить надо, а вот невинного сельчанина, немедля отпустить, да кобылку его ему вернуть, ведь всё равно её никто не опознал. Ну как следователь повелел, так и поступили, погоню снарядили, а Филимона отпустили. И так уж совпало, только его из кутузки освободили да лошадку вернули, как к нему сходу жена подбегает.

– Ах ты, горе моё луковое!... Ну чего же ты стоишь-то!? ... пойдём быстреей домой!... Ведь говорила же, не ездь в город, ... хуже будет, ... я тут такого наслушалась, что чуть с ума не сошла... – опять причитая, накинулась она Филимона, да скорей давай его от полицейского участка уводить. А он глаза от удивления выпучил и бурчит.

– А ты-то как здесь оказалась, зазнобушка моя,... я уж и не чаял тебя увидеть,... за ночь чуть не поседел, думал, уж на каторгу отправят,... всё проклял!... Ничего мне не надо, лишь бы с тобой жить и никого больше не видеть... – залепетал он, ведя лошадку под уздцы и едва поспевая за женой.

– Ой, так я тебе о том и говорила, сиди дома,... нечего в город лезть!... Да ты только послушай, чего я тут выяснила,... оказывается, все твои обидчики и без твоей мести наказаны!... Барыню грубиянку ограбили, и она чуть с голоду не померла,... а полицмейстера-хама так избили, что он всю ночь в одном исподнем в подворотне связанный пролежал!... Да к тому же ещё и купцу досталось, который в прошлый раз дразнил нас «деревенщиной»! ... Все тумачков получили, теперь зазнаваться не будут!... Ох, слава Богу, что всё так хорошо закончилось,... обошлось... – вновь запричитала жена, а Филимон опять с ней спорить взялся.

– Да что ты все Бог да Бог!... А где он был, когда я доской в лоб получил и с крыши упал!?... А когда я в кутузку попал, почему он меня не выручал!?... а!?... – снова разворчался он.

– Ну как же ты не поймёшь-то, что Он-то как раз всё это и сделал,... и это для того, чтоб ты не успел никому зла принести,... месть свою осуществить,... Он тебя от более страшной беды отвёл!... Ну, вот представь,... поехал бы ты позавчера вечером, как сначала собирался, верхом на лошади в город,... ну и всё, попал бы под горячую руку разбойникам!... Вместо того купца они обязательно на тебя бы на-

пали,... ведь ты, как и он, тоже верхом и по той же дороге ехал,... тебя бы с ним и перепутали!... Вот и хорошо, что ты дома остался,... хоть по лбу щепкой и получил, но зато крышу починил, и в бочке искупался, охладил свой пыл!... Ну а то, что тебя вовремя в кутузку посадили, тоже радость, спасение для тебя,... ну вот пришёл бы ты вчера ночью к бабыне с дубиной бока ей обламывать, а там разбойники,... и снова тебе для жизни угроза!... Или затеялся бы ты полицмейстера проучить, отомстить ему,... а ночью пальба была,... не ровён час застрелили бы тебя,... не разобрались бы и стрельнули, ну и всё, нет тебя, конец!... Так что я уверена, всё по божьему велению вышло,... видишь, как оно порой бывает; маленькие неприятности от большой беды спасают да от глупых поступков оберегают!... Ну а кому положено, тому и без тебя воздастся,... в общем, все твои обидчики наказаны, а сам ты цел... – вполне внятно и доходчиво пояснила жена Филимону, а он, и возражать не стал, приобнял её и пошли они скорей домой от греха подальше.

И ведь всё правильно сказала мудрая женщина, верно рассудила, так оно в жизни и бывает – каждый от своего поведения по заслугам получает, а небольшая беда порой от страшного горя спасает. Так что после этого случая Филимон намного умнее стал, и по любому делу с женой советоваться начал. А вскоре, то ли после перенесённого стресса, то ли на радостях, что всё обошлось, жена Филимона понесла, иначе говоря, ощутила под сердцем кроху малыша, заберемене-

нела она. Столько лет ничего, все старания напрасно, а тут на тебе, ребёночек зашевелился.

Ну, разумеется, счастью не было предела. Невероятная радость переполнила их сердца. А в положенный срок родилась у них двойня, мальчик и девочка, брат с сестрой. Однако и это ещё не всё. И года не прошло как у них в семье снова пополнение. Да так дальше и повелось, что ни год, а у них опять ребёночек. И детишки-то все ладные, brave, растут не по дням, а по часам, и уже родителям помогать норовят. В общем, семья большая получилась. И сколько у них детей родилось, настолько они и счастливее стали, чем больше детей, тем больше счастья. Как говорится, дом – полная чаша, чего и вам всем желаю...

Конец

8. Сказка о бенгальской тигрице, трёх её белых тигрятах и духе реки Брахмапутры

1

Когда-то давным-давно в незапамятные времена, в далёкой и загадочной Индии на берегах реки Брахмапутры жила одна очень молодая, но гордая бенгальская тигрица. И вот тут стоит сразу пояснить, что река Брахмапутра берёт своё начало в Китае, и только потом она протекает по заповедным местам Индии, где как раз и обитают бенгальские тигры. Также надо отметить, что Брахмапутра впадает в великий и священный Ганг, на берегах которого расположена жемчужина восточной Индии крупный город Калькутта. Но что ещё интересно, название реки – Брахмапутра состоит из двух слов, «Брахма» и «путра», что означает «сын Брахмы». Ну а сам Брахма является четырёхликим божеством, покровителем творческих натур.

Впрочем, речь сейчас не об этом, а той молодой бенгальской тигрице, что упоминалась ранее. И вот она, эта тигрица, в один из погожих весенних дней вдруг ощутила, что вскоре станет матерью. Ничего необычного конечно в этом нет, вполне нормальное природное явление, но только не в этом случае. И вот почему; обычно у тигриц такого ранга по-

является на свет порядка четырёх маленьких рыжих котят, а в данном случае у прекрасной рыжей мамы родилось трое очаровательных, но абсолютно белых тигрят. Такого на берегах Брахмапутры ещё никогда не было. В общем, событие неординарное и, разумеется, мама-тигрица была изумлена до бескрайности.

– Как такое может быть!?!... Ведь я простая тигрица, обитающая в привычном месте, и почему именно у меня появились такие детки!?!... Уж не вмешался ли в мою судьбу какой-нибудь злой рок!?!... Быть может, я чем-то прогневало божество покровительствующее тиграм и из-за этого оно послало мне такое проклятие!?!... Но что же мне тогда теперь делать?... я совсем растеряна... – засомневалась юная мать, и уже было собралась пойти просить совета у более опытной тигрицы, как вдруг с Брахмапутры повеял свежий ветерок и принёс ей ответ.

– Оставайся со своими детьми,... не ходи никуда,... не спрашивай ни о чём,... расти и воспитывай их, как и надлежит любой матери!... Это особенные тигрята, они отмечены богом Брахмой,... это по его воле они сотворены такими,... и это не проклятье, а благословление,... береги их и лелей... – лёгким дуновением пронёсся ветерок и исчез в зарослях. Разумеется, тигрице было известно кто такой Брахма, ведь она хоть и молодая, но осведомлённая, и знает, чьё имя носит река, на берегах которой она живёт. Однако сомнения всё же не исчезли, и тигрица вновь спросила.

– А кто это со мной говорит?... чей голос принёс мне ветер?... – тихо произнесла она и замерла.

– С тобой говорит дух реки,... я сын Брахмы, и я покровитель всего живого на этой реке,... она и названа в мою честь!... Я властитель её берегов,... а чтоб ты не сомневалась в этом, я сейчас же пришлю тебе знак!... – моментально прозвучал ответ, и в ту же секунду со стороны реки к убежищу тигрицы ветром принесло цветок лотоса с тремя большими белыми лепестками. Увидев этот знак, тигрица сразу успокоилась и стала кормить своих маленьких котят грудным молоком. А уж они к ней с удовольствием пристроились. Мордочками тыкаются, носиками сопят, причмокивают. Ну как на таких тигрят не порадоваться.

– Ах, они у меня какие милые,... ну и пусть что белые,... пусть не рыжие,... зато самым богом Брахмой отмечены,... его веленьем такими сотворены... – любуясь своими чадами промурчала тигрица, и больше уж ничему не удивлялась. Кормила их, заботилась, лелеяла, делала всё, как и просил дух реки. Хотя иногда у неё всё же возникало желание посоветоваться со старшей тигрицей. Однако чем больше она смотрела на своих маленьких котят, тем меньше ей хотелось кому-либо показывать их. И это правильно, ведь белые тигры в дикой природе очень редко встречаются, и зачем ими кого-то ещё удивлять. Тем более что такой цвет практически не даёт им возможности выжить.

Притом бывали даже такие случаи, когда матери белых

зверят сразу отказывались от них. Категорически не признавали и бросали на произвол судьбы. Вполне возможно, что и эта тигрица отказалась бы от своих белых котят, если бы не услышала голос духа Брахмапутры. Но слава индусским богам всё обошлось, и теперь тигрята росли не по дням, а по часам. Не прошло и недели как тигрята прозрели и стали вести себя гораздо активней. Начали играть, устраивать кучу-малу, и даже затевали догонялки, за что им особенно попадало от матери.

– Да что же вы делаете, котятки мои!?!... еле-еле ходить научились,... вон, лапки ещё дрожат, а уже бегать затеялись!... Слишком уж рано вы за это взялись,... вам бы ещё хоть немного в убежище посидеть,... а вы прям наружу так и рвётесь!... И не вздумайте выходить отсюда пока я на охоте,... там снаружи мир полный опасности и вражды!... Да вы у меня ещё и беленькие,... слишком приметные для джунглей,... вас будет легко поймать!... Вы даже спрятаться не сумеете... – не раз предупреждала тигрица котят, собираясь пойти поохотиться. А охотиться приходилось, ведь ей тоже требовалась подпитка, а иначе у неё быстро бы закончилось грудное молоко.

Ну а на охоту тигрица ходила раз в два дня, остальное время сидела со своими пушистикami и воспитывала их. Правда они её плохо слушались и всё больше занимались озорством и баловством, приходилось их одергивать. Впрочем, что в этом уж такого плохого, ведь всем маленьким ребят-

кам хочется пошалить, позабавиться. Вот и тигрятки, невзирая на свой белый цвет, росли непоседами и шалунишками. Случалось уж так разыграются, что тигрица была готова их хорошенько отшлёпать.

Но как таких симпатяг отшлёпаешь, мама только взглянет на них и уже всякое желание наказывать пропадает. И это понятно, ведь тигрятки такие миленькие, все из себя красивенькие, беленькие, в озорную полоску, мордашки пушистенькие, глазки большие, смышлёные. Ну, у кого лапа подымится на таких-то обаяшек. Но всё, как говориться, до поры до времени. Чем больше мама-тигрица давала спуску своим озорникам, тем шаловливей они становились. И вскоре это вылилось в одну не очень-то приятную историю.

2

Как-то однажды тигрица по своему обыкновению ушла на очередную охоту подкрепиться. Как всегда наказала тигрятам не выбираться за пределы убежища и вести себя тихо, дабы не привлекать к себе внимания. Но только все её указания не подействовали на тигрят. Они уже привыкли, что мама всё им прощает и, конечно же, поступили по-своему. А именно, едва мама ушла, как они опять расшалились и в пылу игры выкатились за пределы убежища. То есть практически оказались в диких джунглях. Поначалу они ничего особенного и не заметили. Играются себе в кучу-малу, и останавливаться не собираются. Но вдруг один из тигрят замешкался и огляделся.

– Ой, ребята,... а куда это мы попали?... похоже, мы уже не дома... – озабочено промяукал он.

– О-го-го,... да мы в зарослях, про которые нам рассказывала мама,... помните, она ещё говорила, что они опасные и враждебные,... и предупреждала нас не ходить в них... – чуть испуганно заметил другой тигрёнок.

– Да-да,... мама так и сказала, тут опасно и нас могут похитить наши враги,... ой, не к добру это... – подтвердил третий тигрёнок и теперь они уже все вместе поняли, что остались без защиты. Там в убежище, в кустах, их хоть стены из ветвей защищали, а здесь они оказались на виду у всех джунглей. Три ярко-белых пятна на сочно-зелёном ковре растительности, ну как их не заметить. Готовая цель для всякого хищника. Да тот же сетчатый удав или тигровый питон может запросто напасть. В общем, положение скверное, в любой момент может накинуться кто угодно.

Бедные малыши тут же сбились в кучу и стали обнюхивать воздух, пытаясь найти обратную дорогу домой. Так делают все кошки мира, и здесь уж нет разницы, домашняя ли ты Мурка или белый бенгальский тигрёнок, все в момент опасности ищут место, где им ничего не угрожает. Вот и тигрята старались его найти. Но не прошло и минуты, как со стороны реки из-за кустов стремительно выскочила мать-тигрица и сразу напустилась на своих чад.

– Ах вы, непослушные котятка!... Я же вам говорила сидеть дома и не ходить по джунглям!... Хорошо ещё, что я

пораньше пришла, ... заглянула в убежище, а там нет никого, ... благо быстро вас по запаху нашла! ... А теперь марш за мной домой! ... – строго прорычала она и мигом увела тигрят обратно в убежище. Ну а уже там она не скупилась на наказание, отшлёпала всё-таки ребят, наподдавала им как полагается. Но не больно, скорее больше для проформы, чем со злости. Хотя тигрята восприняли такое наказание очень серьёзно и после этого из дома уж ни на шаг не выходили. Даже наоборот, держались подальше от входа, и шалили намного аккуратней.

Впрочем, так продолжалось недолго. Через какую-то пару месяцев всё сильно изменилось. Тигрята изрядно подросли, поумнели, окрепли, стали уверенно стоять на лапках, и теперь уже сама тигрица начала выгонять их из дома, чтоб они постепенно привыкали к вольной жизни. Правда, во время таких вылазок она очень внимательно следила за ними. Более того, взялась обучать их премудростям тигриной охоты и другим важным навыкам.

Делала это тигрица деликатно и со знанием предмета обучения. При этом использовала приёмы разнообразных забав, в которые прежде игрались её малыши. Наглядно обучала их охотничьей хватке. Успешно развивала новые повадки. Объясняла, как следует делать схроны и засадки. А также показывала, как надо правильно содержать коготки в порядке. В общем, передавала тигрятам все свои накопленные знания, а уж их-то у неё было немало.

Однако времени на обучение постоянно не хватало. А всё потому, что на противоположном берегу Брахмапутры находилась рыбацкая деревня. Хотя не сказать, чтобы уж прямо так напротив она находилась, и даже совсем не рядом, а намного выше по течению. Но очень уж крупная деревня, чуть ли не целый городок, и опасность от её жителей, рыбаков, исходила нешуточная. Не самой конечно тигрице, а её трём белым, а потому слишком приметным, малышам. Вот и приходилось на время людской рыбалки вновь прятаться в убежище. Так уж выходило, что рыбаки на своих лодках, в поисках рыбы, сплавлялись вниз по течению и как раз проплывали мимо места обитания тигров.

Странное конечно соседство, но оно сложилось достаточно давно, а потому всё так и оставалось. Хотя вернее будет сказать, что это тигры здесь обитали очень давно, ещё, наверное, со времён сотворения мира, а вот люди появились здесь уже гораздо позже. Пришли откуда-то и поставили вверх по реке свою рыбацкую деревню. Они даже и не знали, что вторглись в естественное место обитание тигров. Впрочем, это вполне понятно, ведь тигры ведут скрытный образ жизни, и люди долгое время их просто не замечали.

Только спустя множество лет они вдруг обнаружили такое соседство. Однако деревню свою переносить не стали, ведь уже прижились тут, и не одно поколение рыбаков выросло на этих берегах. Так что соседство продолжилось, но только с той разницей, что люди теперь стали вести себя намно-

го осторожней и наблюдательней. Во время рыбалки внимательно следили за противоположным берегом, чтоб в случае появления тигра суметь дать ему отпор. Так и жили, не тужили, и в дела друг друга не влазили. Тигры охотились, а люди рыбачили, одним словом – идиллия.

И вот чтобы не нарушать эту идиллию мать-тигрица на время рыбалки людей прятала своих тигрят в убежище. И всё бы хорошо и такой уклад мог бы сохраняться вечно, если бы её тигрята были привычно рыжего цвета и не выделялись на фоне зарослей джунглей. А тут-то они беляночки, да ещё и такие озорники. И это их озорство, невзирая на угрозы и наставления матери-тигрицы, только нарастало. Прошёл ещё один месяц, и оно уже практически било через край, что не могло не сказаться на безопасности. И однажды уровень озорства настолько возрос, что стал превышать всякую осторожность.

3

Было обычное летнее утро, и ничто не предвещало беды. Однако её симптомы уже начали проявляться. С самого рассвета тигрята вели себя особенно возбуждённо. Правда непонятно почему; то ли сон им какой приснился, то ли солнышко слишком припекло, а может и настроение так сложилось, кто знает. Но как бы там ни было, в это утро тигрята совсем распоясались. Прыгали, кувыркались, рычали, шипели, и даже дерзили матери. Но она нашла метод, как призвать их к порядку; сначала рыкнула так, что в округе задрожали

джунгли, а потом по разу шлёпнула своих малышей по мягкому месту, отчего те сразу присмирели.

– А теперь я ухожу на охоту, и чтоб сидели у меня тут тихо!... Никаких глупых выходок,... сохраняйте спокойствие, и я вас больше не накажу!... – с явной угрозой в голосе напоследок предупредила она и тут же отправилась в джунгли охотиться. Тигрята остались одни. Разумеется, первые минуты, они, всё ещё находясь под воздействием маминого предупреждения, вели себя тихо и покладисто. Однако уже через час к ним снова вернулось лихое настроение. Опять началась возня, кувыркания, и в конечном итоге тигрята вновь выкатились за пределы убежища. Ну а на воле они уже не смогли остановиться, и игра быстро переросла в догонялки.

Вроде ничего такого, ведь тигрятки уже подросли, рычат и даже царапаются. А в случае чего и постоять за себя смогут. Но это только если где-то рядом с домом, ведь тигрица перед уходом своим грозным рыком распугала всех потенциальных недругов. А тут вдруг тигрят, словно как магнитом потянуло к реке. Впрочем, это тоже можно понять, ведь свежий ветерок с Брахмапутры так и манил. В результате чего тигрята неосознанно выбрали направление и вскоре оказались на берегу реки. И надо же такому быть они сразу выкатились на самый крутой откос. Такой получается, когда вода подмывает берег и земля осыпается.

Ну а тигрята в пылу игры совсем не заметили этого обрыва, выскочили на него и как были, кучей-малой, полетели

вниз в воду. Течение сразу подхватило их и понесло за собой вниз. Настоящая беда, тут взрослому-то свалиться с такой кручи страшно, а здесь вообще ещё малыши. Но слава богам, представители семейства кошачьих с рождения умеют плавать. Так что тигрята не растерялись и стали упорно грести лапками.

Секунда, другая, и они быстро выровняв своё положение, направились к берегу. Плохо только, что берег в этом месте пока так и оставался отвесным, бедные тигрятки никак не могли за него зацепиться. Им приходилось тратить массу усилий, чтоб оставаться на плаву. Однако сплавившись чуть подальше, тигрята удачно наткнулись на небольшой плоский выступ в виде скромного островка. И вот его-то как раз хватило, чтоб малыши зацепились и выбрались на сухое место. Правда, у них тут же завязалось препирательство.

– Это ты столкнул меня вниз в воду!... Я в этот момент был спиной к реке и не видел её!... – сходу упрекнул своего брата один из тигрят, и мигом получил отпор.

– Не надо говорить ерунды!... Да я сам в это время ничего не видел,... ведь ты лапой закрыл мне глаза!... – вполне резонно возмутился брат.

– Правильно!... Я потому и прикрыл тебе глаза, чтоб ты не видел, какую подсечку я для тебя готовил!... – вмиг парировал первый тигрёнок и тут у них разгорелся такой спор, что пришлось вмешаться третьему брату.

– Да тихо вы оба!... Это была всего лишь игра, и мы

все трое должны были быть осторожными, ведь мама предупредила нас, чтоб мы сидели тихо и никуда не высовывались!... А мы послушались её, и вот результат,... мы сидим на каком-то непонятном клочке земли и не можем никуда двинуться!... Впереди у нас река, а позади отвесный берег, и что теперь делать неизвестно... – остудил он пыл братьев, и они все трое резко замолчали. Задумались, как им дальше быть. Но тут их раздумья прервал громкий окрик, доносящийся с середины реки.

Это кричали рыбаки. Они с утра уже вышли на рыбалку, и сейчас, сплавляясь на лодках вниз по течению, проверяли расставленные накануне сети. Их было тоже трое; двое на основной, большой лодке, и один на маленькой, вспомогательной. Сети они как раз уже проверили, и даже выгребли кой-какой улов, и тут вдруг рыбачок, что был помоложе и позорче, заметил своим острым взглядом тигрят на островке возле берега.

Да и как не заметить таких-то малышей; три белых, мокрых, трясущихся комка шерсти. И вполне естественно, рыбачок, увидев такое диво, закричал. Не прошло и минуты, как рыбаки, усиленно взявшись за вёсла, стали скорей грести к островку, чтоб получше разглядеть свою находку. И чем ближе они подгребали, тем стремительней их удивление сменялось на жажду наживы.

– Смотрите-ка, какие крохотные белые тигры!... Совсем котятка!... Я таких ещё никогда не видел!... – заголосил мо-

лодой рыбак.

– И ведь точно,... совсем малыши,... притом такого необычного окраса, белые,... только мокрые!... И я думаю, что как раз из-за такого окраса их мать и бросила их,... ведь тигры не воспринимают тех, кто отличается от них!... Видать, тигрица выгнала котят из логова на реку, чтоб они тут утонули... – предположил второй рыбак, который по возрасту был чуть старше первого.

– Хм,... да ничего-то вы не понимаете!... Это боги нам знак свыше подали,... нас трое и тигрят столько же,... каждому по котёнку!... Это нам награда за все наши мытарства!... Вот вы представьте, сколько могут стоить эти белые малыши, если их, к примеру, продать в бродячий цирк,... или же в зоопарк к самому падишаху,... наверняка бешеных денег стоят!... Может даже тысячу золотых рупий!... Да на такие деньги можно три жизни безбедно прожить!... – с явно алчным настроем заключил третий и самый старший рыбак.

– Ого!... тысяча рупий!... да это же богатство-то какое!... Но только как его получить!?... ведь падишах живёт в Калькутте на священном Ганге, а мы здесь на Брахмапутре прозябаем!?... – чуть ли не пуская слюнку от соблазна обогатиться, запричитал первый рыбак.

– Ха-ха!... вот глупец!... Ну, неужели ты не знаешь, что Брахмапутра впадает в Ганг!?... Стоит нам только спуститься вниз по течению, как мы самым спокойным образом по-

падём в Калькутту!... Но такими, какие мы сейчас, нам там не быть,... нас просто не пустят к падишаху в этом рыбацком тряпье!... Надо сначала вернуться домой, переодеться, привести себя в порядок,... и только тогда отправляться в путь!... А сейчас, ну-ка хватайте этих котят и сажайте в мешок, чтоб они не смогли царапаться да кусаться,...поплывём домой... – мигом настроил на нужный лад своих младших товарищей бывалый рыбак и кинул им мешок с веревками, чтоб те скорей пленили тигрят.

Ну а молодые рыбаки ребята ушлые, проворные, им не впервой что-либо в мешок паковать, им случалось и сомов размером с бревно ловить, а тут всего-то тигрята-малыши. Похватали они их моментом, да в мешок покидали. Куда уж тут царапаться да кусаться, за шкурку хватать и все дела. А бедные тигрятки как в тёмный мешок попали, так сразу присмирели, прижались друг к дружке и молчат, даже мяукнуть не хотят, вон как им боязно, ведь до этого их в мешок ещё никто не сажал. Рыбаки же, быстро поблагодарили богов за неожиданный улов, и поспешили к себе в деревню, готовиться к путешествию в Калькутту.

4

А тем временем мать-тигрица, удачно поохотившись, возвращалась домой в убежище. И уже на подходе к нему почувствовала что-то неладное. Стояла необычная тишина, не слышно ни шороха возни, ни ворчанья игры, всё тихо и спокойно.

– Может, спят?... намаялись, наигрались, вот и задрема-

ли... – предположила тигрица и прибавила шагу. Каково же было её изумление, когда она обнаружила убежище совершенно пустым.

– Что такое?... где мои шалунишки?... Вот же плутишки-безобразники,... наверное, куда-то спрятались,... видимо обиделись, что я перед уходом на охоту так их отругала, и решили отыграться... – пока ещё ничего не понимая, подумала тигрица, а вслух стала звать своих котят, – ну где же вы мои сорванцы!?!... А ну выходите шалунишки,... я вам свежего молочка принесла,... идите лакомиться... – ласково промурлыкала она и стала обнюхивать воздух, ища след своих малышей. Так потихоньку-полегоньку, шаг за шагом, она сначала вышла из убежища, затем, точно следуя по запаху, направилась к реке, и вот уже там оказалась прямо на обрыве. Дальше след терялся.

– Ах, что это!?!... не может быть!... Неужели мои бедные котятки из-за моих погрёков бросились в реку и утонули!?!... Ну, зачем я так на них сердилась и ругала!?!... Нет-нет!... я не вынесу этого!... Ах, вы мои маленькие тигрятки... – предположив самое страшное, залилась слезами тигрица. Сердце матери было разбито. Её рыдания гулким эхом разносились по всей Брахмапутре. И ещё неизвестно чем бы закончился её плачь, если бы с реки не поднялся свежий ветерок и не принес ей тихий голос.

– Зря ты льёшь слёзы, мать-тигрица,... твои тигрята не утонули, они живы,... но если ты не перестанешь плакать,

то можешь потерять своих деток навсегда... – возвестил голос и лёгким шелестом растворился в джунглях.

– Что-что!?!... они живы!?!... какая радость!... Спасибо тебе дух реки за добрую весть,... я узнала твой голос!... Но ты говоришь я могу их потерять,... так что же здесь произошло!?!... что с моими тигрятками!?!... где они!?!... расскажи мне!... – мгновенно отозвалась тигрица.

– О, не беспокойся,... малыши всего лишь упали с обрыва,... но их тут же подобрали рыбаки и всех троих посадили в один просторный мешок. И вот тут, к сожалению, возникают трудности,... рыбаки собираются отвезти твоих деток в Калькутту и продать падишаху,... у него большой зверинец и там они будут жить в холе и сытости!... Однако если ты хочешь избавить их от жизни в неволе, то тебе стоит что-то предпринять!... – вновь возвестил свежий ветерок.

– Но как же ты допустил такое!?!... разве ты не мог отогнать рыбаков от моих тигрят и спасти их?... Ах, что же мне теперь делать!?!... – вроде вновь запричитала мать-тигрица, но дух реки резко оборвал её.

– Постой-постой!... тебе не в чем меня упрекнуть,... ведь главное, я не дал тигрятам утонуть,... я вынес их на островок, и дальше их жизни уже ничего не угрожало,... они и сейчас живы-здоровы,... а я могу вмешиваться, лишь тогда, когда им грозит неминуемая гибель!... И потом, разве я не предупредил тебя, что это на тебе лежит вся ответственность за твоих детей, а не на ком-нибудь другом!?!... Брахма сотво-

рил их белыми, но сбережь их должна ты, мать!... И не стоит тебе пререкаться со мной, иначе я рассержусь!... – вполне серьёзно заявил голос.

– Ах, прости меня, и не сердись,... конечно же, ты предупредил меня и я понимаю, что только мать виновна в бедах своих чад!... Зря я так напустилась на тебя,... но я в отчаянии и не знаю, что мне делать,... ведь если я прямо сейчас брошусь в деревню рыбаков спасать моих малышей, то меня там просто убьют!... Люди злы и не поймут мой порыв,... ведь они не знают, что мне нужны лишь мои тигрята,... люди подумают, что я пришла разорять их деревню и будут защищаться!... Помоги же мне дух реки,... подскажи, что делать,... иначе у меня не будет больше выбора, как только погибнуть в деревне спасая моих малышей... – взмолилась о помощи тигрица.

– Хм,... пожалуй, ты правильно рассуждаешь,... в деревню тебе никак нельзя,... там тебя точно ждёт смерть,... но это лишь в том случае если ты отправишься туда в облике тигрицы!... Ну а если ты явишься в деревню как человек, то с тобой не произойдёт ровным счётом ничего,... и быть может тогда, ты уговоришь тех троих рыбаков вернуть тебе твоих детей... – слегка повеселев, туманно намекая, отозвался дух реки.

– Ты о чём?... что это ты такое говоришь?... как это я пойду к рыбакам в качестве человека?... да разве такое возможно?... или ты забыл, что я зверь?... – вновь ничего не пони-

мая, залепетала тигрица.

– Ха-ха!... а вот тут ты заблуждаешься,... я всё прекрасно помню!... Скорей это ты забыла, что являешься матерью тигрят сотворённых волею самого Брахмы!... А потому я могу во всём тебе помогать, и даже наделён властью превращать тебя в человека,... ведь я сын Брахмы и дух реки с его именем!... Так что приготовься к превращению,... ты станешь женщиной и отправишься в деревню!... Но перед этим запомни, ты более не вправе использовать свои звериные повадки,... люди не должны ничего заподозрить,... рычать на них или бросаться, ни в коем случае нельзя! А уж коли они будут сильно тебя допекать или нестерпимо раздражать, то ты сможешь их просто усыпить,... но не убивать!... Я вложу в твоё дыхание эфир забвенья, и если ты захочешь кого-либо усыпить, то тебе надо будет, лишь дыкнуть на него, и он сразу заснёт, будто умрёт!... Надеюсь, ты всё поняла?... – решив воспользоваться властью божества, спросил тигрицу дух реки.

– Да, я всё поняла и готова на любые испытания ради своих малышей!... – моментально ответила она и уже с последними словами преобразилась в высокую стройную индианку, одетую в оранжевое сари, отороченное чёрными полосками. Расцветка тигрицы полностью сохранилась, и это придавало женщине некую мистическую загадочность.

– Ну вот,... теперь ты человек,... точнее женщина, и ты обладаешь всеми способностями людей; умеешь ходить

на двух ногах, говорить как они, выражать свои эмоции,... так что беги скорей в деревню!... Поднимайся выше по течению,... там за дальней излучиной есть удобное место для брода,... к твоему появлению я сделаю его мелким, и ты свободно перейдёшь по нему на противоположный берег, а оттуда сразу попадёшь в деревню,... торопись, пока солнце ещё высоко!... И помни, судьба твоих деток, зависит только от тебя!... Я же, всего лишь твой помощник!... – спешно напутствовал тигрицу голос, и она опрометью бросилась через джунгли вверх по побережью.

Ну а дальше всё случилось именно так, как и предупреждал дух реки. Едва тигрица подбежала к дальней излучине, как Брахмапутра мгновенно обмелела, появился брод, и уставшей беглянке не составило особого труда перебраться на противоположный берег. Всего один рывок, одна попытка, и тигрица в облике индианки уже оказалась в деревне рыбаков. Вроде бы цель достигнута и всё хорошо, но рано радоваться, здесь бедную мать ждало полное разочарование.

5

Так уж вышло, что пока тигрица разговаривала с духом реки и бежала к излучине, те трое рыбаков в чьём мешке сидели тигрята успели переодеться, взять с собой запас пищи и отправиться в дальнейшее плавание в Калькутту. Иначе говоря, они разминулись с тигрицей. Несчастливая мать опоздала буквально на несколько минут. Но она-то пока ещё не знала об этом, а потому сразу бросилась бегать по деревне и искать

тех рыбаков.

Она стучалась практически в каждую дверь, рвалась в каждый дом, каждую хижину, и слёзно спрашивала, где ей найти рыбаков подобранный сегодня на реке тигрят. Однако она не учла того, что рыбаки схитрили и никому не сказали о своём негданном улове. Они в тайне ото всех, и даже от своих жён с детьми, собрались и отчалили. Вот и получается, что все старания по розыску тигрят были напрасны. А меж тем начало вечереть.

Бедная тигрица оббегала уже все улочки и переулочки, стучалась даже по второму разу, но все жители смотрели на неё, как на блаженную, или как не от мира сего, а проще говоря, сумасшедшую, и скорей закрывали перед ней двери. При этом не надо забывать, что деревня была огромная, и раскидана, словно город. Так что тигрице пришлось изрядно потрудиться. Она уже совсем отчаялась, сильно устала, выдохлась, и собралась было идти к реке просить совета, как вдруг ей почти уже на берегу повстречался юный паренёк рыбачок. И надо же такому быть он оказался соседом одного из тех трёх рыбаков, и на вопрос тигрицы, «видел ли он сегодня рыбаков со странным мешком?», ответил.

– А вы знаете женщина, пожалуй, что и видел, ... где-то примерно в полдень я застал своего соседа с мешком на плечах, ... он как раз вернулся с рыбалки, ... но рыбы с ним не было, её обычно носят в больших корзинах, а тут у него этот странный мешок! ... Притом я даже не успел спросить

его, что в мешке, ... сосед быстро собрался и куда-то умчался с этим мешком!... – вкратце пояснил он, отчего тигрица-мать на радостях была готова замурлыкать и потереться о ноги паренька, как это обычно делают кошки, однако вовремя очнулась. Вспомнила, что сейчас она в человеческом облике, и лишь скромно поблагодарила паренька. Но тут же попросила его показать, где живёт тот сосед-рыбак. Сказала, что она хочет поговорить с его женой и посмотреть на то, как он живёт.

Паренёк не почувствовал в этой просьбе никакого подвоха и повёл тигрицу к дому того рыбака. А почему бы и нет, ведь мать-тигрица в облике женщины-индианки выглядела очень даже убедительно, а оранжевое сари и пряди густых чёрных волос с лёгкой проседью на чёлке придавали ей вообще благородный вид. Так что спустя всего пять минут, тигрица, благодаря расторопности паренька, уже говорила с женой рыбака похитившего её тигрят.

– Извините меня за назойливость, но не могли бы вы мне обрисовать, как именно оделся ваш муж для поездки, какая у него лодка и чем он объяснил свой срочный отъезд?... – быстро поздоровавшись, первым делом спросила тигрица и как можно приветливее улыбнулась, на что сразу получила благосклонный ответ.

– О, муж был одет, как и множество мужчин в наших местах, ... вот только он взял с собой праздничный пояс, словно собрался на праздничный приём, ... но не сказал к ко-

му, ... посекретничал, ... правда, обещал привезти много дорогих подарков! ... Кстати, лодка у него тоже простая, ... как и у всех прочих, ничего такого, ... но простите, зачем вам всё это знать? ... вы такая благородная женщина и спрашиваете про обычного рыбака? ... – уважительно всё пояснив, и признав в тигрице женщину из более высокой касты, учтиво переспросила жена рыбака.

– Ну, хорошо, ... скажу, не таясь, ... всё дело в том, что ваш муж взял нечто такое, что принадлежит только мне, ... а он не имел права этого делать! ... Теперь мне предстоит найти его, и вернуть своё, ... поэтому-то я и интересуюсь его приметам, ... ведь в лицо я его не видела, но тогда хоть знать, как он одет! ... Да и разных лодок на реке много, ... вот я и спросила, как выглядит ваша лодка, ... только и всего ... – также учтиво ответила тигрица, но жена рыбака отчего-то восприняла её ответ, как оскорбление.

– Это что же получается, ... по-вашему выходит, так мой муж вор!?! ... Ведь как вы говорите, он у вас что-то взял без спроса, ... и что же это такое он у вас украл, раз вы его ищите!?! ... уж не золото ли!?! ... Да нам никаких богатств не надо! ... мы рады уже тому, что у нас есть, ... река нам даёт еду, а дети наполняют дом счастьем! ... и ничего чужого нам не нужно! ... – категорично заявила она. А при слове «дети» из соседней комнаты выбежали и сами дети рыбака. Их было трое. Трое весёлых и милых ребятешек, один другого младше. Они подумали, что матушка их зовёт, потому-то и вы-

скочили. А тигрица, увидев их, сразу добавила.

– Нет, не золото он у меня забрал, а то, что намного ценнее и дороже, ... и вы как мать должны бы меня понять, ... но боюсь, пока вы не узнаете истинную цену вашего счастья, разговора у нас не получится. У вас своя правда, у меня своя... – грустно отозвалась она и тут же удалилась. Тигрица поняла, что жена рыбака больше ей ничего не скажет, а потому не стала тратить времени зря и решила узнать у заждавшегося её снаружи паренька, где живут оставшиеся два рыбака.

– Подскажи, как мне найти друзей твоего соседа, ... я хочу спросить их, куда делся тот мешок, ведь в нём самое дорогое, что у меня есть... – обратилась она к пареньку, но тот отшатнулся от неё.

– Э, нет!... Больше я вам ничего не скажу, ... я слышал, как на вас кричала жена моего соседа, ... вы обвинили его в воровстве, а ведь он честный человек, я это точно знаю!... Эх, я-то думал вы добрая женщина, а вы сродни колдуньи, ... и выглядите обманчиво, и сеете рознь!... Ничего вы больше от меня не получите, и ступайте прочь!... – не на шутку рассердился паренёк и даже схватился за палку, чтоб отогнать тигрицу. А ей и ничего не оставалось делать, как только уйти. Положение было печальное, она толком ничего не узнала, да к тому же ещё и настроила против себя местных жителей. И тогда тигрица решила вновь обратиться к духу реки. Не прошло и минуты, как она была уже на берегу.

– Ты слышишь меня дух Брахмапутры!?!... я полностью потеряна и не знаю, что делать!... Моих деток уже увезли, и я целый день потратила лишь на то, чтоб узнать об этом!... Отзовись, приди мне на помощь!... – взмолилась она, и мгновенно получила ответ.

– Да я слышу тебя,... и знаю, что твоих тигрят уже везут в Калькутту,... но я не властен помешать этому, ведь их жизни ничего не угрожает. За то время, что ты бегала по деревне, их отвезли уже достаточно далеко, ведь воды мои быстры, а течение скоро... – полушёпотом отозвался голос.

– Но если ты не властен помешать, то хотя бы удержи рыбаков в пути,... а я пока постараюсь нагнать потерянное время и настичь их... – вновь взмолилась тигрица.

– Ну что же,... задержать я их, пожалуй, смогу,... вынесу лодку на мель, пусть посидят, отдохнут. И всё же, это не выход из положения,... рыбаки просто так не отдадут тебе тигрят,... скорее они убьют тебя, ведь жажда золота затуманила их разум и они теперь ради наживы готовы на всё,... даже на убийство,... это же люди, а они слабы перед блеском золота!... Так что тебе надо придумать нечто другое,... притом ты должна знать, что времени у тебя на это мало,... быть может всего ночь!... Завтра рыбаки снимут лодку с мели, и будет уже поздно,... стоит им только покинуть мои воды и перетечь в великий Ганг, как они уже окажутся в его власти, и я вообще ничем не смогу тебе помочь... – ответил голос и растворился в вечернем прибое.

– И всё-таки ты удержи рыбаков, посади их лодку на мель!... а я пока что-нибудь придумаю!... – крикнула вслед голосу тигрица и стала лихорадочно рассуждать, – да, времени у меня мало,... но его хватит, чтоб найти выход из положенья!... Во-первых, надо сделать так, чтоб рыбаки, даже думать забыли о моих тигрятах и о золоте за них, ... чтоб они полностью отвлеклись от таких мыслей и озаботились, лишь своими делами!... Но только вот как их отвлечь?... Что же у них есть такого, что они забудут о деньгах и сами захотят вернуться в деревню?... Ради чего они готовы на это?... – основательно задумалась тигрица, и вдруг решение пришло само собой. Впрочем, чему тут удивляться, ведь в минуту опасности любая мать способна творить чудеса, она пойдёт на всё что угодно, лишь бы спасти своих деток. Вот и тигрица нашла решение своей проблемы.

– А ведь у рыбаков тоже есть дети!... я же их видела,... и они так же их любят,... вон как они счастливы с ними!... Так если они забрали моих деток, то я заберу у них их детей,... тогда рыбаки уж точно не захотят никакого золота и поспешат скорее домой!... Дух реки наделил меня способностью усыплять людей,... делать их, будто мёртвыми,... вот я и воспользуюсь этим преимуществом!... Сегодня я видела, как дети рыбаков играют с пузырями, вынутыми из рыбьих кишок,... эти пузыри для них, словно мячики,... вон как весело они ими забавлялись!... И вот тут у меня появится новая задача,... и это, во-вторых,... тут мне придётся изрядно

потрудиться, ... надо будет наполнить все эти воздушные пузыри своим сонным дыханием! ... Я видела, как во время игры дети лопали их, ... пузыри с шумом взрывались, и воздух из них окутывал детей, ... так же он окутает их и моим ядовитым дыханием, ... дети уснут, и покажутся мёртвыми! ... В деревне сразу поднимется шум, ... и тогда остаётся сделать только третье, ... сообщить об этом рыбакам, сидящим на мели, ... и я уверена, они как миленькие поспешат домой, и вернут мне моих деток! ... Да, мой замысел коварен и подл, ... но ведь и рыбаки поступили со мной несправедливо, ... и я вынуждена тоже так поступить... – тщательно рассудив, решила тигрица, и мгновенно кинулась в деревню выполнять свой жестокий план.

К той поре как раз уже совсем стемнело, вокруг ни души, все жители деревни разошлись по домам спать. Однако детские игрушки так и остались лежать разбросанные по всем улицам. И среди них, конечно же, были те шарики-пузыри из рыбьих внутренностей. А чего их забирать домой и прятать, ведь завтра рыбаки привезут новый улов и можно будет сделать сколько угодно новых пузырей для игры.

А в данном случае и делать-то ничего не пришлось, всё на себя взяла мать-тигрица. Она быстро обнаружила место разделки рыбы и нашла там ещё большое количество невостребованных рыбьих пузырей. И это благодаря её исключительному нюху и ночному зрению, ведь не надо забывать, что хоть она и выглядела как человек, но по содержанию так

и оставалась кошкой, а кошки прекрасно видят и чуют в темноте, ночь им не помеха.

Ну а дальше тигрица методично и аккуратно наполнила своим дыханием практически все найденные ею пузыри. Затем мягко и крадучись ступая по улицам деревни, разнесла эти пузыри по всевозможным местам детских игрищ. Никто её даже не заметил, уж что-что, а красться по-кошачьи тигрица умела. Правда потрудиться ей пришлось в полную силу, ведь деревня большая, почти городок, и мест для детских забав много. Зато отдыхать тигрица удалилась с чувством полного удовлетворения.

6

Но вот настало утро, деревня вновь проснулась и зашумела. Отцы семейств поспешили на реку рыбачить. Матери взялись хлопотать по хозяйству. А детвора как обычно весёлой ватагой высыпала на улицы. И пяти минут не прошло, как все укромные места городка были заполнены задорным детским смехом и отзвуками радостной возни в игры. Но особенно дети радовались внезапному обилию на улицах рыбьих пузырей-шаров. Их было столько, что у ребят сразу возникло желание полопать их. А отчего бы и нет, уж полопать-то шарики любят все, это же так громко и весело. И ребятня с жарким азартом набросилась на них. Началось настоящее побоище. Шары лопались повсеместно.

А меж тем воздух из шаров с ядовитым дыханием тигрицы всё больше и больше окутывал ребятню. И вскоре это

привело к печальному результату. Ещё и полудня не было, как улицы городка стали наполняться телами упавших детей. Они лежали повсюду; и во дворах, и на дорогах, и у колодцев, и на площадях в пыли, везде. Да все подворотни были просто-таки усеяны падшими детьми. Притом их вид не вызывал сомнения, что все они мертвы; дыхания не ощущалось, а сердцебиение не прослушивалось.

Разумеется, в городке сразу поднялась паника. Крики, причитания, слёзы скорби, горечь утраты, матери теряли разум от горя. Да и кто бы остался равнодушным к столь жуткой картине, десятки мертвых детей на улицах. Жители были уверены, что началась какая-то детская эпидемия. Ведь никто из них не знал, что это всего лишь такой странный сон, а не смерть. Зато тигрица знала об этом, и она единственная спокойно шествовала по улицам городка. Её план удался, люди ощутили точно такую же материнскую боль, какую испытывала и она сейчас.

Теперь тигрице оставалось только завладеть вниманием женщин и заставить их вернуть ту троицу рыбаков похитивших её тигрят. И это было последним условием её плана. Тигрица вышла на главную площадь, где к тому времени уже собралось множество убитых горем матерей, и поднялась на помост, с которого обычно возвещали главные новости в городке. Увидев её на помосте в ярко-оранжевом сари, женщины на мгновение умолкли и застыли в каком-то смутном ожидании. Тигрица, тут же воспользовавшись этой пау-

зой, начала свою речь.

– Послушайте меня, матери деревни рыбаков!... Я точно такая же мать, как и вы все!... И у меня тоже есть дети!... но только они не здесь!... Их у меня похитили и повезли продавать в рабство, в неволю!... А сделали это, жители вашей деревни, ваши соседи, трое воспылавших жаждой наживы рыбаков!... Вчера я ходила по деревне и просила о помощи, но вы все смотрели на меня как на сумасшедшую и равнодушно отворачивались,... а некоторые и вовсе брезговали говорить со мной!... И вот теперь вы на моём месте!... сегодня вы потеряли своих детей и ощутили мою боль!... Ну что, сейчас вы считаете меня сумасшедшей!?... – бросив укоряющий взгляд на толпу, громко и внятно спросила тигрица.

– Да о чём ты тут говоришь, полоумная женщина!?... Ты вчера ходила и спрашивала о каком-то мешке, да о каких-то белых тигрятах,... а у нас дети!... тоже мне сравнила,... большая разница!... – возмущённо выкрикнул из толпы какой-то старик.

– Ах, вот как!... значит, по-вашему, людские детёныши важны, а тигриные нет!... И после этого вы хотите, чтоб природа была к вам благосклонна и не трогала ваших отпрысков!... Так вот знайте, как вы отнесётесь к природе, так и она ответит вам!... И чтобы уж совсем вам было понятно, то я не человек!... я мать-тигрица!... И это моих деток тигрят похитили ваши рыбаки!... выкрали их из лона природы и повезли продавать падишаху в Калькутту!... жалко, что я вче-

ра разминулась с ними, иначе бы им несдобровать!... И это я усыпила ваших детей,... и они останутся в таком состоянии, пока вы не вернёте мне моих деток!... Вы можете сейчас кричать на меня, проклинать, возмущаться, и даже можете убить меня, но это вам не поможет!... просто тогда ваши дети навечно останутся такими!... Так что теперь вам выбирать, что делать дальше,... возвращать назад ваших рыбаков и отдавать мне тигрят,... или продолжать проклинать меня!... – решительно заявила тигрица, и в тот же миг на площади поднялся страшный гвалт.

– Но как же мы вернём наших рыбаков!?!... Ведь они наверняка уже далеко уплыли!... Нам их не догнать и тигрят тебе не вернуть!... А может, они уже их продали!?!... Но мы готовы на всё ради наших детей!... Ты только подскажи, как нам поступить!... – со всех сторон полетели к тигрице женские возгласы. И что интересно, в них не было ни злобы, ни упрёка, все матери прекрасно понимали, почему тигрице пришлось так поступить, ведь каждая из них ради своего ребёнка так же была готова пойти на любое безрассудное деяние. Вот и тигрица медлить не стала, и вновь взяла слово.

– Вам следует сейчас же написать послание тем рыбакам!... В нём вы расскажите о горе, которое постигло вашу деревню из-за их алчного поступка!... И прикажете им немедленно вернуться с моими тигрятами!... Затем запечатаете это послание в глиняный горшок и отдадите его мне!... А дальше уже моя забота, что с ним делать!... Торопитесь,

время идёт, ... вы можете не успеть, и тогда ваши дети навсегда останутся спящими!... – кратко, но внятно предупредила женщин тигрица и стала ждать их реакции. Впрочем, долго ждать не пришлось.

В деревне сразу нашёлся и пергамент, и стило, и чернила, и глиняный горшок, и даже сургуч. Практически всё, чтоб составить послание и запечатать его. Кстати, о том, что послание следует отправлять в запечатанном горшке, знали все рыбаки и их жёны ещё с незапамятных времён. И сейчас это знание как раз пригодилось. Знала об этом, конечно, и тигрица, ведь она многие годы прожила бок обок с людьми, и не раз наблюдала, как жёны рыбаков сплавляют им весточки на дальние рыбачьи угодья. Так что прошло буквально несколько минут, и послание было составлено, запечатано в горшок, и передано тигрице. А уж она скорей кинулась на берег, и там снова обратилась к духу реки.

– Приди мне на помощь сын Брахмы!... Прими этот горшок с посланием и как можно быстрее отнеси его тем рыбакам на мели!... Пусть они прочтут послание и немедленно возвращаются, ... а ты поспособствуй им в этом!... – громко воззвала она, и в ту же секунду получила ответ.

– Вижу, ты нашла выход из положения, ... воспользовалась моим подарком для тебя, ... усыпила своим дыханием людских детей и заставила их матерей на себе испытать твоё горе!... Ну что же, это немножко жестоко, но разумно!... А твою просьбу я мигом исполню, ... доставлю горшок с по-

сланием рыбакам и даже помогу им быстрее вернуться!... – мгновенно отозвался дух реки, подхватил горшок с посланием и, перекатывая его по волнам, с такой скоростью помчал вниз по течению, что ещё до обеда послание оказалось у рыбаков. Они в это время по-прежнему сидели на мели и, чертыхаясь, пытались стащить лодку в реку. Но, невзирая на то, что их было трое, у них это никак не получалось.

И тут вдруг, откуда ни возьмись, к ним в лодку прямо с волны залетел глиняный горшок и разбился о борт. Послание, выпавшее из горшка, тут же привлекло внимание незадачливых рыбаков. И они немедленно бросились его читать. А прочитав, схватились за головы и начали причитать.

– Ах, горе-то какое!... Что же мы натворили, украв у матери-тигрицы её тигрят!... Ой, надо скорей возвращаться домой,... быстрее плыть назад, отдавать ей тигрят и спасать своих детей!... Да простит нас великий Брахма за наш недуманный проступок!... – словно ошпаренные заголосили они, и стали что есть сил толкать лодку к воде. И вот здесь уже в дело вмешался дух реки. Он моментально нагнал большую волну, поднял лодку с мели и откинул её вместе с рыбаками на глубину.

Ну а дальше всё пошло самым чудесным образом. Рыбаки и парус-то поставить не успели, как их лодчонку подхватил набежавший пенистый бурун и понес её против течения, невзирая на все законы природы. Разумеется, это дух реки расстарался, гнал лодку, обходя все пороги и мели. Нёс её,

словно пушинку. Так что к вечеру рыбаки были уже на месте, у деревни. А там их конечно ждали. И едва лодка коснулась берега, как все женщины деревни бросились к ней, но первой подбежала тигрица.

– Где мои тигрята!?!... Верните мне их немедленно!... – сходу грозно потребовала она. А рыбаки и слова ей сказать не посмели. Молча, открыли мешок и выпустили тигрят на волю. Тут уж мать-тигрица не сдержалась и расплакалась. А тигрятки сразу учуяли родной запах матери, и давай ей в ноги носами тыкаться. Но не успели они ещё в полную силу насладиться встречей, как внезапно Брахмапутра обмелела, и опять появился брод. Тигрица тут же ступила на него и направилась на противоположную сторону. Тигрятки естественно последовали за ней.

И только они все четверо достигли другого берега, как воды реки вновь поднялись и брод мигом исчез. А в следующую секунду исчезла и величественная женщина в оранжевом сари, а вместо неё появилась прежняя рыжая мать-тигрица. Тигрятки так обрадовались её внезапному превращению, что все трое хором замурлыкали. А как же иначе, ведь они столько маму не видели, бедняги.

– Ну что, мои милые тигрятки-шалунишки,... идёмте домой,... я вас молочком накормлю, а то ведь наверняка проголодались, пока путешествовали... – ласково рыкнула тигрятам мама, и все они тут же растворились в зарослях джунглей, началась их дорога домой.

А тем временем в деревне все дети, вдруг как по команде, стали просыпаться. Кончился срок действия ядовитого дыхания. Не было больше женщины-тигрицы, не стало и её волшебного заклятья. То-то тут в посёлке сразу праздник начался. Матери и отцы ликовали, от радости места себе не находили. Плакали и смеялись одновременно, ведь счастье опять вернулось в их семьи. И с тех пор все жители деревни, раз и навсегда, зареклись связываться со своими соседями тиграми. Больше никогда и ни за что их не трогали, и уж конечно ни в коем случае не обижали их маленьких деток котят.

Ну а наши белые тигрята-непоседы вскоре благополучно добрались до своего дома. И в тот же день перестали противоречить маме-тигрице. Отныне во всём её слушались и повиновались ей. Благодаря чему, по мере роста, преобразились в могучих и благовоспитанных красавцев. А в народном эпосе Индии даже появились сказанья о них, где говорится, как братья тигры стали верными спутниками и помощниками трёх главных индуистских богов – Брахмы, Вишны и Шивы. Вот такая интересная и, несомненно, поучительная история произошла когда-то на берегах прекрасной Брахмапутры...

Конец

9. Сказка о жадном художнике Ареде-скареде, который любил деньги больше, чем своё искусство

1

Лет двести тому назад, а может и сто пятьдесят, или сто, жил да был в одном сказочном королевстве художник по имени Аред. И тут сразу надо пояснить, что имя Аред означает – алчный, скупой, злой, дряхлый старикашка. Как уж родители дали ему такое имя, до сих пор непонятно, остаётся только догадываться. Либо они обожали древние легенды о герое с таким именем, либо просто начитались страшных сказок про жадного Кощея. Однако, как бы там ни было, уж как назвали, так назвали. При этом надо заметить, что Аред являлся высококлассным художником.

Его картины отличались от всего прочего; они были намного реалистичней, сияли необыкновенным колоритом, и имели поразительное сходство с оригиналом. Уж если это был портрет, то он ничем не уступал прообразу. Человек на портрете выглядел настолько натурально, что казалось, он вот-вот сойдёт с полотна. Ну а если Аред брался за пейзажи, то они полностью соответствовали действительности. Всё на них было прописано с такой точностью, что зрителям приходилось подолгу вглядываться в изображение, дабы

убедиться, что это всего лишь картина, а не подлинный уголок природы, вставленный в рамку. Таких безукоризненно выполненных полотен свет ещё не видывал.

С уверенностью можно сказать, что Аред обладал редкостным даром. Великим талантом данным ему свыше. Или как в таких случаях говорят в народе, «его при рождении ангел в темечко поцеловал», что означает божественное происхождение способностей человека. И ведь действительно, за всё время летоисчисления в этом сказочном королевстве более способного художника не рождалось. Впрочем, кто-то может сказать, «ну и что тут такого, ведь королевство-то сказочное, и почему бы в нём не появиться столь талантливому гению, да там вообще все должны быть особенными».

И ведь сказавший это, будет стопроцентно прав. А всё потому, что так оно и было на самом деле. Каждый житель королевства обладал определённым, особенным талантом. И если это был пекарь, то хлеб он пёк такой, что вкусней его в мире не было. И так во всём, мельник молот только самую лучшую муку, землепашец выращивал самое лучшее зерно, коневод разводил только самых превосходных лошадей, а кузнец ковал исключительно качественные подковы. Даже король обладал настолько тонким политическим чутьем, что за годы его правления не прозвучало ни единого нарекания в его адрес. До сего дня абсолютно все жители королевства были довольны его правлением и искренне радовались, что у них такой мудрый и справедливый король.

И вот что ещё интересно, все жители королевства, включая сюда и вельмож с придворными, трудились таким образом, чтоб в стране не осталось ни одного бедняка или немощного. Граждане честно исполняли свои обязанности и старательно заботились о процветании всего общества. Правда встречались и исключения из этого ряда замечательных и благородных подданных короля. И как раз одним из таких исключений был художник Аред.

2

Как бы странно это ни звучало, но именно он, Аред, оказался той самой ложкой дёгтя в бочке меда, что губит всеобщую картину благополучия. Ещё в раннем отрочестве, едва лишь поняв какой талант заключён в его руках, он сразу возгордился и стал невыносимо амбициозен. Требовал к себе особого уважения и чрезмерного почитания. Ну а, повзрослев, ещё и пристрастился к деньгам. Стал назначать за свои работы какие-то немислимые гонорары. Теперь не могло быть и речи, чтоб какой-нибудь простой булочник или сапожник осмелился заказать у него портрет. Да что там булочник с сапожником даже не каждый вельможа из королевского окружения мог позволить себе полотно его кисти. Ну а вскоре Аред вообще зазнался.

– Если кто-либо хочет получить мою работу, то пусть платит столько, сколько я хочу, а не сколько он назначит!... Мои картины ценит сам король!... Я даже ему ставлю свои условия,... и король платит!... – кичился он своими связя-

ми с королём и требовал повышенной оплаты. Хотя, казалось бы, в этом нет ничего зазорного, ведь многие художники назначали и назначают монархам свою цену. Ну что плохого в том, что король благоволит тебе и хорошо платит за твои услуги? Вообще-то ничего плохого, но это только тогда, когда твои требования никак не отражаются на доходах других жителей королевства.

Ну а в этом случае, как раз всё так и было. Завышая свои гонорары, Аред, невольно залазил в карманы своих сограждан, ведь из-за его расценок король был вынужден поднять налоги. Ну а дальше – больше. Кичась своим знакомством с королём, Аред настолько раздул свои амбиции, что и сам не заметил, как сделался жадным, алчным скопидомом. Его даже прозвали Аред-скареда, что значит очень скупой. Теперь деньги в его жизни вышли на первый план. А от этого стали страдать многие люди, имеющие прямое отношение к живописи. И вот почему.

Помешавшись на деньгах, Аред принялся выживать из королевства других художников, пусть даже и менее талантливых. Он посчитал их своими конкурентами и скатился до недопустимых методов борьбы с ними, начал с элементарного шантажа и подкупа. Нанимал нечистых на руку разбойников из соседних держав и натравливал их на своих бывших коллег живописцев. А тем, разумеется, ничего не оставалось, как только бежать из сказочного королевства. Конечно, вместе с ними бежали и их семьи, а также родственники

с друзьями, ведь травля распространялась и на них.

Ну а тех, кто не поддавался на шантаж, Аред травил судебными исками. Да-да, хоть королевство и было сказочное, но судебная система в нём тоже существовала. Так что не прошло и года, как на всё королевство остался только один художник – сам Аред. А из-за его баснословных гонораров, как уже говорилось, ни один простой житель не мог заказать себе у него ни портрета, ни рисунка, ни гравюры, ни даже самого простого пейзажа на стенку в гостиную. Всё подмял под себя Аред, теперь в живописи властвовал только он. При этом был безумно богат, невероятно жаден и безмерно эгоистичен.

– Лишь только я имею право в этом королевстве заниматься искусством!... Все прочие художники – скверные посредственности, и не заслуживают такой чести!... Здесь я король живописи!... И не потерплю инакомыслия!... Накажу, не помилую!... – громогласно заявлял он, чуть ли не каждый день на главной ярмарочной площади перед королевским дворцом. В результате чего его стали даже побаиваться. А то как же, ведь вещает он такое прямо перед окнами самого короля, да ещё и угрожает расправой. Ну, разумеется, нашлись и такие горожане, кто поддержал его.

– А что такого, ... он всё правильно сделал, ... убрал со своего пути всех конкурентов и сейчас может просить за свою работу любую цену, ... а кто не согласен, тот пусть катится ко всем чертям!... А он молодец, теперь будет только бога-

теть, ... Эх, вот бы и мне так! ... – как-то однажды с нескрывае-
мой завистью высказался на стороне Ареда мясник из кол-
басной лавки.

– Да ты только и знаешь, что о прибыли думаешь! ... Вот
из-за таких торгашей, как ты и появляются в нашем королев-
стве голодные люди! ... Вы готовы припрятать товар лишь бы
дефицит создать и потом цены взвинтить! ... Эх вы, крохо-
боры, ... ни стыда у вас, ни совести! ... – возразила мяснику
молочница, что торговала рядом с ним. Уж у неё-то товар
скоропортящейся, и ей, конечно, хотелось бы продать его по-
быстрей. Это не то, что у мясника, заморозил в леднике ку-
сок телятины и ему ничего не будет, а тут молоко, продукт
нежный. Вот и разгорелся у них спор. Но что ещё хуже, это
было только началом.

И оглянуться не успели, а там уже и пекарь с булочни-
ком разбирательство затеяли. Уж чего они не поделили –
непонятно, вроде всегда всё в порядке было. А там и ко-
нюх с кузнецом спорить принялись. И так повсюду, пошло-
поехало. В королевстве всё чаще стали вспыхивать ссоры
и рознь. Сложилось угрожающее положение. Так и до всеоб-
щей смуты недалеко. Хоть королевство и сказочное, но про-
блемы точно такие же, как и в любом простом царстве-госу-
дарстве. Раздор и недовольство всегда найдёт лазейку в че-
ловеческих взаимоотношениях, если для этого созданы по-
добающие условия.

Вот и сейчас все условия для раздора были созданы, ведь

в королевстве нарушился основной закон природы, который гласит о разнообразии всего сущего и ставит под сомнение превосходство одного индивидуума над прочими личностями. Иначе говоря, как бы ни был одарён один человек, он не сможет заменить собой всё то разнообразие, что несут в мир другие, менее талантливые люди.

И здесь напрашивается простой пример, взять хотя бы тех же бабочек и мотыльков, ведь их на свете столько, что ими можно любоваться бесконечно. Ну а если бы существовал всего лишь один вид, пусть даже и самой красивой бабочки, то насколько оскудел бы мир без всего того разнообразия красок, что мы имеем сейчас. И это ещё не говоря о цветах. Уж их-то столько видов, что и жизни не хватит все перечислить. А представьте если бы в садах цвели только одни розы или скажем пионы. Ну, это же просто тоска-смертная каждый день смотреть на одни и те же бутоны. Да они бы быстро приелись и надоели.

Вот примерно такое же положение сложилось и в сказочном королевстве. Пресытился народ картинами одного художника. А красочные полотна пейзажей и гармоничные портреты кисти старых мастеров, которых изгнал Аред, пропали из домов горожан. А какие полотна ещё оставались, те быстро старели и блёкли, сменить их на новые картины не было никакой возможности. Повсюду наблюдалось тоскливое запустение и сплошная скука. Ну а там где господствует скука и тоска, там сразу появляется тяга к крепким, хмель-

ным напиткам. А это вкупе с тем напряжённым настроением, что царило на улицах королевства весьма опасная смесь.

И начались тогда в трактирах и тавернах пьяные драки, о которых в былые времена, и помыслить-то было трудно. А это намного хуже, чем всеобщий бунт, беспощадный и бесполезный. С бунтом хоть как-то можно совладать. Договориться подкупом с атаманом-главарём, или подавить войском, и всё, бунт исчерпан. А здесь атамана нет, договариваться не с кем, да и войска на всех не хватит. И положение ухудшалось с каждым днём всё больше и больше. Пьяные драки и мордобой прямо-таки захлестнули всё королевство. Вот какая беда может случиться, если из отлаженной и благонадёжной системы изъять хотя бы одно звено. Казалось бы, ну что тут такого, ведь в обществе не стало всего лишь художников, и вот на тебе, сразу такая беда. Оказывается люди без прекрасного стремительно дичают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.